

Всеволод Протопопов

Последний Дракон

Книга 1 Неисповедимы пути драконов

12+

Всеволод Всеволодович Протопопов

Последний дракон. Книга 1.

Неисповедимы пути драконов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29186561

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-11989-5

Аннотация

В империи Повелителей драконов родился наследник, который предсказан, как роковой ребёнок. Его спасают Верховный жрец и его ученик. А теперь представь, читатель, что этот роковой ребёнок – это ты. И вдруг ты поймёшь, что ты вовсе не то, что каждый день ты видишь в зеркале. Что ты и есть тот роковой ребёнок и только от тебя зависит, быть ли Мирозданию или не быть.

Рождаются горы, чтоб в прах обратиться,
рождаются реки, чтоб в море пропасть,
для неба рождаются быстрые птицы,
но всё попадает в бездонную пасть.

И время, и время – дракон ненасытный,
всех нас, пожирая, разинувши пасть,
всё может решить за момент, за единый,
остаться в веках или сразу пропасть.

Лишь тот промежуток, что жизнью зовётся,
отпущен нам в лавке суровой судьбы.
На землю сухую пусть дождик прольётся,
чтоб всем нам хватило тепла и борьбы.

Судьба выбирает того, кто страдает,
страдает за тех, кто идёт позади.
И часто кровавую дань собирает,
взыскав у того, кто идёт впереди.

Гулко звучат шаги в бесконечном пустом каменном тоннеле, что ведёт во дворец Повелителей. Не самый лучший путь, скажу я вам, но всё же лучше, чем пробираться по поверхности в самый разгар лютой зимы, когда царствует невыносимая стужа, а все пути завалены непроходимыми снегами. Нет уж, увольте от такой романтики.

Когда-то путь под горой был очень оживлённым местом, где вам вряд ли угрожало одиночество. Ярко освещённый множеством светильников, он представлял собой своеобразный центральный проспект древней столицы, где можно было встретить как важного вельможу, одетого в роскошное платье, так и простолюдина в более чем скромной одежде.

Вырубленный в монолитной скале в незапамятные времена, чуть ли не раньше возникновения империи, тоннель этот был облицован полированными плитами чёрного диатомита, которые ярко блестели в свете горящих светильников. В стенах его было вырублено множество ниш, которые исполняли роль маленьких лавочек, ресторанчиков и ателье, где желающему предлагалось всё, что душе угодно, в зависимости от величины его кошелька. Когда-то путь под горой был любимым местом прогулок горожан.

Прошло каких-то пять лет, и вот я иду в полном одиночестве по слабоосвещённому коридору, никого не встречая на своём пути, лишь гулко отзываются мои шаги по каменным плитам.

Тишина и полумрак, царящие в тоннеле, сами по себе, меня не пугали, однако, когда помнишь лучшие времена, поневоле запустение, царящее вокруг, не улучшает настроение. А у меня и без того настроение было хуже некуда.

Я не был здесь уже пять лет, с тех самых пор, когда бежали от гнева отца мои старшие братья. По правде говоря, я и сам тогда еле ноги унёс и то, только потому, что меня в

своё время хорошо обучили Искусству Мудрости. С тех пор я не терял времени даром и все эти пять лет занимался Искусством Мудрости, как раб на галерах. Скажу без лишней скромности, что в этом деле я преуспел. Именно тогда и возник у меня замысел небывалого заклинания.

Встреча, ради которой я и шёл во дворец, не предвещала мне ничего хорошего, но она была нужна, ибо являлась краеугольным камнем в задуманном. Кроме того я всегда очень хотел посмотреть на женщину, которая тридцать лет назад дала мне возможность жить на белом свете. Короче, я очень хотел и в то же время боялся увидеть собственную мать, которую я никогда не видел.

Сегодня мне исполнилось ровно тридцать лет, и я вправе просить аудиенцию у Повелительницы, которая и была моей матерью. Такие порядки в семье Повелителей империи – тёплые родственные чувства здесь противопоказаны. Поэтому младший отпрыск царствующих Повелителей мог рассчитывать на встречу с собственной матерью только спустя тридцать лет после рождения. Не скажу, что бы я очень уж желал этой встречи, но именно на неё у меня был основной расчёт.

До начала аудиенции оставалось ещё два часа, поэтому я не спешил и брёл по тоннелю, как говориться, нога за ногу. Я вспоминал, тем более было чего вспомнить. Однако Искусство во мне никогда не теряло бдительности и это неоднократно спасало мне жизнь, спасло и в этот раз. Мгновенно брошенное заклятие ещё в воздухе сожгло стрелу, выпущен-

ную в меня неизвестным мне стрелком. Очень многообещающее начало.

Реакция, как всегда, сработала предельно точно; две другие стрелы не успели оторваться от тетивы, а тело уже распласталось в воздухе, пальцы правой руки сами собой сложились в жест атаки и в тоннеле передо мной вспыхнул и тут же погас яростный огонь. Я успел уловить несколько коротких полных предсмертного ужаса воплей. Путь был свободен, и я последовал дальше, стараясь не наступить на закопчённый участок мостовой.

Во мне бушевал гнев, стремясь вырваться наружу неудержимой лавиной ярости. Что ни говори, а это наша родовая черта, с которой я многие годы борюсь с переменным успехом и, в общем-то, справляюсь, хотя на это требуется некоторое время. Правда иной раз очень хочется не сдерживаться, особенно когда сталкиваешься с таким явным вероломством, как только что. Сделав над собой усилие, мне удалось подавить гнев и обрести очень нужное сейчас равновесие.

Ну вот, игра началась, и мне выпало играть чёрными. Первый ход сделан и у меня развязаны руки. Время терпит, поэтому не будем спешить. Посмотрим, какова будет реакция на мой удар. Вряд ли они всерьёз рассчитывали так быстро покончить со мной. Скорее всего, это с одной стороны был вызов, а с другой проверка моих возможностей. Господи, неужели серая немощ проникла и сюда – в самое сердце империи, поразив, при этом, разум моих противников? Как

бы ни желал я поражения врагам моим, гибели Родины, тем более, от серой немощи, я никак не хотел и ради её блага готов был примириться даже с моими врагами.

В глубоком раздумье продолжал я свой путь. Не знаю, что ждёт меня в конце этого пути – славная победа или позорный конец и есть ли конец у этого пути. Это уже не важно. Теперь есть только игра, а всё остальное до поры не имеет значения.

Ты далеко зашёл сквозь синие просторы.
Куда торишь ты путь, и есть ли где предел?
быть может, впереди шкатулка ждёт пандоры,
а может позади лишь цепь ненужных дел?

Предела нет, но есть конец, конечно,
а может за концом ждёт новый поворот.
так вышло, под луной, увы, ничто не вечно,
и снова путь пролёг до неба от ворот.

И этот путь для нас судьбою был проложен.
пройти его сумей, чтоб не было потерь.
Чтоб никогда клинок не покидал бы ножен,
чтоб чист был пред собой, таким же, как теперь.

А если вдруг с тобой случится неудача,
вдруг станет, скучен путь, жизнь станет не мила,
на выпады судьбы всегда найдётся сдача,

такими уж на свет нас мама родила.

Глава 1. РОЖДЕНИЕ ДРАКОНА.

Дворец Повелителей некогда мощного, а ныне, доживающего остатки отпущенного ему времени государства, был, как всегда, мрачен и тих. Редкие в это время придворные передвигались совершенно бесшумно. Время от времени тишину нарушали чёткие шаги сменяющихся караульных да порывы ветра, что периодически завывали в каминных трубах. Был первый весенний месяц, который в этих местах отличался частыми снежными бурями. До настоящей весны с её обилием талых вод было ещё далеко.

В этот весенний день, когда на дворе бушевал особенно сильный снежный буран, перемешивая землю и небо, в жарко натопленных покоях Повелительницы на свет появился младенец. Этого события, которое было предсказано много лет назад, все ожидали со страхом, ибо всё связанное с его рождением было достаточно тревожным. Как всегда, предсказания были весьма туманны и запутанны, что приводило к многочисленным вариантам их толкования.

По одним толкованиям выходило, что рождение его знаменует конец света и всеобщую гибель. По другим, оно означает конец Империи и гибель всех её подданных. Короче, толкований было множество, но все они сводились к тому, что ничего хорошего от этого рождения ожидать не прихо-

дилось. Поэтому Повелитель – полноправный хозяин Империи, носящий титул Повелитель Драконов и отец данного новорождённого, был очень встревожен. Его тревога естественным образом передалась сенаторам и придворным. Поэтому в дни, предшествующие рождению ребёнка во дворце царили тревожные тишина и полумрак.

В день рождения сына Властелин с Канцлером и Верховным жрецом закрылись в тронном зале. О чём они совещались, не знает ни кто, однако, на другой день был оглашён высочайший указ Повелителя Драконов, в котором объявлялось, что каждый дракон, чья сущность была проявлена, лишается покровительства рода и каждый гражданин империи волен поступать с ним так, как того требует его долг перед своим родом.

Так получилось, что рождение рокового младенца совпало с указом, который ставил, по существу, всех прирождённых драконов, за исключением царствующих, вне закона. Для того, что бы читателю было понятно, о чём речь, скажу несколько слов о драконах Империи.

Много тысячелетий назад, когда Империя была ещё молода и полна сил, её населяли преимущественно драконы. Надо понимать, что они внешне выглядели как обычные люди, разве что несколько более высокие и хорошо сложенные. Но это только внешне. Люди эти обладали воистину ничем не ограниченным сознанием и поэтому были наделены такими способностями, которые казались обычным людям чем-

то сверхъестественным. В числе их способностей было одно, которое особенно поражало людей. Это была их способность менять собственную форму. Поэтому каждый из них помимо обычного человеческого облика имел, как правило, один или несколько демонических или звероподобных. Наиболее часто они использовали облик крылатого ящера, которого люди называли драконом. Именно поэтому и носителей такого облика называли драконами.

В то время люди и драконы жили, достаточно дружно, и не было вражды между ними. Вообще-то люди и драконы произошли от общих предков, просто на каком-то этапе сознание людей, вследствие ряда причин, стало закрываться и пути драконов, которые сумели сохранить своё сознание в целости, и людей разошлись. Пока пути их были достаточно близки, всё было хорошо, но чем дальше, тем больше расходились их пути. В конце концов, они разошлись настолько, что между ними возникла неприязнь, постепенно переросшая во вражду, и видят Боги, инициатором её были отнюдь не драконы.

С незапамятных времён в Империи преобладали родовые законы, то есть всю внутреннюю жизнь империи регулировали законы рода, имперские законы лишь регулировали взаимоотношения между родами, обеспечивая тем самым устойчивость всего государства. Род определял всё и никто из членов рода не мог пойти против него без страха стать изгоем. А стать изгоем в Империи было равносильно изгнанию на

чужбину. Если же такой бывший член рода пытался остаться на Родине, то это было сродни самоубийству. Ибо любой законопослушный подданный Империи обязан был убить его, как бешеного пса, хотя, если бы был убит законопослушный член рода, то род имел полное право отомстить за него в виде выкупа кровью убийцы, либо в форме выкупа в денежном эквиваленте. Таков был древний закон Империи, и он до сих пор позволял относительно мирно сосуществовать людям и драконам.

И вот, с рождением последнего ребёнка у Повелительницы Драконов, издаётся закон, который ставит всех драконов, не смотря на принадлежность к какому-то определённом роду, вне закона. Иначе говоря, любой может убить дракона и ему ни чего за это не будет. Долго копившаяся ненависть людей к драконам наконец-то вырвалась наружу. Результатом этого указа стало массовое уничтожение драконов во всех родах Империи, за исключением царствующего рода, хотя именно там драконы были в большинстве. Обезумевшие люди без всякого повода просто убивали драконов, вымещая на них чувство собственной ущербности. Произошла серия погромов, в результате которых многие драконы погибли, многие просто сбежали, предупреждённые сочувствующими им людьми, но некоторые из них прорвались с боем, применив Искусство. Они ушли, оставив после себя гору трупов, отомстив за своих, но при этом преумножив ненависть к себе.

Драконов же царствующего рода погромы не коснулись, однако многие из них уехали в дальние имения, а многие за-
таились до поры до времени, и казалось, что времени этого
совсем немного, ибо ненависть людей, не только не утихла, а
наоборот многократно возросла, и теперь была направлена
на царствующий род. Вот такие дела творились в канун рож-
дения последнего отпрыска царствующей четы Повелителей
Драконов.

Как только ребёнок родился, его тут же забрали от матери
и передали в руки жрецов, которые провели с ним все необ-
ходимые в таком случае обряды. После этого его показали
Повелителю, который только коротко взглянул на него и тут
же сделал отстраняющий жест, так, как будто увидел нечто
ужасное. Да, Повелитель умел видеть будущее.

После недолгого раздумья он произнёс, обращаясь к Вер-
ховному жрецу:

– Возьми его и отдай на воспитание надёжному челове-
ку. Пусть его увезут в какую-нибудь дальнюю обитель и не
спускают с него глаз. Обо всём, что касается этого ребёнка
докладывать лично мне и незамедлительно. Называйте его
Куваем и об его происхождении не должен знать ни кто. Всё,
ступай. –

Он сделал отстраняющий жест и жрец низко поклонив-
шись, покинул тронный зал.

Выйдя от повелителя, жрец с ребёнком на руках просле-
довал в свои покои. Оказавшись в своей комнате, обстановка

которой, надо отметить, была более чем скромной, он положил ребёнка на свою кровать и вызвал секретаря, который не замедлил явиться. Молча выслушав распоряжения хозяина, он низко поклонился и совершенно бесшумно удалился так, что могло показаться, что он просто растворился в воздухе.

Отпустив секретаря, верховный жрец надолго задумался, не спуская взгляда с младенца. Никто не знает, что он видел, однако лицо его всё больше хмурилось. Из задумчивости его вывело появление всё того же секретаря, который привёл с собой кормилицу.

Это была дородная женщина лет тридцати с добрыми серыми глазами. Она тут же завладела младенцем и удалилась в соседнюю комнату, что бы покормить его.

Секретарь с поклоном сообщил хозяину, что Азару отправлена весть и уже получен ответ, так что в скором времени он прибудет в столицу. Выслушав его, жрец сделал жест, которым отпускал его, и тот низко поклонившись опять исчез.

Оставшись один, жрец прошёл к конторке, откинул столешницу и уселся за своё любимое занятие, которым являлось написание хроники событий, участником или свидетелем коих он являлся. Он всегда так поступал, спеша записать всё, на его взгляд, важное, пока не прошла острота восприятия, и память хранила мельчайшие подробности. На этот раз события были настолько важны, что старый жрец с особым волнением принялся за любимое занятие.

Жреца звали Ляргус, и был он очень стар. Сколько ему было лет, он уже напрочь позабыл, да и, по большому счёту, ему было на это наплевать. Он чувствовал, что силы его постепенно тают, и приближается закономерное окончание земной жизни, однако и на это ему было наплевать. Конечно, он мог бы воспользоваться Искусством, к чему постоянно прибегали владеющие Искусством Мудрости для продления своего брэнного существования, но он никогда этого не делал, и делать не собирался. Это не было какой-то прихотью, просто он полагал, что недостойно прибегать к этому способу продления жизни.

Ляргус всегда был убеждён, что человек должен честно прожить свою жизнь, максимально используя каждое её мгновение и встретить конец с чувством исполненного долга. Для этого вовсе не надо прибегать к каким-либо ухищрениям, наподобие Искусства, которое должно служить для совершенно иных целей.

Кончив писать, жрец откинулся в кресле, на котором сидел и прикрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он просто заснул, но это была только видимость. На самом деле жрец вошёл в особое состояние, при котором он мог видеть не только сиюминутные события, но и то, что им предшествовало и то, что за ними последует. Если прошлое не вызывало особых чувств, разве что чувство лёгкого сожаления, то будущее ему очень не понравилось, и чем дальше он смотрел, тем больше оно ему не нравилось. Он прекрасно

знал, что при определённых навыках на будущее можно влиять, изменяя его в ту или иную сторону. Конечно, он имел эти навыки, но задача, стоящая перед ним была настолько сложна, что поневоле закрадывались сомнения в собственных возможностях. Действительно, если бы грядущие события зависели от ограниченного круга людей, то в этом случае он бы справился с задачей, затратив на это большие или меньшие усилия, но не сейчас. Сейчас в будущую ситуацию включился всесильный Закон Судьбы, и тут ни какие навыки, ни какие усилия не помогут. Единственное, что можно сделать – это смягчить последствия. Именно этим и был занят старый Верховный жрец Империи, и он нашёл выход, как ему тогда казалось.

Продолжая оставаться всё в той же позе, он то созерцал прошлое, то будущее, то погружался в короткий сон без сновидений. Много раз, с разных точек видения, перед ним развёртывались картины событий, приведших к рождению несчастного ребёнка, и он понимал, что тот ни в чём не виноват, и ему было жаль его. Перед ним вереницей проходило множество вариантов судьбы новорождённого, и ни один из них не понравился старому Ляргусу. Так прошла ночь, и день уже близился к своему завершению, когда из этого состояния его вывел секретарь, сообщив о том, что прибыл Азар и просит аудиенции.

С большим усилием старик пришёл в себя, и тут на него навалилась страшная усталость – казалось, что на плечи ему

положили гранитную плиту, которая его вот-вот раздавит. Так случалась каждый раз, стоило только злоупотребить данной духовной практикой, и он понимал, что рано или поздно может зайти слишком далеко и возврата уже не будет. Единственным средством от этой усталости были плотный ужин и глубокий продолжительный сон. С первым вопросов не возникло – он просто приказал накрыть стол на двоих в гостевой комнате покоев, но второе, то есть глубокий продолжительный сон откладывался на неопределённое время – необходимо было дать исчерпывающие инструкции Азару, а никто кроме него этого сделать не мог. Устало вздохнув, тяжело переставляя ноги, направился он в гостевую комнату, где его уже ожидал прибывший по его приказу Азар.

1.

Получив приказ явиться со всей поспешностью ко двору Великого Жреца империи, я без промедления отправился в путь, выбрав самую короткую, но отнюдь не самую спокойную из возможных, дорогу. Приказ есть приказ, а приказ, полученный по каналу экстренной связи, подлежит незамедлительному исполнению.

Сразу же по прибытию, даже не успев сменить прожжённое в нескольких местах дорожное платье, явился я в приёмную жреца и тут же был принят секретарём, который молча провёл меня в небольшую уютную комнату, где несколько слуг накрывали роскошный ужин. Указав мне на удобное

кресло, он молча поклонился и так же молча исчез. Только сейчас я почувствовал, как устал и проголодался. Я опустил-ся в кресло, которое услужливо приняло мои усталые кости, и стал ожидать хозяина.

Слуги, закончив сервировку, молча удалились. Остав-шись в одиночестве, я откинулся в кресле и закрыл глаза, дабы предаться любимому занятию – спокойным размыш-лениям. В этот раз они были мне просто необходимы, если вспомнить ту сумасшедшую гонку, которой я предавался по-следние сутки. Да дорожка была ещё та... Почему-то самая короткая дорога всегда самая трудная. Если бы не спешка – ни за что ни вступил бы на неё.

Вообще-то я старый бродяга и вряд ли смогу точно ска-зать, сколько дорог мне пришлось пройти, но есть такие, за-быть которые просто невозможно. Только что пройденная дорога относилась именно к таким. Не успев сделать по ней и двух шагов, я тут же столкнулся с приключениями. Не знаю, кому как, а мне они в тот момент были совершенно без на-добности. Я люблю приключения – они придают жизни неко-торую пикантность и заставляют кровь веселее бежать по со-судам, но всё должно быть к месту. Возможно при других обстоятельствах я бы с удовольствием придался этому раз-влечению, но мне было совершенно не до них из-за необхо-димости спешить. А жаль – из этого могло бы получиться прекрасное приключение, было бы что вспомнить и расска-зать приятелям при очередной встрече. Тогда я ещё не знал,

что вряд ли в ближайшие десятилетия мне удастся поболтать с приятелями, да что там поболтать – просто увидеться.

Худо ли бедно ли, но я всё же сумел преодолеть путь в кратчайший срок, замучив при этом себя в конец. Еле держась на ногах, свалился я в этот мир, конкретно в приёмную старого Ляргуса – моего учителя и старого друга.

Я открываю глаза, и меня сразу же начинает знобить – почему-то после перегрузок я просто замерзаю. Озноб усиливается, и я уже с трудом сдерживаюсь. Кажется, ещё чуть-чуть и я начну выбивать зубами дробь, что мне явно не к лицу. Буд-то почувствовав моё состояние, передо мной появляется всё тот же молчаливый секретарь. В руках у него поднос, а на подносе кубок, наполненный до краёв горячим вином с пряностями; как раз то, что мне сейчас нужно. Да, здесь хорошо знают мои вкусы. Беру с лёгким поклоном головы кубок и делаю большой глоток. Какое блаженство! От удовольствия даже прикрываю глаза и слушаю, как приятное тепло разливается по моему измученному телу и усталость, в компании с холодом, начинает отступать. Мне хорошо.

Пока я наслаждаюсь вином, секретарь мне что-то говорит. Я его не слушаю, но понимаю, что он извиняется за задержку и говорит, что жрец будет с минуты не минуту. Это меня радует. Секретарь кланяется и как всегда исчезает. Удивительное качество – вот так вот ненавязчиво исчезать. Сколько лет наблюдаю это и всё ни как не перестаю удивляться. Однако долго удивляться не пришлось – дверь в комнату от-

крылась, и усталой шаркающей походкой вошёл сам Верховный Жрец империи в сопровождении всё того же неизбежного секретаря.

Как он постарел! Мы не виделись с ним чуть больше года, а вид его был таков, словно прошло как минимум лет десять. Он весь как бы высох, нос его заострился наподобие клюва хищной птицы, под глазами образовалась синева, какая обычно бывает после бессонной ночи. Дополняли картину шаркающая нетвёрдая походка и слегка трясущиеся руки.

Я сделал попытку подняться с кресла, в котором сидел, дабы приветствовать жреца согласно принятого этикета, но он сделал отстраняющий жест рукой и я опустился обратно в кресло. Этим он очень удивил меня – обычно очень педантичный в вопросах этикета он никогда не допускал его нарушения. Это был единственный случай на моей памяти.

Ляргус тяжело передвигая ноги, прошёл к столу и сделал мне приглашающий жест, предлагая разделить с ним трапезу. Я не заставил себя долго упрашивать и подсел к столу напротив него. Тут же появились слуги и вмиг наполнили наши тарелки. Старик сделал едва заметное движение левой бровью и слуги совместно с секретарём, до сих пор не знаю его имени, исчезли. Видно способность исчезать распространялась в этом доме на весь обслуживающий персонал.

– Рад тебя видеть, мой мальчик – произнёс жрец тихим голосом, в котором слышалась усталость старого человека, обременённого огромной ответственностью.

– Я тоже Учитель – ответил я и посмотрел ему в глаза.

Он слегка улыбнулся и предложил мне сначала поужинать, а уж потом перейти к нашим проблемам, с чем я охотно согласился. Ужин был превосходный и я с удовольствием придался чревоугодию, ища оправдание ему в страшном голоде, который поневоле нагуляешь, проделав такой путь, который пришлось преодолеть мне. Учитель ел медленно и в то время, когда я уже наелся до отвала, он съел совсем немного. Наконец принесли вино и фрукты – наступило время для нашей беседы.

После ухода прислуги Ляргус сам налил два бокала красного, как сверкающий кристалл граната вина и один протянул мне, который я с вежливым поклоном принял. Затем одним мимолётным движением пальцев он поставил защиту от нежелательных слушателей – наш разговор должен был остаться между нами. Сколько лет прошло с тех пор, как мы с ним познакомились, а я до сих пор не перестаю поражаться тому, с какой кажущейся небрежностью накладывает он свои заклинания. Эта, якобы небрежность, выдаёт истинного Мастера Искусства.

Настроенный и без того серьёзно, я ещё больше внутренне собрался, готовый принять любые, даже самые невероятные новости. Причину нашей столь экстренной встречи я в общих чертах знал, именно в общих, так как достоверно мне было известно только о том, что роковой ребёнок родился. Всё остальное я мог только предполагать. Странно было

бы предполагать, что Мастер Искусства, а я именно был таким Мастером, не знал о таком давно ожидаемом событии, как рождение предсказанного ребёнка, рождение которого так или иначе должно радикально повлиять на судьбу нашего мира.

Ляргус, подняв свой бокал на уровне глаз, долго рассматривал что-то в алой глубине вина. Не знаю, что он там видел, но лицо его при этом выглядело напряжённо-усталым. Я понял, как сильно он устал и с каким трудом удаётся ему это скрывать. Всё-таки он молодец – так держаться в его возрасте.

Пока он молчал, я сначала понюхал, а затем попробовал на язык вино, наслаждаясь его утончённым букетом. Хотя я не был великим знатоком вин, однако всё же понял, что вино превосходно – одна из слабостей моего Учителя.

– Ты, конечно, знаешь, что это произошло? – внезапно спросил он.

Я промолчал, ибо это не было вопросом и не требовало ответа.

– Но, я полагаю, что ты не в курсе событий, которые последовали за рождением – продолжил он на удивление спокойным голосом, – поэтому я постараюсь поделиться с тобой последними новостями и мы вместе подумаем, что мы можем сделать в связи с этим.

Я опять промолчал – говорить было нечего, и стал ждать продолжения. Жрец опять погрузился в свои, только ему ве-

домые мысли. Я же наоборот постарался очистить свою голову от всяких мыслей – последнее дело строить предположения, не имея достоверной информации в необходимом объёме. Таким образом, я подготовил своё сознание к наиболее полному восприятию чрезвычайно важной информации, которую я рассчитывал получить от Ляргуса.

То, что поведал мне старый жрец, было, в общем-то, предсказуемо – примерно это я и ожидал. Удивили меня только два известия. Первой, конечно, стала весть о новом Указе Повелителя, который объявил драконов вне закона, а второй, оказалась распря, возникшая между царствующими супругами, грозящая перерасти, в междоусобицу.

– Удивительное дело, – продолжал жрец – Повелительница напрямую предлагала просто убить сына и, тем самым, разрушить нежелательные предсказания. Мало того, она же заодно, хотела убить и всех драконов из числа сыновей. Повелитель же был против таких решительных действий и предлагал убрать ребёнка куда-нибудь подальше от столицы и установить за ним надзор. Сенаторы разошлись во мнениях ровно пополам, и установилось шаткое равновесие. Всё висело на волоске, и пришлось вмешаться мне. Я заявил о существовании некого древнего предсказания – при этом он подозрительно хитро усмехнулся – и часть сенаторов склонилось на сторону Властелина. В результате было принято решение отправить младенца с надёжным человеком в дальнюю обитель, – закончил он свой рассказ.

Я молча слушал жреца и прекрасно понял, что он вынужден был пойти на прямой обман Повелителей и Сената империи, дабы не допустить междоусобицы и спасти младенца. Естественно, никакого древнего пророчества не существовало – его пришлось выдумать. Я прекрасно понимал, чем он рискует, вводя Сенат в заблуждение, но я так же понимал, что это было единственной возможностью не допустить гражданской войны в империи.

Окончив свой рассказ, старый Ляргус надолго замолчал, лишь время от времени делал небольшие глотки вина из своего бокала – видимо давал мне время осмыслить услышанное. Я был благодарен ему за это. Действительно осмыслить нужно было многое, чем я в тот момент и занимался.

Постепенно рассказ жреца и мои догадки стали складываться в единую картину, и эта картина мне вовсе не понравилась. До этого у меня были определённые намерения относительно моего будущего, и менять их мне как-то не хотелось, но дела складывались так, что менять их всё же придётся. К тому же было жаль мальчишку, который уж точно был ни в чём не виноват. Плюс ко всему, совершенно не хотелось обижать старого жреца, который надеялся на меня. Ловлю себя на мысли, что я уже сдался и только ищу причины, которые помогли бы мне выйти из сложившейся ситуации с честью.

Пока я размышлял Ляргус молча, маленькими глотками, пил вино, и внешне как бы отдыхал, однако этот его отдых

мог ввести в заблуждение кого угодно, но только не меня. На самом же деле, он пытался, правда, очень осторожно, прочитать мои намерения. Это я ощущал в форме лёгкого давления, буквально на грани восприятия. Внутренне улыбнувшись, я сделал вид, что ничего не замечаю и раскрылся перед ним, то есть показал все свои сомнения и решения, которые касались наших с ним дел.

Реакцией на это была широкая улыбка, которая впервые за встречу осветила лицо моего друга. Я посмотрел на него и вдруг мы оба засмеялись. Это была разрядка после долгого напряжения, и с каждой минутой смеха на душе моей становилось всё спокойней. Так всегда бывает после того, как решение принято и отступать некуда.

– Я не ошибся в тебе сынок – сказал Ляргус и наполнил мой опустевший бокал новой порцией вина.

Некоторое время мы просто молча сидели и пили вино. Говорить не хотелось – мы и так понимали друг друга.

– Сейчас нам надо поспать, а позже обговорим детали. – сказал жрец. – Честно говоря, я валюсь с ног от усталости, да и ты выглядишь не самым лучшим образом – продолжил он вставая.

Поспать нам, однако не удалось. В комнату, нарушив всякую субординацию, буквально влетел приснопамятный секретарь. Лицо его выражало даже не тревогу, а самый настоящий ужас. Ляргус бросил на него быстрый взгляд.

– Что случилось? – спросил он.

– Там толпа, ваша честь. Они требуют выдать им ребёнка, иначе грозятся взять дворец штурмом. Они настроены очень решительно и ни перед чем не остановятся, – быстро проговорил секретарь. Голос его заметно дрожал.

– События пошли по самому неприятному для нас варианту – проговорил жрец.

Он что-то прошептал на ухо секретарю и тот коротко кивнув, вышел из комнаты, но спустя несколько минут вернулся, неся в руках большой ларец, скорее даже маленький сундучок. Держался он уже абсолютно спокойно, как будто только что не пребывал в ужасе. Удивительное умение владеть собой – надо бы было, к нему присмотреться, а то я ведь даже не знаю его имени.

Ляргус велел поставить ларец на стол и распорядился привести сюда кормилицу с ребёнком. Спустя минуту пришла кормилица в сопровождении двух слуг, которые были одеты в дорожную одежду и несли на спинах объёмистые вещевые мешки. Оба на поясе имели короткие мечи. Кормилица держала завернутого в одеяло ребёнка.

Только сейчас я заметил, что и секретарь оделся по-походному.

– Обождите в соседней комнате – приказал жрец секретарю, и он поспешно вышел из комнаты. Следом за ним вышли и остальные.

Оставшись вдвоём, Ляргус положил руку на ларец и сказал

– Здесь все инструкции, деньги, ну, в общем, всё, что тебе потребуется. Возьми ключ – он протянул мне ключ от ларца на тонкой серебряной цепочке, и я повесил его на шею, спрятав под одежду.

– Спаси его, – вдруг горячо заговорил он. – Спаси его ради империи, ради будущего. Воспитай его как собственного сына. Сделай из него Мастера. Он должен жить – от этого зависит всё. -

Старик с трудом взял себя в руки.

– Уходи из города. Я их задержу. Слуги и кормилица будут тебе служить так же, как они служили мне. Да, мой секретарь пойдёт с тобой – доверяй ему как мне и если сможешь – помоги ему. –

На улице нарастал шум голосов. В комнату зашёл начальник охраны и доложил, что толпа напирает, и стража уже еле сдерживает её. Сегодня чернь очень возбуждена, по всему городу погромы – все ищут драконов.

– Ступай – сказал Ляргус начальнику охраны – Ступай и скажи толпе, что ребёнка уже увезли. Пусть выберут представителей, которым доверяют и пропусти их во дворец, что бы они могли убедиться в том, что ребёнка здесь нет. Да, ещё скажи им, что если они будут упорствовать, то начнёт говорить Искусство. И последнее, пошли за храмовой стражей. –

Начальник охраны отдал честь и удалился. Мы снова остались вдвоём.

– Я надеюсь на тебя, мой лучший ученик. Тебе пора ухо-

дить. За меня не бойся – я отобьюсь. Надеюсь ещё увидаться с тобой при более благоприятных обстоятельствах. Марк выведет тебя тайным ходом. Сразу же уходите как можно дальше от города. В безопасном месте открой ларец и ознакомься с моими инструкциями. Ну, всё, пора. –

Он подошёл ко мне и крепко обнял, потом резко повернулся и покинул комнату, оставив меня в одиночестве. С улицы доносились крики толпы, видимо там выбирали делегатов. Я вздохнул, взял со стола ларец и пошёл в комнату, где меня ждали мои спутники. Начиналась новая жизнь.

2.

Марк прекрасно знал систему подземных ходов, что с незапамятных времён существовала под древней столицей Империи. Кто их прорыл, для каких целей – не знал никто, но они очень многим помогали унести ноги во времена смут, или когда у вас проблемы с законом, или когда не вовремя вернувшийся муж, застаёт вас со своей женой, да мало ли этих или.

На поверхность мы выбрались уже в приличном отдалении от городских стен. Я с удовольствием вдохнул свежий лесной воздух, который после затхлости подземелий казался воздухом навеки потерянного рая. Хотелось дышать и дышать.

Лето кончалось и в этих широтах уже стало темнеть, поэтому мы оказались за городом уже в сумерках. Хорошо ещё, что небо ясное, а то бы пришлось идти в полной темноте.

Выход на поверхность находился в узкой скальной расщелине, выбираться из которой пришлось чуть ли ни боком. Наконец все оказались на поверхности. По каменистой тропинке мы поднялись на невысокий холм, с которого открывался прекрасный вид на город.

На этот раз город, что раскинулся перед нами, вызывал не восхищение, а чувство глубокой тревоги. На фоне сумерек город выглядел зловеще за счёт полыхающих тут и там пожаров. Мне чётко привиделось, как по тёмному городу мечутся толпы обезумевших людей, охваченных самой страшной жадой – жадой убийства ближнего своего. То, что подсказывало мне воображение, подтверждалось периодически доносящимся до нас гулом многотысячной толпы людей да всё новыми пожарами, которые возникали то тут, то там.

Зрелище горящей столицы вызывало во мне чувство близкое к отчаянью, и особо беспокоила меня судьба моего друга и учителя Ляргуса. Я гнал от себя дурные предчувствия в отношении его, но они упорно возвращались. Взгляд мой, устав от вида горящего города, обратился на моих спутников и тут я впервые увидел настоящее лицо секретаря Ляргуса. Кажется, его зовут Марк, и я всегда видел только маску, которую он носил, я бы сказал с изяществом достойным мастера. Но сейчас маска слетела с него, и передо мной предстал совершенно незнакомый мне человек.

Достаточно молодой – не старше тридцати лет, в меру симпатичный. Лицо его кого-то мне напоминало, но как я ни

напрягался, ни как не мог вспомнить. Сейчас это лицо выражало тревогу на грани страха, причём я видел, что эти чувства имели место не из-за того, что он боялся за свою шкуру, а за кого-то очень для него важного и дорогого. Очень интересно. С этим надо будет разобраться, как только представится возможность.

Холм, с которого мы смотрели на покинутый нами город, располагался не遠далеке от восточных ворот, служивших началом Восточного тракта, что вёл в Вольные земли. Место, с которого наблюдали мы за тем, что происходит в городе, было хорошо укрыто от посторонних взглядов, что обеспечивало нам относительную безопасность. Несмотря на сумерки, которые царили в этот час, было хорошо видно, что, не смотря на неурочное время, ворота были распахнуты настежь, и через них валила густая толпа беженцев. Так бывает всегда при любой смуте. Одни люди только и ждут повода, что бы ввязаться в драку, другие же, или более разумные, или более осторожные стремятся этого избежать, а лучшим способом для этого является бегство.

Со скорбью смотрел я, как горел город, который всегда тянул меня к себе, город, который я так любил. Вдруг я услышал мерный топот, который нельзя было спутать ни с чем – так боевым шагом двигалась Храмовая стража – элита из элит имперской армии. Беженцы поспешно расступились, уступая дорогу войскам.

Это было красивое зрелище. При свете множества факел-

лов, которые несли в руках воины, мимо нас прошла закованная в сверкающие доспехи длинная колонна лучших воинов Империи, напоминая собой сказочного стального змея. Беженцы восторженно приветствовали солдат, видя в них спасителей от безумия смуты.

Появления воинов Храмовой стражи вселило в меня уверенность, что старый Ляргус жив и крепко держит ситуацию в своих руках. Видимо та же мысль пришла в голову и Марку, ибо лицо его посветлело и с него исчезло выражения отчаянья. Я отчётливо понял, что страх его был вызван переживаниями за старого жреца, которому он служил верой и правдой и, судя по всему, любил.

Уверенность наша была основана на том, что изначально Храмовая стража подчинялась только приказам Верховного жреца империи, кои он отдавал, используя особую известную только ему технику Искусства. Несложно понять, что в случае гибели Верховного жреца, стража не сдвинулась бы с места.

Не успела колонна стражей втянуться в ворота, как в северной части столицы громынуло, да так, что я даже вздрогнул. В ход пошло боевое Искусство драконов. Похоже, драконы рода Серых камней, а северную часть города издавна населял именно этот прославленный род империи, решили либо прорываться из города с боем, либо продать свою жизнь подороже.

Время терпело, поэтому я решил по возможности досмот-

реть, чем всё закончится. Поэтому я сделал своим спутникам знак оставаться на месте и стал ждать, что будет дальше. Только последний страж прошёл в ворота, как снова гроыхнуло. На этот раз гораздо ближе к нам и мы увидели, как от ворот шарахнулись беженцы, а из ворот, держа строй, под развёрнутыми родовыми знамёнами вышла колонна вооружённых до зубов людей. В центре колонны шли женщины, старики и дети. В отличие от беженцев шли налегке. Следом за ними бросилась разномастная толпа озверевших людей, вооружённых таким же разномастным оружием, но натолкнувшись на хорошо организованную оборону, откатилась назад, оставив на земле множество неподвижных тел. Прорывающиеся из города, всю применяли Искусство, и оно щедро собирало жатву смерти с нападающих.

Сердце моё защемило, когда разглядел я знамёна идущих на прорыв. Это покидал город род Белого облака, который не предал своих драконов, а в полном составе решил покинуть Империю, предпочтя добровольное изгнание предательству. Это был род, в котором я родился и принадлежал к нему до тех пор, пока не выбрал путь Мастеров Искусства. Формально я уже не принадлежал к нему, но голос крови ничем не заглушить. Где-то там, в середине строя, под надёжной охраной мужчин рода шли мои престарелые родители, а мои братья и сёстры щедро раздавали удары озверевшей толпе. Я весь подобрался готовый в любую минуту прийти на помощь родственникам, и Искусство уже напряглось и звенело

во мне, как натянутая струна.

От опрометчивого шага меня спасла серия ударов, что были нанесены силой Искусства где-то в самом центре столицы, скорее всего возле дворца Властелина. Душа моя возрадовалась, так как в этих ударах я без труда узнал хорошо мне знакомый почерк – почерк моего учителя. Значит, он жив и борется, а отсюда следует, что он надеется на меня. Подвести его равносильно предательству. Поэтому я сдержал удар, тем более, что родственники мои успешно отбились от преследователей и скорым маршем зашагали по Восточному тракту.

Удары, которые нанёс по мятежникам Ляргус, были подобны тонкой хирургической операции, быстро подавили смуту. Далее своё дело сделала Храмовая стража, и город постепенно стал успокаиваться.

3.

Ночь перевалила через середину, когда, наконец, пожары в городе стали затухать и поток беженцев иссяк. Пора было уходить, но прежде чем идти, я должен был ознакомиться с инструкциями, которые для меня приготовил старый жрец. Кроме того я так устал, что буквально валился с ног. Требовался отдых и хороший обед. Поблизости от города я знал небольшой постоялый двор, хозяин которого был моим приятелем, он, конечно же, не будет задавать лишних вопросов. Туда я и решил направиться.

Мы спустились на дорогу, и, пользуясь тем, что одеты мы, были более чем скромно, так что вполне могли сойти за бе-

женцев, двинулись прочь от города.

Уже рассвело, когда, наконец, добрались мы до цели нашего путешествия. Постоялый двор, куда мы так стремились, был достаточно просторным двухэтажным домом, окружённым со всех сторон хозяйственными постройками и высокой каменной оградой. Дом был очень старый – его строил ещё прадед нынешнего хозяина. Первый этаж, сложенный из дикого камня занимал трактир с почерневшей от времени и каминной копти деревянной стойкой, за которой находилась кухня, а на втором – деревянном, сложенным из толстых, в обхват, брёвен, находились комнаты постояльцев.

Несмотря на раннее время, во дворе было многолюдно. Это беженцы, что накануне бежали из столицы, узнав, что мятеж закончился, спешили вернуться домой. Значит, у нас есть надежда получить освободившиеся комнаты и хорошенько отдохнуть.

Постоялый двор назывался «У старого Рикса». Хозяина, который вышел нам на встречу, естественно звали Риксом, хотя он вовсе не был стар – ему только-только перевалило за сорок. Как он мне когда-то рассказывал, что его прадед, дед и отец – все звались Риксами, отсюда и шло название заведения, а уж в честь кого из них, этого никто не знал.

Хозяин, разглядев мою скромную персону, поспешил навстречу, приветливо улыбаясь, но не той дежурной улыбкой, которой обычно встречает хозяин гостя, а искренней, идущей из глубины души. Так встречают только по-настоящему

близкого человека.

Лет десять назад я остановился здесь в первый раз, когда направлялся по делам в столицу. Время позволяло, и я решил отдохнуть здесь, что бы явиться в город со свежей головой. Тогда-то я и познакомился с Риксом. Уже тогда он был лысоват и имел этакое симпатичное брюшко. Ростом он был невелик, но при этом хорошо сложен. Лицо его постоянно улыбалось, и по любому поводу он готов был рассмеяться, что он и делал, причём смеялся так заразительно, что трудно было удержаться от смеха. Глаза его умели не только смотреть, но и видеть, уши не только слушать, но и слышать. Он понравился мне сразу и навсегда, а уж я, смею надеяться, неплохо разбираюсь в людях.

В тот вечер мы допоздна засиделись с ним, выпили не один кувшин вина, а вино, скажу я вам, у него было отменное, и хорошо поняли друг друга. Бывает так, что встретишь совершенно незнакомого человека, поговоришь с ним и вдруг понимаешь, что он по— настоящему близкий тебе человек, зачастую даже ближе, чем кровные родственники. Именно такой случай и произошёл при моей встрече с Риксом.

В тот раз я отправился спать далеко за полночь и надо сказать, что походка моя была не совсем твёрдой. Всё же хорошее вино у него. Однако уснуть в ту ночь мне всё же не удалось. Я успел только снять свою дорожную куртку и перевязь с мечом. Вообще-то я оружие не люблю и ношу его

только в тех случаях, когда этого требует этикет. В этот раз я ехал на официальную встречу и поэтому был при оружии.

Вдруг из трактира послышался какой-то шум и вслед за ним раздался истошный визг служанки, что прислуживала нам во время ужина. Это мне очень не понравилось и я, не мешкая, бросился вон из комнаты, прихватив свой меч. Скатившись чуть ли не кубарем с лестницы, я с шумом ворвался в трактирный зал, сжимая в руке меч.

Оказавшись в зале, я практически моментально оценил обстановку. Пока я отсутствовал, в трактир ввалились какие-то головорезы, в количестве шести штук. Один из них орудовал за стойкой, пытаясь вскрыть кассу. Двое других держали за руки служанку, которая вырывалась и при этом истошно визжала. Оставшиеся бандиты с тупым усердием избивали хозяина заведения.

Не раздумывая, я бросился туда, где моя помощь требовалась в первую очередь, то есть выручать Рикса. Вообще-то я человек спокойный, но в этот раз хмель ударил мне в голову и я, зарывав как лев, бросился на бандитов. Применить Искусство мне почему-то просто не пришло в голову. На моё появление, взгляды налётчиков обратились в мою сторону, но опешили они только на одно мгновение. По всему было видно, что они люди тёртые и не трусливого десятка. Оставив лежавшего неподвижно, словно труп Рикса, они моментально выхватили своё оружие и бросились мне на встречу.

Я считался неплохим фехтовальщиком, так как прошёл

обучение у лучших мастеров Империи и приобрёл неплохую практику во время странствий по путям мастеров Искусства. Трое, нападавших на меня бандитов, судя по тому, как они держали оружие и их движения, выдавали в них опытных бойцов. Судя по всему, они были либо дезертирами из Имперских войск, либо бывшими наёмниками. Они двигались стремительно, стараясь окружить меня. Двое имели прямые мечи средней длины, такими пользуется имперская пехота. Третий бандит – самый крупный из троицы, был вооружён обоюдоострой секирой, насаженной на длинную рукоять. Четвёртый грабитель, тот, что потрошил кассу, бросил своё занятие, достав длинный двуручный меч, двинулся в мою сторону. Все его движения выдавали в нём истинного мастера.

Служанка продолжала визжать, откуда только хватало сил, и это меня стало раздражать. Кроме того мне вовсе не улыбалось получить в дополнение к уже имеющейся четвёрке ещё двух бойцов. Ими заняться я рассчитывал после того как избавлюсь от первых. Поэтому я с помощью Искусства превратил на время миловидную служанку в страшное уродливое чудовище и визг служанки сменился истошными воплями и топотом обутых в тяжёлые сапоги ног. Бандиты попросту с перепугу предпочли сбежать. Тем лучше для них, а мне меньше хлопот. Как только бандиты убежали, служанке вернулся её обычный облик, и она бросилась к неподвижно лежащему хозяину.

Я чувствовал, что у Рикса дела обстоят из рук вон плохо и ему требуется срочная помощь. Поэтому я не стал тянуть со своими противниками, хотя очень хотелось проучить их без спешки. Но жизнь моего друга стояла на кону и я, не мудрствуя лукаво, несколькими движениями снёс пол головы одному из мечников, а громиле с секирой отрубил руку, в которой он держал эту самую секиру. Продолжая атакующее движение, я небрежно отмахнулся от второго мечника, от чего он согнулся, выронил меч и схватился за живот, стараясь зажать ладонями зияющую рану. В завершении атаки я оказался один на один с бандитом, в руках которого словно пёрышко крутился тяжеленный двуручный меч, кстати, не самое удобное оружие для схваток в помещении.

Как я и предполагал, этот оказался настоящим мастером. Две мои атаки были отбиты играючи, после чего он сам перешёл в атаку, бешено крутя своей железякой замысловатые петли и восьмёрки, и я бы не сказал, что отбил его натиск без труда. Дело затягивалось, а Риксу, я чувствовал, становилось всё хуже. Я, конечно, мог бы закончить поединок одним ударом, пустив в ход храмовую технику боя, но это было бы нечестно с моей стороны. Кроме того он мне понравился как боец и в другое время я бы с удовольствием скрестил с ним мечи, так что убивать его я вовсе не хотел. Исходя из этих соображений, я решил просто обезоружить его, слегка ранив при этом.

Своё решение я тут же реализовал, сделав обманное дви-

жение, поднырнул под меч противника и нанёс лёгкий колющий удар в точку, что расположена чуть ниже правого локтевого сустава. Этот, лёгкий, на первый взгляд, укол, произвёл неожиданный для врага моего эффект. Он дико закричал от боли, выронил меч и упал, потеряв сознание от болевого шока. Неожиданным этот эффект был только для бандита, а когда знаешь болевые точки, то эта реакция закономерна. Ничего страшного, полежит полчаса, и очухается, только рука ещё пару недель поболит. Ладно, не до него и я, забыв о нём, направился спасать моего нового приятеля – Рикса.

Подойдя к нему, я, прежде всего, сделал внешний обзор и никаких серьёзных ран не обнаружил, за исключением расчёванного лба и нескольких кровоподтёков на лице. Положив правую руку на его лоб, я очень быстро произвёл диагностику, результаты которой обнадеживали. Внутренние органы его были целы, что уже было хорошо. Имелось сотрясение мозга, два сломанных ребра и плюс ко всему отсутствовало несколько зубов. На данный момент он находился в глубоком обмороке, и мне пришлось немало потрудиться, прежде чем он пришёл в себя. Служанка сбегала во двор и позвала на помощь работников, ночевавших в сарае. Совместными усилиями мы перенесли его в спальню и уложили в постель, где он скоро уснул. Оставив Рикса на попечение всё той же служанки, я направился к своему пленнику.

Он как раз начал подавать признаки жизни и я, связав его на всякий случай, решил начать допрос. Я помог ему под-

няться и усадил на стул. Он вёл себя спокойно, только время от времени морщился от боли в раненой руке. Запираться он не стал. Рассказ его был довольно типичен для Империи. Служил в Имперской гвардии, повздорил с офицером, ударил его. Бежал, что бы ни попасть под трибунал. Прибился к таким же горемыкам. Благодаря своим навыкам и личной силе стал вожаком. Промышляли тем, что грабили путников и постоянные дворы. Им везло, пока не встретились со мной.

Чем-то он мне приглянулся, этот двухметровый молодой богатырь, которому на глаз не было ещё и тридцати. Звали его Антом, он был родом из западных варваров. Розовощёкий блондин с роскошной слегка выющейся шевелюрой сразу же обращал на себя внимание. Его василькового цвета глаза смотрели на мир с лёгким прищуром, казалось, что он бросает ему вызов. В общем, он мне понравился.

Закончив свой рассказ, Ант опустил голову, и некоторое время сидел молча. Я тоже молчал, обдумывая, что мне с ним делать – сдать властям, то есть отдать на казнь, которую по законам Империи он заслуживал или отпустить на все четыре стороны.

– Что со мной будет? – спросил он, спустя некоторое время.

– А что бы ты хотел – ответил вопросом на вопрос я.

Он опять помолчал, а затем с некоторой горячностью заговорил.

– Не знаю, кто ты, но я преклоняюсь перед твоим мастер-

ством. Как лихо ты меня вырубил, – сказал он.

– На виселицу мне как-то не хочется, но и быть разбойником тоже осточертело, – продолжил Ант.

– Вот если бы ты взял меня с собой, то клянусь небом, я бы служил тебе так же верно, как хороший пёс служит своему хозяину, – закончил он, и посмотрел на меня своими удивительными глазами.

Это его предложение застало меня врасплох. Вообще-то я собирался отпустить его – не отдавать же его на казнь, в самом деле. Брать себе слугу не входило в мои планы, поэтому я сказал ему, что он свободен и может убираться ко всем чертям. Однако он стал меня упрашивать, да так настойчиво, что я, в конце концов, сдался.

– Сейчас я не могу взять тебя – тебе не стоит появляться в столице. Но ты можешь остаться здесь, и на обратном пути я тебя заберу. Имей в виду, что я беру тебя только потому, что мой друг не получил серьёзных увечий, тем более ты его не избивал. Но ты останешься у него, и будешь выполнять все его пожелания. Не дай Бог, я узнаю, что ты плохо себя вёл. А сейчас отправляйся на кухню, я распоряджусь, что бы тебя накормили и выделили место для ночлега, – сказал я и встал, давая понять, что разговор окончен. Взгляд, который он бросил на меня, сказал мне, что я приобрёл в его лице не только преданного слугу, но и верного друга. Вот так я познакомился с Риксом.

Поздоровавшись с хозяином, я отошёл с ним в сторону,

и, не вдаваясь в подробности, обрисовал наше положение. Он сразу всё понял и повёл нас показывать наши комнаты, распорядившись, чтобы обед подали прямо туда. Говорить с ним о необходимости соблюдать тайну относительно нашего пребывания у него, было лишнее – он прекрасно умел держать язык за зубами.

По моей просьбе меня поселили вместе с Марком – я хотел поближе присмотреться к этому человеку. Что-то мне подсказывало, что наше с ним знакомство затянется на долгие годы. Кормилицу с ребёнком поселили в отдельной комнате, которая находилась аккурат между моей комнатой и комнатой, куда поселили слуг.

Войдя в свою комнату, мы умылись, смывая с себя дорожную пыль, и сменили одежду. После этого, проконтролировав то, как устроены и накормлены наши спутники, я в сопровождении Марка спустился в обеденный зал, где в это время никого из посетителей не было. За столиком, который был накрыт в отдельном кабинете, нас ожидал сам Рикс. Я познакомил его с Марком, и мы уселись за стол.

Следует сказать несколько слов о том прекрасном обеде, которым угостил нас гостеприимный хозяин. Во главе стола находился роскошный поросёнок, зажаренный целиком и обложенный со всех сторон овощами и зеленью. К нему был подан соус, благоухающий пряностями. Кроме того стол был уставлен самыми разными закусками на любой, даже самый изысканный вкус. Завершали украшение стола несколько бу-

ТЫЛОК С ВИНОМ.

Некоторое время мы отдавали должное еде, главным солистом обеда являлся опять же поросёнок, которого мы запивали хорошим красным вином, что в виде дюжины бутылок хозяин щедрой рукой выставил на стол. Когда от поросёнка ничего не осталось – наступил тот момент, который характеризуется тем, что голод уже утолён, а вставать из за стола ещё не хочется. Именно такой момент располагает к неспешной спокойной беседе. Рикс сидел с нами за столом, но к поросёнку даже не притронулся, сославшись на то, что перед этим успел поест, а лишь не спеша пил вино и время от времени закусывал его ломтиками сыра.

После того, как с поросёнком было покончено, и служанка убрала грязную посуду, подали фрукты и принесли ещё вина. Мы сидели, откинувшись в своих креслах, пребывая в том блаженном состоянии, которое обычно наступает после обильного застолья, особенно если этому предшествовало длительное напряжение.

– Как поживает Ант? – спросил у меня Рикс.

– О, он теперь сильно располнел и вследствие этого стал очень важным, – со смехом сказал я.

– Ещё бы, теперь он как-никак является моим наместником в землях, которые по праву принадлежат мне и под его рукой находится достаточно обширная страна. Как тут не заважничает? – продолжил я.

– А помнишь, как глупо он выглядел, когда я оставил его у

тебя и он всё старался тебе угодить, пытаясь загладить свою вину? – спросил я Рикса.

Тот расхохотался, да так заразительно, что я не смог удержаться и тоже рассмеялся. Мы так развеселились, что, в конце концов, к нам присоединился и Марк, хотя и не понимавший причины нашего веселья.

– Представь себе, что эдакий двухметровый головорез пытается строить из себя пай мальчика, – отсмеявшись, обратился к Марку Рикс, – Он так старался, что я чуть не отдал Богу душу от смеха – продолжил он.

– Он замучился сам и замучил всех окружающих, пытаюсь каждому быть полезным. А так, как он ничего толком не умел, разве что сражаться, то все его попытки помочь кому-либо кончались тем, что в его руках всё приходило в негодность, а окружающие жертвы его помощи в панике убегали, лишь только он появлялся поблизости от них. Поэтому когда ты забрал его с собой – все вздохнули с облегчением и сдаётся мне, что он в тот момент чуть не плакал от счастья, что больше нет нужды казаться услужливым слугой – продолжил свой рассказ Рикс.

Свой рассказ Рикс сопровождал такой комичной мимикой и жестами, что мы с Марком просто не могли сдерживать смех. Смех наш вовсе не был насмешкой над отсутствующим здесь человеком, чья натура, не смотря на его прошлое, отличалась верностью и благородством, а скорее насмешкой над ситуацией, в которую попал этот богатырь.

Так какое-то время мы вспоминали прошлое, причём находили в нём благодаря смешливости Рикса, нескончаемые поводы для смеха. Давно я так не смеялся, и этот смех снял с меня внутреннее напряжение, в котором последние дни мне пришлось находиться. Закончив обед, мы закончили и наши воспоминания, а для серьёзного разговора решили перейти в нашу с Марком комнату, прихватив с собой несколько бутылок вина.

Марка совсем развезло, видимо он не привык к таким объёмам вина, плюс ко всему переживания минувшей ночи тоже не прошли даром, так что, придя в комнату, он просто повалился на кровать, не сняв даже сапоги. Мы с Риксом, стянули с него сапоги и накрыли одеялом. Он что-то пробормотал во сне и захрапел. Мы же с приятелем уселись за стол и продолжили беседу, только теперь она не вызывала смех. Я обрисовал Риксу положение дел в Империи, конечно только в том объёме, в котором он должен был знать, не посвящая его в тайны мне не принадлежащие. Он, в свою очередь, рассказал мне много интересного о том, что он слышал от беженцев.

– Если дела будут идти в этом направлении, то это означает конец спокойной жизни, – сказал он мне.

Я молча кивнул, прекрасно понимая его обеспокоенность.

– Видно не далёк тот день, когда мне придётся оставить мой трактир и перебраться в более спокойное место. Например, в твою вотчину, – сказал он и вопросительно посмотрел

на меня.

Я улыбнулся – он опять затронул тему, которую мы с заведомым постоянством затрагивали в каждую нашу встречу. Суть заключалась в том, что я постоянно приглашал его к себе, желая видеться с ним почаще. Он же каждый раз вроде бы соглашался, но потом находилось множество причин, по которым переезд откладывался. Обычно этот разговор заводил я, но на сей раз начал его он, а это говорило о многом.

Я взял со стола очередную бутылку и наполнил наши бокалы. Рикс, видимо почувствовал серьёзность предстоящего разговора, поэтому молча взял протянутый мной бокал весь превратился в слух.

– Сейчас у меня очень важное дело, – начал я, отхлебнув из бокала. – В чём его суть я не вправе рассказывать – это не моя тайна. От этой миссии зависит будущее всей Империи, извини за пафос, но это действительно так. Завтра мы уедем, и я не знаю когда я снова смогу приехать сюда. Будущее нам всем предстоит, мягко сказать, тревожное, впрочем, ты и сам это понимаешь, – я прервал свой монолог, что бы сделать большой глоток из бокала.

– Однако, я слишком высоко ценю наши отношения, что бы оставить тебя на произвол судьбы. Но с другой стороны сейчас ты явно не готов следовать за мной. Я вижу только один выход из ситуации, снабдить тебя средством, которое поможет найти меня в случае надобности, – продолжил я и снова отхлебнул вина.

– Мы с тобой достаточно давно знакомы и выпили вместе не одну бочку вина, – пошутил я – Ты, я думаю, уже догадался, что я являюсь Мастером и служу Искусству, или оно служит мне – с годами перестаёшь это различать. Поэтому я дам тебе амулет вызова, который в случае крайней нужды, повторяю крайней, поможет вызвать меня где бы я не находился и я смогу прийти тебе на помощь. В этом случае, если я не явлюсь на вызов, знай, что я умер. –

Сказав это, я снял со своей шеи небольшой чёрный камень с отверстием, висящий на простом шнурке – это и был амулет вызова, сделанный собственноручно мной именно для такого случая. Рикс, почувствовав важность момента, встал и с поклоном принял амулет из моих рук. После этого он одел его на шею и вдруг, шагнув навстречу ко мне, крепко обнял меня.

– Ты можешь быть спокоен, – сказал он, прервав объяснения, – Я никогда не использую твой дар тебе во вред. –

Здесь следует дать некоторые пояснения. Дело в том, что такой амулет, какой я дал Риксу, помимо прямого назначения, даёт владеющему им некоторую власть над вызываемым, что непорядочный человек может использовать во вред. Отдавая амулет Риксу, я ни на минуту не сомневался в его порядочности.

– У меня будет к тебе просьба. Завтра мы уйдём, но путь, которым пойдем, обещает быть долгим, а припасов у нас нет, – сказал я, спустя некоторое время.

– Об этом даже не думай. Всё будет сделано в лучшем виде. Ни ты, ни твои спутники, ни в чём не будут нуждаться. Когда ты собираешься тронуться в путь? – спросил Рикс.

– Нужно хорошенько выспаться и сделать ещё кое-что, – ответил я – так, что, скорее всего завтра ближе к вечеру.

Остаток вечера мы просидели, почти не разговаривая, просто наслаждаясь блаженным отдыхом, возможностью видеть друг друга. Время от времени перебрасывались короткими фразами, которые по большому счёту ничего не значили, да не забывали наполнять наши бокалы. Каждый из нас думал о своём, прекрасно понимая, что ещё очень не скоро, если вообще удастся когда-нибудь посидеть вот так спокойно.

В этой спокойной обстановке постоянного двора моего друга, я особенно отчётливо видел, что время отпущенное судьбой Империи, неумолимо кончается, что вместе с ним кончается и целый пласт нашей жизни. Я ощущал, что судьба рокового младенца – Кувая, завязывает на моей судьбе тугой узел, который мне напоминал удавку, и я вместе с ним становлюсь неким подобием эпицентра гигантского урагана, который вращаясь, затягивает в себя множество человеческих судеб. Я не знаю хорошо это или плохо, погибнем ли мы все под обломками Империи или водоворот событий вынесет нас в тихую заводь. Да это и не важно. А важно лишь то, что я должен выполнить свой долг перед Ляргусом, да и перед Империей, а для этого мне надо спасти и вырастить

Кувая, Не знаю почему, но чувствовал я, что если кто и поможет нам в будущем, то это он.

Но всё это было где-то там впереди, а пока мы с моим другом сидели в удобных креслах, пили хорошее вино и наслаждались покоем. Завтра мне предстоит очень трудная дорога, причём труднее вдвойне от той ответственности, которую я ощущал за судьбу маленького Кувая. Я не имел права на ошибку и поэтому всячески старался продлить блаженный отдых. Всё будет завтра, а сегодня мы пьём вино, и я с наслаждением выпил бокал.

4.

Проход на этот раз открывался с большим трудом – всё время возникали какие-то помехи. Я устал так, как уже давно не уставал, поэтому буквально повалился на сухую землю после того, как последним совершил переход и теперь за мной медленно угасал проход.

Я лежал, отдыхая, но при этом не забывал осматривать с помощью Искусства, принявший нас мир. На наше счастье в пределах дневного перехода никаких опасностей не наблюдалось. Значит, здесь мы и остановимся – надо же, в конце концов, ознакомиться с инструкциями старого жреца, да и отдых нам бы не помешал.

Передохнув, я отдал распоряжения своим спутникам разбивать лагерь, а сам занялся необходимыми вычислениями для подготовки к открытию следующего прохода. Пока я был занят, слуги поставили походный шатёр для кормилицы с ре-

бёнком, Марк же занялся приготовлением ужина. Мы уже третьи сутки были в пути, и за это время у нас сложилось своеобразное разделение обязанностей.

Следует сказать несколько слов о моих спутниках. Как вы, наверное, помните, в путь со мной из столицы отправилось пятеро. Что касается кормилицы с маленьким Куваем, то это была наредкость спокойная парочка. Удивительно, но за все эти дни я ни разу их не слышал. У меня даже закрались подозрения – уж не немые ли они.

Двое слуг, что были отправлены с нами по приказу жреца, были так же неразговорчивы, но при этом прекрасно вышколены, всегда знали, что от них требуется, и как-то незаметно исполняли всю тяжёлую работу.

Марк, роль которого в нашем приключении для меня была пока не ясна, был спокойным, крайне уравновешенным человеком, так же неразговорчив, как и остальные члены нашей маленькой компании. Он сам принял на себя обязанности походного повара, и надо отдать ему должное, готовил он прекрасно.

Меня вполне устраивало, что спутники мои не отвлекали меня своими разговорами, и я мог без помех заниматься Искусством, которое отнимало у меня практически всё время. Передо мной стояла главная задача – спасти Кувая, чего бы это ни стоило. Поэтому, прежде всего, его надо было надёжно спрятать, а лучшего места для этого, чем моя личная вотчина Мастера, я просто не мог представить.

Но спрятать – полдела, нужно так запутать следы, что бы никто ни смог даже догадаться о месте его убежища. Я, конечно, не допускал и мысли, что кто-либо отважится вторгнуться в вотчину Мастера. Это просто невозможно. Но, всё равно, я бы очень не хотел, что бы хоть одна посторонняя душа знало о месте пребывания ребёнка.

Поэтому, запутывая следы, я вёл наш маленький отряд не по обычным путям Мастеров, а шёл не хоженными тропами, петляя, как заяц по мирам. Это, скажу я вам, чертовски трудное дело. Мало того, при каждой остановке приходилось создавать множество ложных порталов, запуская туда наших фантомов. Одним словом, если кто-то захочет проследить наш путь, ему придётся здорово постараться.

Дело не в том, что я опасался погони – им всем сейчас не до нас, но позже, когда вся эта кутерьма уляжется, наверняка найдётся множество желающих узнать, где находится роковой ребёнок. Именно на этот случай я и запутывал следы нашего отряда, не жалея сил, поэтому мне и нужна была постоянная сосредоточенность, так что я был благодарен спутникам за их молчаливость.

Пока я готовился к завтрашнему переходу, мои спутники успели разбить лагерь, а Марк приготовил роскошный обед, благо старина Рикс в достатке снабдил нас продуктами в дорогу. Я услышал за спиной осторожное покашливание, и, оглянувшись, увидел Марка, который пригласил меня поесть. Я коротко кивнул и пошёл к горящему возле шатров

костру, где уже был накрыт наш походный стол.

У меня существует правило, согласно которому в походе отменялись какие-либо различия – как сословные, так и возрастные, поэтому мы уселись за общий стол. Исключение было сделано только для кормилицы – ей еду подали в её шатёр.

Что бы разрядить то тревожное напряжение, в котором все мы пребывали с того момента, как покинули гостеприимный дом Рикса, я распорядился достать вино, после чего объявил о том, что завтра нам предстоит заслуженный отдых. После этого все оживились, и я с непритворной радостью наблюдал, как лица моих спутников светлели, уходило напряжённое выражение, напоминающее маску, даже появились улыбки.

Очень увлекательное занятие – наблюдать, как по-разному отражается на лицах людей то или иное душевное состояние. Вот он собран, напряжён, готов к моментальному действию, и лицо его становится подобием маски. У одних напрягаются желваки, у других появляется хищный оскал, третьи смотрят с особым прищуром, короче реакций может быть множество, и они по-своему индивидуальны, но одно их объединяет – ощущение маски на лице.

Так же по-разному меняются лица при снятии внутреннего напряжения. Иногда создаётся впечатление, что меняется не только выражения лица, но и сам человек как бы становится другим, и начинаешь сомневаться, а тот ли это чело-

век. Вот такая метаморфоза произошла с моими спутниками, когда мы сидели за походным столом, ели нашу пищу, приготовленную на костре, пили вино, заботливо уложенное Риксом в наши дорожные мешки.

Был тёплый, какой-то по-домашнему уютный вечер. Тихо потрескивал наш костёр, местное светило неспешно опускалось за горизонт, а мы четверо мужчин, разного возраста, разного социального статуса, сведённые судьбой в этом Богом забытом мире, получив, всё от той же судьбы, короткую передышку, наслаждались едой, вином, нашей близостью и этим тихим вечером.

Именно в такие моменты жизни происходит таинство, когда, в общем-то, совершенно разные, на первый взгляд, люди, вдруг становятся невероятно близкими, зачастую даже ближе, чем кровные родственники. В это время происходит зарождение той мужской дружбы, которая, как говорится, не предаст, не выдаст. Дружбы, когда судьба твоя вдруг переплетается с судьбой чужого для тебя человека, и он, вчера ещё совершенно не известный тебе, вдруг становится для тебя самым дорогим и близким, да так, что уже не поймёшь где твоя судьба, а где его.

Но это возможно только при определённых условиях, чаще всего в трудном и опасном походе или на войне, короче во всех случаях, когда существует прямая и вполне реальная угроза жизни. Дружба, возникшая в совместном противостоянии смерти, как правило, длится долгие годы, порой

всю жизнь. Вот такая дружба возникла в тот вечер между Мастером Искусства, секретарём Верховного Жреца Империи и двумя простыми слугами, которых всесильная судьба свела в этом месте в это время.

Да, совсем забыл познакомить вас со слугами, которые это заслужили своей такой, на первый взгляд, незаметной службой, но без неё на оставшихся членов отряда легла бы такая нагрузка, выдержать которую было бы очень проблематично. Теперь пришло время сказать несколько слов и об этих незаметных, но во многом незаменимых людях.

Старшего из слуг звали Дрейк. Лет ему было около сорока. Высокий, хорошо сложенный мужчина, неразговорчивый и флегматичный, буквально излучал спокойную уверенность. Происходил он откуда-то из западных провинций Империи, что определяло его особый акцент при разговоре. Он умел всё, так что создавалось впечатление, что для него не существовало неразрешимых задач.

Младший, носил звучное труднопроизносимое имя – Филармонтиус, которое мы сократили до короткого прозвища – Фил. Он находился в том блаженном возрасте, когда юность уже закончилась, а зрелость ещё не наступила, то есть ему было около тридцати лет. Он во всём являлся противоположностью Дрейку – невысокий, я бы даже сказал низкорослый, сухощавый, почти сублильный, крайне подвижный весельчак, готовый смеяться по любому поводу и даже без оно-го. Родом он был из южных варваров, отсюда его сложение

и весёлый нрав, который, однако, не мешал ему честно выполнять свои обязанности.

Как обычно бывает, противоположности сходятся. Не была исключением и наша парочка. Они не просто сошлись, а крепко сдружились, причём прекрасно дополняя друг друга. Степенная неторопливость одного компенсировалась живостью другого, а неопытность восполнялась за счёт богатого опыта и умений другого. Короче, вместе они, представляли собой одного идеального слугу, способного выполнять свой долг практически в любых условиях, которые способна создать наша жизнь. Добавьте к этому их абсолютную преданность старому жрецу, и вы получите объективный портрет наших слуг. Я всегда поражался тому, как и где Ляргус умел находить таких людей.

Для того, чтобы завершить портреты слуг, следует сказать несколько слов об их взаимоотношениях. У них, по-моему, давным-давно сложились своеобразные отношения. Так Фил постоянно подшучивал над Дрейком, причём шутки порой были достаточно острые, но на Дрейка они действовали примерно как на слона мелкая дробь. Он только усмехался своей обезоруживающей улыбкой на все попытки Фила вывести его из равновесия. Однако, как я узнал много позже, они горячо любили друг друга и всегда стояли друг за друга горой, а Фил никому не позволял насмехаться над Дрейком.

Марк, за время нашего совместного путешествия, проявил себя с самой лучшей стороны. Как-то незаметно исчез

молчаливый невзрачный секретарь, умеющий как привести то появляться, то бесследно исчезать. Вместо него появился энергичный молодой человек, умеющий владеть собой, переносить трудности, которые неизбежно возникают при дальних экспедициях, особенно по местам, где редко кто-либо из людей когда-либо бывал.

Я долго не мог понять – почему Ляргус решил передать Марка под моё попечение. Ведь если подумать, такой расторопный и преданный человек, как говорится, на дороге не валяется, и такими людьми обычно дорожат. А тут вдруг он поручает его мне.

Ответ на этот вопрос, конечно, содержался в бумагах старого жреца, но я понял замысел моего друга и учителя ещё до того, как прочитал эти бумаги. Ответ я прочитал в глазах Марка, когда однажды мне удалось заглянуть в них. В этих глазах, вернее в самой их глубине, таилось Искусство, причём Искусство в его высшем значении. Я сразу понял, что передо мной Мастер, но Мастер, который ещё себя не осознал.

Меня охватили тёплые чувства к учителю, который сделал мне подарок, причём такой подарок, о котором любой Мастер Искусства может только мечтать. Он подарил мне приемника, которого я сам должен превратить в настоящего Мастера Искусства. С этого момента я стал более внимательно присматриваться к Марку, но присмотр мой был настолько осторожен, словно я наблюдал за каким-то чрезвычайно

осторожным и крайне редким существом, вспугнуть которого равносильно потери навсегда.

В тот вечер мы засиделись допоздна – благо впереди был целый день отдыха, правда, это практически не относилось ко мне. Уж мне-то отдых ни как не светил, но, всё равно, я не спешил спать, а сидел у полу потухшего костра даже после того, когда все ушли спать.

Спать мне не хотелось. Мирно потрескивал костёр, время от времени, выбрасывая в окружающее мироздание, светлячки искр, и обдавая меня дымком сосновых дров. Было то удивительное состояние, когда отступают все заботы, и тебе становится безразлично, что впереди сплошные трудности, что в любой момент ты можешь погибнуть. Всё это отходит на второй план, а на первый выходит этот тёплый вечер, этот костёр, это чувство удивительного единения с этим, в общем-то, чужим для тебя миром. Все решения уже приняты, судьба провернула своё колесо, и обратного пути уже нет, так что можно просто расслабиться и ни о чём не думать.

ВРЕМЯ ПРОСТУЖЕННЫМ ГОЛОСОМ ВНОВЬ МНЕ ДОРОГУ СУЛИТ,

ВНОВЬ ОБЪЯСНЯЕТ МНЕ ЛАСКОВО, ЧТО ПРЕДСТОИТ ПЕРЕЖИТЬ.

КТО МНЕ В ПУТИ ПОВСТРЕЧАЕТСЯ, СМЫСЛОМ, КАКИМ ОСЕНИТ.

БУДЕТ ЛЮБОВЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО, ТОЛЬКО НЕ

НАДО ТУЖИТЬ.

ТОЛЬКО НЕ НАДО В ОТЧАЯНЬИ НОГИ НАПРАСНО
ТОПТАТЬ,

ЛУЧШЕ В ПОЛЯХ ЗА ОКОЛИЦЕЙ ЖИТО СОЗРЕВ-
ШЕЕ ЖАТЬ.

И НЕ ПЫТАЙСЯ, КАК МАЛЕНЬКИЙ, СНОВА ИЗ
ШКОЛЫ СБЕЖАТЬ,

ВРЕМЕНИ ВЕТРОМ ПОВЕЯЛО, ЗНАЧИТ, ПОРА УЕЗ-
ЖАТЬ.

ЗНАЧИТ, ПОРА РАССТАВАТЬСЯ НАМ, МОЖЕТ НА
ВЕКИ ВЕКОВ,

ВСЕМ НАМ ДОРОГИ ЗАКАЗАНЫ, ЖАЛЬ, ЧТО В
СТРАНУ ДУРАКОВ.

НУ, А ЖИВЁМ ОЧЕНЬ ГЛУПО МЫ, МНОГО ЕДИМ,
МНОГО ПЬЁМ.

ВРЕМЯ ПОТЕРЯННЫМ ЗНАМЕНЕМ, МАШЕТ, КАК
СТАРЫМ ТРЯПЬЁМ.

ЧТО ПРЕДСТОИТ, ТО ИСПОЛНИТСЯ, НУЖНЫЙ
НАЙДЁТСЯ ОТВЕТ.

ВРЕМЯ СЖИГАЕТ ИЛЛЮЗИИ, НУ, А ЧТО ИСТИННО
НЕТ.

ИСТИНА – ШТУКА СЕРЬЁЗНАЯ, С НЕЙ ТЫ, МОЙ
ДРУГ, НЕ ШУТИ.

ВРЕМЯ С УСМЕШКАЮ ХИТРОЮ НОВЫЕ ЧЕРТИТ ПУТИ.

Глава 2. ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО ЖРЕЦА.

Впереди гроыхнуло, да так, что земля под ногами ощутимо вздрогнула. Я мог заслужено гордиться собой – проход всё-таки открылся. Это вселяло надежду, хотя у меня и не было уверенности, что он выведет нас в нужное место. Случилось то, во что я никогда не верил, но в глубине души опасался – мы заблудились.

Покинув мир, который позволил нам отдохнуть, мы попали в другой, который на нашу беду оказался поражённым серой немощью. Ну, а там где серая немощь нет путей-дорог, а есть только направления.

Если вы не знаете, что такое серая немощь – я вас просвещу. Ни кто не знает, откуда она взялась, но в один из не очень приятных моментов, многие из Мастеров, ходящих по мирам, заметили, что в некоторых из них начали происходить странные вещи. Так разумные существа, населяющие эти миры, вдруг буквально на глазах теряли свою разумность, а пути Мастеров, проходящие через эти миры, либо оказывались закрытыми, либо вели совершенно не в те места, куда они вели раньше. Вот именно с этим явлением нам и пришлось столкнуться на пути в мою вотчину.

С одной стороны это создало для нас множество трудно-

стей, вернее сказать, не для нас, а непосредственно для вашего покорного слуги. Из-за этого мне пришлось прикладывать колоссальные усилия для того, чтобы пустить в ход всё доступное мне Искусство. Поэтому и речи не могло быть о скрытности нашего маршрута, так как шум, который я поднимал, пытаясь вырваться из плена серой немощи, наверняка слышали все, кто имел уши в радиусе, по крайней мере, в половину мироздания. Так, что скрываться теперь не имело ни какого смысла.

Однако в этом положении имелась и полезная для нас сторона – наличие серой немощи точно так же могло послужить помехой для наших преследователей, как мешало нам.

На этот раз нам всё же повезло – сила, вложенная в мой удар, сделала своё дело, открыв проход в один из миров, расположенных вблизи моей вотчины. Как только затихло эхо удара, я отдал распоряжение своим спутникам и мы компактной группой буквально ринулись в портал.

1.

Всё пошло не так. Мир куда мы ввалились всей компанией, действительно оказался тем самым, что я и рассчитывал, но что-то в нём было не так. Нет, все физические параметры были прежними, но нечто неуловимое, на самой грани восприятия, вызывало у меня тревогу. Эта тревога с каждой минутой только усиливалась, и спустя несколько минут обрела реальность в форме банды вооружённых до зубов людей по виду подлинных душегубов. Увидев нас, они с громким

улюлюканьем бросились к нам, и намеренья их мне очень не понравились. Такого я никак не ожидал. За всё время, что я здесь ходил, мне ни разу здесь не угрожала опасность.

Однако раздумывать было не время – нужно было действовать, и действовать решительно. Учитывая, какие силы были затрачены на открытие прохода, я должен был разделаться с бандитами одним ударом – на большее у меня уже не будет сил. Нападавших было человек тридцать и по всему было видно, что они достаточно опытны в своём ремесле. Вытянувшись в цепь, они начали нас окружать, и это было плохо, так как в этом случае я не смогу нанести один концентрированный удар, способный разом покончить с нападающими. Надо было срочно найти выход, иначе при таком превосходстве в численности противника мы бы не смогли сколь-нибудь долго продержаться.

Тут мне пришла на ум очень интересная мысль. Следует сказать, что последнее время я очень плотно занимался вопросами манипуляций со временем, и у меня имелись кое-какие наработки. В частности удалось создать одно заклинание, которое, как я надеялся, могло нас выручить.

Как вы, наверное, знаете, любой Мастер Искусства имеет в своём арсенале обычно несколько боевых заклинаний готовых к немедленному применению, причём у каждого Мастера имеется свой набор излюбленных заклинаний. Естественно, что применяемые заклиания были хорошо и не раз проверены в различных ситуациях. Однако на этот раз ни одно

из них не могло обеспечить мне того решающего удара, который был необходим. То же заклятие, что я хотел применить, было совершенно новым, ни разу не применялось, и я не знал толком, как оно себя поведёт. Но в тот момент у меня, похоже, не было выбора, и я без колебаний произнёс ключевое слово, которое запускало заклинание.

В первый момент ничего не произошло – не грянул гром, не сверкали молнии, с неба не посыпались камни. Наши противники с шага перешли на бег, но при этом ни на шаг не приближались к нам, а наоборот стали удаляться, и удалялись до тех пор, пока совсем не исчезли.

Мои спутники совсем было приготовились к безнадёжной схватке, и когда противник как-то странно исчез, были просто ошеломлены. Я же ликовал – заклинание всё-таки работало, и работало даже более эффективно, чем я сам ожидал. Кроме того это заклинание почти совсем не потребовало от меня сил.

Однако, предаваться эйфории не было времени – могли появиться новые враги, и я принялся открывать новый проход, что бы поскорее покинуть этот негостеприимный мир.

2.

На этот раз переход прошёл более-менее успешно, по крайней мере, новых врагов мы не приобрели, но зато угадили в болото. Нет, это не фигура речи, а самое настоящее болото, причём не привычное северное, а самое, что ни на есть тропическое. А значит в нём полным полно всяких ядо-

витых гадов. Вот в такое примерно болото мы и попали.

Нас окутала влажная жара, наполненная звоном, писком и жужжанием бесчисленных насекомых, которые так и норovali попробовать нашей крови. Тело мгновенно взмокло от пота и начало зудеть от укусов маленьких кровососов. Ноги наши проваливались по колено в чёрную воду, под которой таилась не менее чёрная зловонная грязь. В воде кишели мелкие очень агрессивные твари, которые подобно их воздушным собратьям стремились вкусить нашей крови, и если бы не крепкие сапоги и дорожные кожаные штаны – нам пришлось бы плохо. Кроме того болото густо заросло тростником и колючим кустарником. Добавьте к этому застывшее в зените немилосердно палящее солнце, и вы получите полное представление о положении, в котором мы оказались.

Не смотря на, все эти прелести, я был доволен – мир в котором мы находились, являлся своего рода порогом моего собственного дома. Так что наше затянувшееся путешествие приближалось к своему завершению, и я бы сказал, что очень своевременно, ибо если оно продлится ещё пару дней, то я останусь совершенно без сил и не смогу открыть последний портал, что бы попасть домой.

Быстро сориентировавшись, я определил, что мы попали в южные болота, аккуратно вблизи их границы, и это добавило мне оптимизма – не придётся долго тащиться по трясине. Махнув своим спутникам следовать за мной, я, взвалив на спину свою долю груза, зашагал на север, где, как я знал, на-

ходилась граница болот. За мной, отстав на пару шагов, шёл Фил, неся люльку с маленьким Куваем. Я уже перестал удивляться тому, как безропотно он переносил все тяготы нашего пути – за всё время ни разу ни пикнул. Следом за ними шла кормилица, которая подобно Куваю так же спокойно переносила трудный путь. Далее следовал здоровяк Дрейк, взваливший на себя львиную долю нашего груза. Замыкал процессию, как всегда, Марк, который помимо общей поклажи, нёс ларец Верховного Жреца. Такой порядок как-то сам собой сложился в нашей компании.

Впереди предстоял довольно длинный переход и отнюдь не по гладкой дороге. Конечно, мне не привыкать к бездорожью, но бездорожье бездорожью рознь. Когда идёшь по сухому, то главное задать себе ритм движения и в дальнейшем его удерживать. При таком способе передвижения хорошо думается. Ноги сами делают своё дело, а голова свободна в своём мышлении. В таких переходах часто находятся ответы на многие вопросы, которые никак не найти в других условиях.

Совсем другое дело, когда приходится идти по болоту или по глубокому снегу. При такой ходьбе быстро устаёшь, и на тебя нападает какое-то отупение, голова же пребывает в состоянии безмыслия. Именно в таком состоянии я и шёл через непролазные южные болота, тяжело переставляя ноги, которые проваливались в чёрную жижу по колено. Иногда на пути попадались ямы, в которые я проваливался то по пояс, то

по грудь. Голова же моя в это время как бы самоустранилась, не желая участвовать в этом самоистязании. Мысли полностью отсутствовали, только где-то в глубине головы звучала какая-то навязчивая мелодия.

Так мы и шли в течение нескольких часов. Останавливаться не имело смысла, да было и негде – не станешь же сидеть в этой зловонной жиже. Только однажды пришлось ненадолго остановиться, что бы покормить малыша. Наконец, когда солнце уже клонилось к вечеру, впереди показались пологие холмы, как признак того, что болотам конец.

Как только под ногами появилась твёрдая земля, все мы повалились на неё, совершенно обессилев. Однако отдохнуть по-настоящему мне не пришлось. Не успел я отдышаться, как услышал внутреннем слухом, что меня кто-то настойчиво вызывает. Так обычно один Мастер связывается с другим на уровне свободного сознания. Как это происходит – объяснить невозможно, можно только почувствовать.

Преодолев усталость, я поднялся, предварительно освободившись от груза, сделал знак спутникам оставаться на месте и отошёл в сторону. Как только мой отряд исчез из вида, я вышел на связь. Стоило прикрыть глаза, как контакт состоялся. Выглядело это так, как будто человек просто прикрыл глаза и задумался. На самом деле часть моего сознания отделилась от тела и перенеслась в некое пространство, где образовало какое-то моё подобие в виде фантома. В результате я ощутил себя внутри перламутрового шара. Спустя

мгновение рядом со мной материализовался фантом Ляргуса, что меня вовсе не удивило. Примерно это я и ожидал. Метод фантомной связи между мастерами – привычное дело для Мастеров Искусства, но всё же им пользуются только в исключительных случаях. Похоже, что сейчас был именно такой.

Ляргус выглядел ещё более высохшим и усталым, как если бы мы не виделись несколько лет. Сейчас особенно бросалось в глаза то, как он сильно сдал. Глаза его лихорадочно блестели, нос заострился, и он стал похож обликом на какую-то хищную птицу. Однако, невзирая на это, он был полон той непоколебимой уверенности, какую даёт только наличие внутренней силы, причём силы нешуточной.

На моё приветствие он улыбнулся той, с детства знакомой улыбкой, которая не нуждалась в словах. Некоторое время мы молчали, изучая друг друга взглядами. Наконец он заговорил.

– Ты я вижу, очень устал, мой мальчик – сказал он и опять улыбнулся.

Я промолчал – зачем говорить об очевидном.

– Надеюсь, ты связался со мной не для того, что бы говорить о моём здоровье – сказал я спустя некоторое время.

– Нет, конечно, хотя и этот вопрос меня волнует – сказал Ляргус.

– Как я понял – ты пока не добрался до места. Что-то пошло не так? – спросил он после этого.

– Да, ты прав – ответил я – действительно всё пошло не так, но слава Богам мне удалось всё же пробиться и теперь я на пороге дома. Твой вызов застал меня как раз в тот момент, когда я готовился открывать проход. -

После этого я в общих чертах рассказал ему о наших приключениях, особо отметив наличие вблизи моей вотчины проявлений серой немощи. Услышав это, Ляргус нахмурился и надолго задумался.

– Дела ещё хуже, чем я предполагал – наконец произнёс он и опять задумался.

Я терпеливо ждал, когда он пояснит свои слова, но вместо этого услышал от него неожиданный вопрос.

– Ты ведь не открывал ещё ларец? – спросил он меня.

Я только собрался ему ответить, как жрец сделал мне знак молчать и снова заговорил. Было ощущение, что он разговаривает сам с собой. Признаться, мне ещё никогда не приходилось видеть его в таком состоянии, казалось, что он теряет контроль над собой. Но это только казалось.

– Можешь не отвечать – произнёс он – я и так знаю, что тебе было не до этого. В общем-то, это хорошо, что ларец пока не открывался – пути Мастеров стали небезопасны. Поэтому, прошу тебя, не открывай его, пока не окажешься дома.

После небольшой паузы Ляргус продолжил.

– Империя обречена. Счёт идёт на годы, от силы на два-три десятилетия. Повелитель и Повелительница совсем лишились разума и сами ускоряют конец, и если не принять

мер – конец будет ужасен. У меня вся надежда на малыша Кувая, ну конечно и на тебя, мой мальчик – продолжил он.

Надо признаться, что от его слов мне стало не по себе, причём вовсе не потому, что сказанное жрецом было для меня чем-то неожиданным. Скорее меня задело то, как это было произнесено, а особенно то, что впервые были произнесены сроки ожидаемого конца. Сомневаться в прозорливости старого жреца не было никаких причин, и я весь обратился в слух.

– Бунт в столице удалось довольно быстро подавить – постаралась Храмовая стража, ну и конечно не обошлось без применения Искусства. Жертв было очень много – некоторые улицы были буквально завалены трупами. Большинство драконов в старейших и влиятельнейших родах либо погибли, либо бежали, причём драконы из рода Серых камней устроили горожанам кровавую баню и в большинстве своём ушли. После их ухода, гнев толпы обратился против всего этого рода и он понёс очень большие потери, так, что он теперь вряд ли сумеет подняться. Тебе, я думаю, будет приятно узнать, что твой род не принял указ Повелителей и в полном составе, бросив имущество, с боем покинул столицу. Они спасли своих драконов, но навлекли на себя опалу – их объявили мятежниками. –

Этот исход я видел, но совершенно не знал какие последствия, он навлечёт на род Белого облака. Значит они в опале. Отсюда следует, что и я то же попал в немилость к власти.

Очень интересно.

– Не беспокойся, они ушли из Империи и сейчас им ничего не грозит – сказал Ляргус, – Меня больше волнуешь ты, вернее твоё нынешнее положение. Дело в том, что сразу же после подавления бунта собрался Сенат, и мне пришлось сильно попотеть, что бы ты смог уйти подальше от столицы. Сенат, который поддерживали жрецы и явно по воле Повелителей, постановил арестовать тебя, а Кувая забрать и заточить на самых нижних уровнях подземной тюрьмы, что находится под Обсерваторией. –

Ляргус замолчал, давая мне время осмыслить сказанное. Осмыслить было что. Мало того, что все мои близкие добровольно ушли в изгнание, и теперь вряд ли мы свидимся, так ещё и сам я практически вне закона. Так что теперь мне в столицу путь заказан, по крайней мере, в ближайшие лет десять.

В ощущениях моих образовалась некая двойственность. С одной стороны ощущать себя изгоем не слишком приятно, а с другой, во мне была гордость за свой род и радость, что они в безопасности. Что там ни говори, а кровное родство есть кровное, и хотя формально я уже не принадлежал к роду, но это ведь только формально. Ни какие обряды, ни какие законы не могли заглушить голос крови, даже тогда, когда я стал Мастером.

– Это ещё не всё – продолжил жрец – было принято решение о перекрытии путей Мастеров, дабы перехватить те-

бя и рокового ребёнка. Ты очень правильно поступил, когда шёл в свою вотчину нехоженными путями, и твои труды того стоили. Но помни, что в безопасности вы можете себя почувствовать только в твоей вотчине, поэтому, как только закончим разговор, не мешкая уводи людей туда. —

Он на минуту задумался, затем продолжил.

— Мне осталось сказать тебе самое главное. Все подробности ты узнаешь, когда откроешь ларец, сейчас же я сообщу тебе только те новости, которые стали мне известны уже после твоего ухода. Сенат, конечно, с подачи Повелителей, готовит указ, направленный против Мастеров и вообще всех, кто владеет Искусством, объясняя необходимость этого, борьбой с драконами. Конечно это отговорка для народа, но мы-то понимаем, что под удар попадает само Искусство. Отсюда один шаг для полного его запрещения. Сейчас ожидается массовый исход людей, в какой-либо мере обладающих Искусством, ты же, как только окажешься дома, постарайся связаться с известными тебе Мастерами и предупреди их об этом. Осмелюсь напомнить, что о Кувае не должен знать ни кто. —

Он опять сделал паузу, давая мне возможность осознать услышанные новости, ибо уж чего-чего, а такого поворота событий я ни как не ожидал.

— Теперь последнее — сказал Ляргус — и мы расстанемся. Не знаю, когда мы увидимся вновь и увидимся ли вообще. Поэтому я должен сказать всё, что, на мой взгляд, поможет

тебе спасти и воспитать Кувая. Поверь мне – от этого малыша зависит будущее Империи, а значит, оно зависит и от тебя. То, что я тебе сейчас скажу, является моими догадками, и только ты сможешь проверить, имеют ли они под собой реальную основу. –

Он опять помолчал, и я видел, как трудно ему даётся этот разговор. Я прекрасно понимал его – действительно трудно даже представить, что буквально на наших глазах рушится привычная жизнь, и остановить это разрушение не в наших силах, а уж говорить об этом вдвойне труднее.

Слушая своего старого учителя, я испытывал в душе лёгкую ностальгию по прошлому, которое в связи с последними новостями, выглядело таким уютным. Я, конечно, прекрасно понимал, что прошлое отнюдь не было белым и пушистым, и там было много такого, что нежелательно повторять, но на фоне грозно надвигающегося будущего, все трудности прошлого казались не такими уж трудными.

– Сопоставив события, предшествующие появлению роковых указов, я пришёл к выводу, что кто-то очень чётко организовал их появление. Он же спровоцировал истребление драконов и теперь, как я понимаю, нацелился и на Искусство. Я много размышлял, пытаюсь определить, кто же этот затейник, но, к сожалению, не преуспел в этом вопросе. Видимо мы имеем дело с очень умным противником, который для достижения своих, только ему известных целей, пойдёт до конца, и конец этот, судя по всему, будет ужасен. Я уже стар

и силы на исходе. Кроме того, находясь при дворе, я ограничен в своих изысканиях, так как чувствую за собой постоянное наблюдение, которое даже не пытаются скрывать. Завтра собирается Совет Высших Империи, и мне там держать ответ – куда я отправил Кувая и где он сейчас. Учитывая всеобщий психоз, царящий в столице, мне не поздоровится, если я не смогу дать исчерпывающий ответ на эти вопросы. Ну, ничего – я приготовил для них хороший сюрприз. –

Он улыбнулся и опять сделал паузу, я же затаив дыхание, ждал продолжения, которое не заставило себя долго ждать.

– Сегодня, при нашем разговоре, я вдруг нашёл или мне кажется, что нашёл нашего врага, и в этом мне помог ты, мой мальчик, когда рассказал о своём столкновении с серой немощью. Обрати на неё самое пристальное внимание, познай её и ты найдёшь нашего врага, что скрывается за этой серой завесой. Я в меру своих слабых сил буду помогать тебе и по возможности прикрывать. – с несвойственной для него горячностью сказал Ляргус.

Было видно, что он очень торопится, но при этом очень не хочет прощаться. Я его хорошо понимал – мне самому не хотелось расставаться с ним, тем более ни кто не знал в это смутное время, удастся ли, когда не будь нам свидеться.

– Ну, вот вроде и всё, что я хотел тебе сказать, мой мальчик. Береги Кувая – он наша надежда. Передавай от меня привет Марку и помоги ему. Воспринимай это как мою просьбу. Если будет нужно, я найду способ связаться с то-

бой. Береги себя – сказал старый жрец и отключил связь, оставив меня несколько потрясённым от свалившихся на мою голову новостей.

3.

Придя в себя, я ещё некоторое время находился в оцепенении – так всегда бывает после сеанса фантомной связи. Однако нужно было заканчивать наш затянувшийся вояж, и я, сбросив оцепенение, пошёл к своему маленькому отряду.

На счастье, за время моего отсутствия, все успели обсушиться и даже перевести дух. Выглядели они вполне бодро, и поэтому мы сразу же двинулись в путь. Я торопился поскорей попасть домой – после разговора с Ляргусом во мне поселилось тревожное предчувствие, а своим предчувствиям я привык доверять. Я уже знал, что в безопасности мы можем быть только в моей вотчине и поэтому спешил.

Путь наш лежал к недалёким холмам, которые маячили на горизонте. Идти до них было часов двенадцать, а так как время было вечернее и все мы были уставшими, то спустя два часа я скомандовал остановку на ночлег. Место для ночёвки мне было хорошо известно – я не раз останавливался здесь во время своих странствий.

Это была уютная долина со всех сторон окружённая невысокими холмами, поросшими бурно цветущими в это время высокими кустами или небольшими деревцами. Посередине её располагалось маленькое озерцо с удивительно прозрачной водой, которая была обжигающе холодной в любую

жару. Берега озера поросли густой мягкой травой, на которую так и тянуло прилечь. Одним словом лучшего места для стоянки, чем это, трудно было желать. Кроме этих природных удобств, это место обладало ещё одним преимуществом – оно было хорошо укрыто от посторонних взглядов, а именно этого мне сейчас и хотелось.

Стоял прекрасный тёплый вечер. Лёгкий ветерок нёс на своих плечах божественный аромат цветущих растений. В кустах распевали какие-то птицы, празднуя окончание долгого дня. Пока мои люди разбивали лагерь, я поднялся на вершину одного из холмов, где знал находиться очень удобная для наблюдения за окружающей местностью площадка, со всех сторон окружённая поставленными вертикально каменными глыбами – в незапамятные времена здесь было капище, посвящённое давно забытым Богам. Именно в этом месте было очень удобно наблюдать окружающее, самому оставаясь незамеченным.

Уже наступали сумерки, когда я поднялся к капищу. Что потянула меня сюда, на ночь глядя? Всё то же предчувствие. Не знаю почему, но я чувствовал, что именно сегодня должны произойти какие-то события, и события эти самым непосредственным образом скажутся на дальнейшей судьбе, причём не только моей, но и всех моих спутников. Создавалось впечатление, что здесь и сейчас судьба завязывается в некое подобие гордиева узла, развязать который невозможно, а рубить жалко.

Поднявшись наверх, я несколько минут постоял, прислушиваясь, причём не только ушами, но и всеми другими органами чувств, которые присущи Мастерам Искусства. Было тихо, если не считать пения птиц. Зрелище, которое открывалось моим глазам, вызывало очень яркие чувства, диапазон которых простирался от крайней степени восхищения, до серьёзной тревоги, причём тревоги, на первый взгляд, ничем не обоснованной. Скорее всего, сказались мои предчувствия.

Лежащие передо мной холмы, окрашенные заходящим светилom в кроваво-красные тона, плавными волнами уходили за горизонт, где на самой границе восприятия выделялась небольшая гора с удивительно ровными склонами, напоминающая собой пирамиду. Это и была конечная точка нашего путешествия. Именно там находилось место, где без особых усилий можно было открыть проход в мою вотчину.

Вообще-то открыть проход можно в любой точке этого мира, как и ещё в нескольких, граничащих с моей вотчиной и совсем не обязательно тащиться на край света. Можно-то можно, да только это требует вложения колоссальных сил, а у меня сейчас в конце пути этих сил попросту не было. Поэтому и приходилось идти в такое место, где эта процедура не требовала больших усилий. Мест, подобных этому, в пределах мира было несколько и ближайшее из них находилось передо мной. Именно через такие места пролегли обычные пути Мастеров.

Однако долго наслаждаться тишиной мне не дали. Я услышал низкий рокот, напоминающий отдалённый раскат грома, и моя сущность Мастера содрогнулась от мощного удара силы. Я увидел, как со стороны заходящего светила в мою сторону неслась ярко сверкающая точка. Я собрал остатки сил, что бы постараться дать отпор, если это от меня требуется, и настроился на объект, который стремительно приближался. За последнее время я, похоже, напрочь разучился удивляться и был готов к любому подвоху со стороны судьбы, которая судя по всему, взялась за меня всерьёз.

На этот раз мне всё же пришлось удивиться. Светящаяся точка, приблизившись, оказалась летящим изо всех сил драконом. Сразу было видно, что сил у него оставалось совсем немного, и я отчётливо чувствовал его ярость отчаянья и боль. Переведя своё внимание на силу, что преследовала дракона, я почувствовал настоящего Мастера, и вот тут уже я впал в ярость, причём это была отнюдь не ярость отчаяния, а ярость ущемлённого самолюбия. Кто посмел проявлять Искусство, да ещё в такой форме, непосредственно у порога моего собственного дома? Были нарушены все писанные и не писанные законы, и это возмущение, как ни странно, придало мне сил.

Я уже отчётливо видел приближающегося ко мне дракона и чувствовал немую просьбу о помощи, исходящую от него. Мне было жаль его, к тому же я не мог допустить, что бы дракон погиб на моих глазах, да ещё вдобавок ко всему на

пороге моего собственного дома. Против драконов я ничего не имел, наоборот они мне даже нравились, да и вообще терпеть не могу убийства. Тот же пакостник, что затеял всё это на моих глазах, должен за это поплатиться. Убивать я его, конечно, не буду, а заброшу ка я его подальше в прошлое. В конце концов, этим я окажу ему услугу, учитывая какое будущее нам предстоит. Не задумываясь, я пустил в ход однажды проверенное заклинание времени. Оно сработало даже лучше чем в прошлый раз, но я всё-таки немного опоздал – совсем чуть-чуть. За миг до того, как сработало моё заклятие, неизвестный Мастер нанёс удар. Ветвистая молния ударила по дракону, который к этому времени подлетел уже совсем близко к тому месту, где стоял я. Он попытался отбить удар, и это ему почти удалось, но силы его подвели, и он, закричав от боли, стал падать. Перед самой землёй он судорожно замахал крыльями, чем смягчил своё падение.

Что касается нападавшего Мастера, так он просто исчез, выкинутый моим заклятием вон из этой реальности. Я был зол на него, и его судьба в тот момент меня не интересовала – я сломя голову бросился к упавшему дракону.

Подбежав к тому месту, куда, как я видел, упал раненый дракон, а в том, что он именно ранен, а не убит, я несколько не сомневался, я увидел лежащего на земле молодого, почти ребёнка, человека. Он лежал на животе, правая рука его была вытянута вперёд, а левая, явно сломанная, как-то неестественно заломлена за спину. Прежде, чем перевернуть его на

спину, я, применив Искусство, произвёл осмотр его состояния. Осмотр показал множественные ожоги, перелом левого предплечья и трёх рёбер с левой стороны. Ничего более серьёзного я не обнаружил, и это внушало надежду, что дракон скоро поправится, тем более, если учесть его молодой возраст.

Очень осторожно, что бы ни повредить сломанную руку и рёбра, я перевернул свою находку на спину, подложив ему под голову свой свёрнутый плащ. Передо мной лежал стройный юноша, почти мальчик. На взгляд ему было лет пятнадцать, от силы шестнадцать. Его красивое лицо с правильными чертами ещё хранило на себе детскую непосредственность и наивность, хотя над верхней губой уже прорастал пушок – зачаток будущих усов. Сейчас это лицо было искажено гримасой боли, сквозь которую просвечивалась детская обида, он как бы спрашивал – За что?

Кого-то он мне напоминал, но я ни как не мог вспомнить, да, честно говоря, было не до этого. Введя больного в состояние сна, сходное с наркозом, я занялся сращиванием его костей и лечением ожогов. Последних было множество – видимо мальчишка пропустил не один удар. Это не мудрено – против него действовал опытный Мастер Искусства, вообще было удивительно, как столь юный дракон смог достаточно долго продержаться и отделаться всего несколькими переломами и ожогами. Всё должно было закончиться всего одним ударом и тогда его бы ничто не спасло от неминуемой смер-

ти. Ладно, оставим решение этой, как в прочем и других, накопившихся в последнее время загадок, до лучших времён.

Когда я закончил штопать моего дракона, стусились сумерки. Надо было идти в лагерь – наверняка мои спутники волнуются из-за моего долгого отсутствия. Однако оставить раненого я не мог, а перенести его в лагерь без носилок было невозможно. Я на минуту задумался, и мне пришла неплохая идея – а что если попробовать связаться с Марком.

Как вы, наверное, помните, я разглядел в Марке будущего Мастера, так почему бы не попробовать пробудить его прямо сейчас, тем более я ни чем не рискую – если получится – хорошо, если нет, ну что же буду ночевать здесь с раненым. Я сосредоточился и ясно представил перед собой Марка. Как только он стал чётко виден, я позвал его к себе, после чего прервал связь и стал ждать. Прошло примерно с полчаса, когда в стусившихся сумерках, уже почти ночной темноты, я увидел свет. Свет двигался в мою сторону. Его излучали два горящих факела. Когда свет приблизился, я разглядел, что с факелами в руках ко мне подходят Марк и Дрейк.

Внутренне я возрадовался – получилось. Когда они подошли, я по очереди обнял их и после этого коротко рассказал, что случилось. Время было позднее, поэтому мешкать мы не стали. Дрейк быстро соорудил носилки, на которые с величайшей осторожностью мы уложили раненого. Дрейк с Марком взяли носилки, я же совершенно обессиленный схваткой с неизвестным Мастером и лечением дракона совершен-

но выбился из сил и поэтому шёл налегке, освещая дорогу моим спутникам. Спустя минут сорок без всяких приключений мы добрались до нашего лагеря, причём вторую половину пути ориентиром для нас служил костёр, разведённый в центре лагеря.

В лагере нас встретили Фил и кормилица, которую, напомним, звали Мартой. Они не скрывали своего беспокойства, и при виде нас на их лицах засветилась неподдельная радость. Как-то сразу раненым завладела Марта, которая очень умело, взялась за лечение дракона. Незаметно для окружающих, включая и меня, она стала командовать, и все мы беспрекословно подчинились ей. Под её чутким руководством, раненый дракон был перенесён в один из шатров, кстати, в тот, где ночевали я и Марк, и опять же под бдительным присмотром Марты раздет и осмотрен. После осмотра кормилица послала Фила принести две ровные палочки, и, взяв в руку факел, ненадолго отошла в кустарник. Спустя несколько минут она вернулась с пучком каких-то трав, которые бросила в кипящий на костре котелок, после чего сняла его и накрыла своей шалью, чтобы отвар настоялся. При этом она что-то беспрестанно шептала себе под нос, и я, очень аккуратно, что бы ни испугнуть, прощупал её, почувствовав отзвуки какого-то неизвестного мне Искусства.

Закончив приготовление отвара, она сходила в свой шатёр, где спокойно посапывал во сне маленький Кувай, и принесла несколько пелёнок. Передав их Марку, Марта веле-

ла ему нарезать их на полосы наподобие бинтов. Пока он был занят, мы с Мартой ещё раз самым тщательным образом осмотрели нашего раненого, и Марта, достав из поясной сумочки какую-то баночку, стала смазывать ожоги её содержимым. Это была мазь со своеобразным резким запахом – резким, но достаточно приятным. К окончанию процедуры были готовы бинты и две аккуратно выструганные Филом дощечки. Марта, с моей помощью сделала тугую повязку на сломанные рёбра и, приспособив дощечки, наложила шину на сломанную руку. В заключение всех процедур она влила спящему дракону в рот немного, приготовленного ей отвара и закутала его в одеяло.

Наконец, убедившись, что всё сделано правильно, мы вышли из шатра и направились к костру, где нас с нетерпением ожидали наши товарищи.

Марк разогревал на костре ужин, и при виде нас приветливо улыбнулся. Дрейк с Филом поднялись навстречу нам с бревна, на котором они сидели и тоже приветливо улыбались, однако в глазах их светилось любопытство – было видно, что им не терпится узнать, что же случилось. Я то же им улыбнулся и предложил сначала поужинать, а уж потом поговорить, причём сказал я это таким тоном, что возражений не последовало.

Ужин прошёл в полной тишине и на удивление быстро – всем не терпелось послушать мой рассказ. Я не стал более испытывать их терпение и, не вдаваясь в подробности, рас-

сказал им о происшествии. Последующие за моим рассказом вопросы о том, кто такой наш раненый и откуда он взялся, я отмёл, посоветовав дожидаться утра, когда он проснётся и расскажет о себе сам, если конечно захочет. На этом разговор закончился. За день все устали, поэтому засиживаться не стали и все разошлись спать. Первой ушла к себе кормилица Марта, за ней в свой шатёр отправились Дрейк и Фил. Я задержал собравшегося последовать их примеру Марка – мне нужно было задать ему несколько вопросов. Он послушно присел на бревно около меня, когда я попросил его остаться и указал ему место возле меня. Некоторое время мы посидели молча – мне надо было собраться с мыслями, которые после спасения нашего дракона находились в некотором разброде.

Наведя порядок в собственных мыслях, я обратился к Марку.

– Расскажи мне как можно подробнее о том, что тебя навело на мысль искать меня именно там, где вы меня нашли – сказал я, обращаясь к Марку.

Он на минуту задумался, а затем начал очень обстоятельно отвечать на мою просьбу. Я не буду дословно передавать его рассказ, скажу лишь, что он почувствовал мой зов и очень отчётливо увидел меня рядом с раненым, а мгновение спустя увидел путь, который вёл ко мне.

Внутренне я ликовав, и было от чего – значит, я в нём не ошибся. Он, в самом деле, оказался не осознавшим себя Ма-

стером. Я, в который уже раз мысленно поблагодарил Ляргуса. И в который уже раз всплыл вопрос – Почему Ляргус поручил такое сокровище, как Марк, мне? Ответа как всегда не было, оставалась одна надежда, что он найдётся в записках старого жреца.

Я отпустил Марка спать, предварительно поблагодарив его за подробный рассказ, и, не смотря на усталость, остался сидеть у полупотухшего костра – мне предстояло ещё одно дело, которое оставить на потом было бы просто неразумно.

Настроившись, я занялся там, чем никогда ранее не занимался в непосредственной близости от своей вотчины, а именно – ставить охранные заклятия. Раньше просто в этом не было нужды, но последние события, особенно случай с драконом, вынудили меня к этому.

Если кто не знает, охранные заклятия представляют собой целый комплекс заклинаний, которые можно разделить на сторожевые и собственно охранные. Первые предназначены для оповещения в случае вторжения на охраняемую ими территорию – это своего рода сигнализация. Вторые – служат непосредственно для отражения вторжения. Опытный Мастер, окружив себя подобной охраной, может спокойно ложиться спать даже в самом опасном месте – охрана в любом случае, даже если не сможет отразить нападения, обязательно разбудит хозяина. Ставить охрану достаточно хлопотно – требуется большое вложение силы, поэтому её применяют только при наличии реальной опасности и ранее она ни когда

не ставилась на путях Мастеров, считающихся безопасными.

Я за весь этот переход был буквально выжат и почти не имел сил, поэтому ограничился лишь сторожевыми закланиями, компенсируя отсутствие охранных заклятий тем, что отодвинул охраняемый периметр на максимально возможное расстояние. Этим я добивался наиболее раннего оповещения в случае возникновения опасности, что так или иначе давало нам всем возможность просто сбежать, если я к тому времени не накоплю силы.

К тому времени, как с грехом пополам, я закончил устанавливать охрану, я буквально валился с ног от усталости. О том, что бы завтра двинуться в путь не могло быть и речи. Помимо моей усталости, нужно было дать прийти в себя раненому. Немного поразмыслив, я был вынужден принять единственное в этой ситуации решение – остаться на месте ещё на сутки. Приняв решение, я кое-как добрался до своего шатра, и, не раздеваясь, повалился на своё ложе, заботливо приготовленное мне Марком, и спустя мгновение провалился в сон без сновидений.

4.

Проспав без задних ног почти сутки, я проснулся, когда уже смеркалось. Ощущал я себя хорошо отдохнувшим, но при этом на меня навалился страшный голод – было такое ощущение, словно я не ел, по крайней мере, месяц. Выйдя из шатра, я застал в сборе всю нашу компанию, которая сидела кружком возле костра и о чём-то беседовала. К моей вели-

кой радости в этом кружке сидел и спасённый мной дракон, который, судя по всему, пришёл в себя и чувствовал себя неплохо.

Моё появление у костра вызвало оживление. Разговор прервался, все встали, уступая мне место у костра. Марк тут же занялся разогреванием ужина, а Фил подал мне кружку подогретого вина, которую я с благодарностью принял. Усевшись у огня, я отхлебнул из кружки приличный глоток, и чуть не замурыкал от удовольствия – блаженное тепло разлилось по жилам и даже чувство голода как-то притупилось.

Я пригласил дракона сесть рядом со мной, и он, учтиво поклонившись, присел рядом. Подождав, когда все опять рассядутся, я обратился к дракону, предварительно представившись ему полным титулом:

– Азар, Мастер Высокого Искусства, полноправный владелец и хранитель Вотчины Сегурии – произнёс я, не вставая с места, как и положено старшему по положению и возрасту.

– Хочу знать, кто удостоил меня чести лицезреть его? – закончил я принятую по этикету фразу.

В ответ на моё представление молодой дракон быстро встал, и, отвесив низкий поклон, ответил так же фразой, положенной этикетом, назвав своё имя и титул.

– Яргуст, младший сын Галлая, Дракон из рода Белого облака к вашим услугам в полной покорности – произнёс он и снова поклонился.

В ответ я ответил ему лёгким кивком головы и, улыбнувшись, предложил ему сесть рядом с собой. Тут я обратил внимание, что после моего представления спутники мои вскочили на ноги и согнулись в низком поклоне. Наконец до меня дошло, что я впервые назвал себя перед моими товарищами, и они, услышав мой титул, опять же согласно тому же этикету, принятому в Империи, склонились в соответствующем моему положению поклоне.

Я сделал жест, означающий, что их поклон я принимаю и попросил их соблюдать обычай только в официальной обстановке.

— Друзья мои, — сказал я, стараясь, что бы слова мои звучали как можно мягче. — То, что вы узнали кто я, не должно как-либо влиять на наши отношения. Прошу вас относиться ко мне как раньше. —

Мои слова подействовали, когда хотел я, мог убеждать людей, и напряжение постепенно спало. Все опять расселись по своим местам, и я обратился к Яргусту с вопросом:

— Расскажи, что с тобой случилось, кто тебя преследовал и почему ты оказался на пороге моей вотчины? -

Нужно сказать, что я был изрядно удивлён, услышав имя дракона, это был мой родной племянник — сын моего младшего брата. Так вот почему его лицо показалось смутно знакомым, поэтому желание поскорей узнать, что значит, его появление здесь во мне многократно усилилось.

Яргуст ненадолго задумался и начал свой рассказ, кото-

рый настолько меня заинтересовал, что я слушал его, затаив дыхание.

Первым делом Яргуст встал и, низко поклонившись, поблагодарил меня за спасение. После этого он начал свой рассказ.

– То, что ты мой дядя Азар, я знал, когда летел сюда. И летел я сюда не просто так, а, выполняя поручение моего деда и отца, и, прежде всего, я выполняю порученное мне, а уж потом расскажу всё, что знаю, – начал он.

Я прекрасно понимал, что такой риск, на который пошли мой отец и младший брат, должен быть оправдан важность передаваемой мне информации, и стал внимательно слушать племянника.

– Благородному Азару, Мастеру Высокого Искусства, Хранителю Вотчины Сегурии, мой привет и пожелание здравствовать, – заговорил Яргуст стоя, как и положено официальному послу, текст он, видимо, заучил наизусть. – Спешу предупредить тебя о нависшей над тобой смертельной опасности, и для этого посылаю к тебе моего внука Яргуста. Он тебе всё подробно расскажет. Прими его к себе в вотчину, если конечно согласишься прислушаться к словам твоего старого отца. Если примешь его, то обретёшь в лице его преданного человека. Он очень талантлив и из него может получиться сильный Мастер Искусства, если ты захочешь учить его. С глубоким уважением и любовью к тебе. Отец твой Сварг, сын Хорога, Глава рода Белого облака, –

проговорил Яргуст и сел рядом со мной.

– Прежде чем ты продолжишь свой рассказ, племянник, – сказал я Яргусту, и внимательно поглядел на него, – Давай ка разберёмся с твоим посланием. Ответь мне, почему мой отец хочет, что бы я взял тебя с собой и обучил Искусству? –

– Не знаю, почему дед решил спрятать меня в твоей вотчине, дядя. Видимо он знает что-то такое, чего не знаю я. Не мне судить. А, что касается обучения, так я с самого рождения имею к этому склонность, и очень бы хотел у тебя учиться. Если бы ты, дядя согласился, то я готов всё для тебя сделать, – с горячностью ответил на мой вопрос молодой дракон.

Ответ его мне пришёлся по душе своей искренностью, а то, что он действительно способный в Искусстве я и сам прекрасно видел. Кроме того я понимал, что моему отцу он чем-то очень дорог, иначе он не стремился бы его понадежнее спрятать, а где лучше всего спрятать человека, как ни в вотчине Мастера Высокого Искусства.

Я взглянул на Яргуста, и мне стало его жалко. Он был ещё мальчишкой и не научился скрывать свои чувства, поэтому все они были написаны на его лице. Лицо его выражало с одной стороны этакую юношескую браваду – мол, мне всё нипочём, а с другой – страх, что ему откажут. Я не стал его мучить.

– Ладно, – сказал я. – Посмотрим, что ты расскажешь, а уж потом и решим, что с тобой делать. Давай поступим так:

ты расскажешь всё, что знаешь, а потом ответишь на мои вопросы, если таковые возникнут. Согласен? –

Он конечно с радостью согласился и спросил с чего начать. Я посоветовал ему начать прямо с детства. Тут я преследовал свой личный интерес – мне хотелось побольше узнать о своей родне.

5.

Родился я в усадьбе у Голубого озера, что в предгорьях западных гор, где рождаются все дети рода Белого облака. Случилось это пятнадцать лет назад. Там прошло моё детство, и ничего вроде особенного не было, если не считать того, что я очень рано осознал себя драконом. Ты, конечно, знаешь, что обычно дракон осознаёт себя драконом только к годам двадцати-двадцати пяти. Я же, думаю, что знал это всегда, но полностью осознал это в десять лет, когда в первый раз обернулся.

Произошло это так. Мы со сверстниками играли в лесу близ усадьбы. Игра заключалась в том, что тот, на кого выпадал жребий, должен был убегать в лес и прятаться там, а остальные, спустя некоторое время, должны были его найти и запятнать.

В тот раз выпала мне очередь прятаться, и я побежал в лес. Я знал там один утёс, заросший густым колючим кустарником, где было хорошо прятаться. Вот туда-то я и направился. Как оказалось, не один я знал про это место. Вскоре меня обнаружили, и началась погоня. Я долго не давал себя

запятнать, но, в конце концов, меня окружили и прижали к краю утёса. Положение моё оказалось безвыходным – сзади погоня, а спереди отвесная пропасть. Сдаваться очень не хотелось, и тут я очень пожалел, что не умею летать. Тут-то и произошло самопроизвольное обращение, видимо я слишком сильно захотел летать. Мир вокруг меня начал меняться, а тело моё начало корёжить судорогами. Я не понимал, что со мной, и очень испугался, тем более, что мои преследователи вдруг с криками бросились от меня прочь.

Испуг прошёл, и я почувствовал себя прекрасно. Всё тело моё налилось какой-то неведомой силой, что тянула меня вверх. Тут я почувствовал, что ноги мои отрываются от земли, и меня какая-то сила стремительно поднимает куда-то всё выше и выше. Земля подо мной быстро удалялась, и я опять испугался. Стоило только поддаться страху, как я начал падать. Я хорошо видел, как быстро убегают к дому мои товарищи, видел озеро и усадьбу и страх прошёл. Моё падение прекратилось, превратившись в плавный полёт. Наконец-то я почувствовал за спиной крылья, и очень быстро научился ими пользоваться. Никогда ранее я не испытывал такого упоения свободой – я был счастлив. Однако это упоение с играло со мной злую шутку – при посадке я сломал ногу и целый месяц провалился с лубком на ноге.

Как только старшие узнали о моём обращении, они очень переполошились. Тогда я не понимал, что их так испугало – я же знал, что в нашем роду всегда было много драконов. Уже,

когда я стал постарше, мне стало известно, что обращение моё произошло в очень неподходящее время – время, когда начинались гонения на драконов.

Когда нога моя зажила, приехали из столицы мои отец и дед. С ними прибыл и мой старший брат Рик, который был лет на двадцать старше меня. Я его почти не знал и видел-то всего пару раз. Он был драконом и служил в столице в гвардейском полку. Помню, что тогда меня поразила его форма, но наибольшее восхищение у меня вызвал его блестящий шлем, с ярко-красным плюмажем перьев.

Потом пришла мама и мы, закрывшись в комнате, стали обсуждать вопрос – что делать со мной. Старшие долго спорили и, наконец, решили сохранить мою инициацию, в тайне, от посторонних. После этого отец, мать, брат и дед битый час втолковывали мне, что бы я никому не говорил, что я дракон, что если кто-то посторонний об этом узнает, то меня просто убьют, и я никогда не буду взрослым.

После того как они убедились, что я всё хорошенько усвоил, дед сказал, что он специально вызвал сюда брата Рика, что бы он научил меня оборачиваться и летать, в общем всё, что должен уметь настоящий дракон. Что бы ни привлекать лишнего внимания, моё обучение будет проходить вдали от посторонних глаз, а для этого наиболее подходит наша охотничья заимка, что в Западных горах. Так что завтра с утра отправимся на заимку и начнём учёбу. Я обрадовался, что скоро смогу летать, что со мной будет мой брат, но больше

всего радовало меня, что сам дед едет с нами, при всей его строгости я очень любил его.

Как оказалось, что особо учить меня не пришлось — на всё про всё хватило трёх дней. Дед очень удивился, но Рик сказал, что я летаю так, как будто занимался этим всю жизнь. Перед возвращением дед строго настрого запретил мне обращаться и летать при свидетелях, и я поклялся ему в этом.

Жизнь продолжалась, я жил как всегда, но иногда по ночам тайком сбегал из дома и с наслаждением летал между звёзд и был совершенно счастлив. Прошёл год, и наступило время уезжать для дальнейшего обучения в столицу Империи. Я попрощался с таким уютным домом детства, и таким прекрасным и родным Голубым озером, на глазах моих при расставании стояли слёзы. Это были слёзы прощания с детством.

В столице я погрузился с головой в учёбу и очень быстро продвинулся на этом поприще. Торопиться с учёбой меня заставляла страсть к полётам. Пока я учился в столице, мне не было возможности летать, ведь не будешь же бегать по ночам за город — слишком далеко, да и городские ворота на ночь запирают. Клятву, данную деду, я соблюдал свято — никогда не обращался при людях.

Курс наук я закончил за год и переехал в дом моих родителей, в усадьбу, расположенную в сутках пути от столицы, где несколько Мастеров Искусства начали обучать меня основам Высокого Искусства. Это не входило в основной курс

обучения молодого поддонного Империи, происходящего из знатного рода, но на этом настоял дед и я с радостью принял-ся за эту науку. Кроме того меня учили рукопашному бою, а так же умению сражаться всеми видами оружия, причём родители не скупились и приглашали ко мне в учителя лучших специалистов.

Но всё это, хотя и нравилось мне, однако не шло ни в какое сравнение с возможностью летать, пусть даже по ночам, но летать. Я дорвался до любимого занятия и летал без всякой меры. В результате постоянного недосыпания, я чуть было не довёл себя до нервного срыва и ни какие увещевания родителей не помогали, и только вмешательство деда урезонило мою страсть к полётам.

За время домашнего обучения я очень сблизился с моими родителями, а так же старшими братьями и сёстрами. Но особенно я подружился с Риком, который иногда навещал нас. В такие дни я не отходил от него, а ночами мы вместе летали.

Помимо полётов, я увлёкся обучению Искусством, и скажу без хвастовства, что у меня неплохо получалось. К сожалению, среди Мастеров были только безродные и ни одного вотчинника, а настоящим мастерством владеют только они. Как бы там не было, я постарался извлечь из учёбы максимум пользы.

В общем, жизнь была насыщенная и доставляла мне много радостей. Я думал, что так будет всегда, однако, когда

мне исполнилось пятнадцать, судьба сделала крутой поворот. Мы все собрались в столицу на юбилей деда, когда вышли эти страшные указы о драконах.

5.

Слушая Яргуста, я испытывал какие-то новые для меня чувства. Нет, не так, чувства, конечно, были хорошо забытые старые, но я так давно их не переживал...

Понять мои чувства сможет лишь тот, кто в раннем возрасте, был вырван из привычной атмосферы семьи и отдан на учение в далёкую обитель. Там долгие годы внушалось, что у тебя больше нет семьи – её заменило Искусство. Оно тебе отец и мать, дитя и возлюбленная. Только его ты должен любить. И оно действительно целиком забирает тебя, становится тобой, и ты становишься им. Воспоминания детства постепенно тускнеют, стирается память о них, и тебе уже кажется, что они навсегда покинули тебя. Но вот происходит якобы случайная встреча, и вдруг эта память, словно вода, прорвавшая плотину, обрушится на тебя и окажется, что, по сути, ты никогда не выросл, а остался всё тем же мальчишкой, пусть даже сильно поседевшим. Именно это и произошло со мной, когда я слушал рассказ Яргуста о его детстве.

Когда он заговорил о Голубом озере, плотина моей памяти прорвалась, и я всё вспомнил. Я вспомнил тот чудесный дом моего детства, стоящий в предгорьях Восточных гор, где озеро тихо плескалось почти у самого порога, где первыми

звуками, которые я услышал на этом свете, были плеск волн и крики чаек. А ещё шум трёхсотлетних елей и вой ветра в каминных трубах. А ещё торжествующий рёв дракона, исполняющего в небе танец в честь моего рождения.

Первое, что я увидел, когда меня вынесли из дома, была бескрайняя озёрная гладь, что навсегда запечатлелась в глазах моих. О, Голубое озеро – озеро детства моего, обладающее собственным характером, своими симпатиями и антипатиями. Мне могут возразить, что, мол, какой характер может быть у озера?

Не знаю как другие озёра, а моё Голубое озеро имело свой характер, причём характер несколько взбалмошный, подобно избалованной красавицы, то есть настроения его очень быстро менялись, что отражалось на его внешнем облике.

Хотя оно и называлось голубым, но таковым оно бывало далеко не всегда. Голубым оно было только в тихие солнечные дни, преимущественно весной и летом. Тогда оно напоминало собой прекрасный аквамарин, обрамлённый в роскошную оправу окружающих гор с пятнами тёмно-зелёных ельников на склонах. В этом состоянии оно было молчаливо и ласково, но не стоило благодушествовать на его счёт – стоило подуть ветерку или солнцу спрятаться за облако, как оно тут же преображалось.

Тогда наблюдатель видел перед собой благородный сапфир, причём сапфир наивысшего качества глубокой насыщенной синевы, по которой подобно бликам тут и там про-

бегали белые барашки волн. В это время оно становится раздражительным и опасным. Никому не пожелаю оказаться в такую пору в лодке вдали от берега.

На восходе и закате озеро расцветало в широком диапазоне от нежно-розового цвета кристалла воробьевита, через янтарно-жёлтый гелиотроп, до разных оттенков красного – гранат, шпинель, рубин.

В тёмные осенние ночи озеро было окутано тайной, словно вуалью. Тогда оно было подобно загадочному минералу – лабрадору, та же чёрная загадочная глубина, в которой время от времени вспыхивали тёмно-синие манящие блики. Тогда от озера веяло какой-то древней мудростью и скрытой в глубине неземной мощью.

Но особенно любил я своё озеро в тихие летние, по северному солнечные, ночи. В это время солнце уже не грело и не слепило, а висело низко над горизонтом, оранжевым шаром, подобно спелому апельсину. Озеро в такое время уподоблялось отполированному минералу беломориту, в просторечии носящим название лунный камень. Бело-розовое, на самом краю восприятия, оно вдруг испускало вспышку яркого света переливающегося всеми цветами радуги, с преобладанием сине-голубого, изумрудно-зелёного и нежно-розового оттенков. Наступал момент, когда вспышки эти заполняли всю гладь озера, и меня охватывало удивительно-радостное чувство – чувство предстоящей сказки. И озеро действительно рассказывало мне сказки, но это были какие-то странные

сказки. В них присутствовал я сам, наблюдая сказку со стороны. Странные сюжеты тревожили меня, какие-то войны, которые толи когда-то были, толи когда-то будут. Здесь смешались драконы и люди, демоны и ангелы, и ещё множество существ, названий которых я не знал. Сказки, рассказанные озером, навсегда хранятся в глубине души моей. Вот такое наше Голубое озеро.

Впервые я усомнился в правильности постулата Высокого Искусства, что гласит – родственные чувства и мастерство в Искусстве вещи несовместимые. Во мне же сохранились эти чувства, и при том я же достиг уровня Мастера Высокого Искусства и имел собственную вотчину. Так, что в любом случае, я помогу племяннику и выполню волю отца моего, хотя формально и не считаюсь уже его сыном.

6.

– По какому-то роковому совпадению указ о драконах вышел как раз в то время, когда весь наш род собрался в столице на юбилей главы рода – моего деда и твоего отца, – продолжал свой рассказ Яргуст.

– Все мы собрались в большом родовом дворце и ждали, когда дед вернётся из дворца Повелителей, где он присутствовал на заседании Сената. Он задерживался и все гадали о причине задержки. Наконец он пришёл, сильно встревоженный и какой-то потухший. Мы все бросились поздравлять его, но он сделал отстраняющий жест и сказал, что торжество отменяется. Мы все опешили, а он велел всем собраться в

большом зале, где он зачитает указ Повелителей Драконов, – проговорил дракон и сделал из своей кружки большой глоток.

– Когда все собрались в большом зале и уселись за накрытый стол, дед, сидящий во главе стола, встал и зачитал указ. Все слушали в молчаливом напряжении, а когда он закончил, все ещё долго сидели в каком-то оцепенении, переваривая услышанное. Наконец встала бабушка и заявила, что она никогда не отдаст на растерзание своих сыновей, дочерей и внуков, а посему не подчинится указу. Дед на это заявил, что тогда мы нарушим наш вассальный договор с Империей и станем мятежниками. Тогда нам остаётся один выход – покинуть Империю и стать изгоями. Все зашумели, требуя порвать вассальный договор. Стали голосовать, и с гордостью могу заявить, что ни один из нас не проголосовал за. Принесли знамя Империи, и дед на глазах у всех порвал его посередине от края до древка. Стали решать, что делать дальше, и быстро решили – утром покинуть столицу и отправиться в усадьбу, что на берегу Голубого озера.

Когда всё было решено, бабушка предложила, всё -таки, отметить юбилей и хорошо покушать – кто знает, когда ещё придётся поесть. Все с радостью согласились и отдали должное еде, правда пили мало, видимо желая, сохранить, трезвость ума на утро.

В самый разгар пира, вошёл начальник охраны и что-то прошептал на ухо деду. Тот нахмурился, отодвинул свою та-

релку и сказал, что в городе начались погромы. Обезумевшие горожане бросились убивать драконов. Поэтому он приказывает всем, владеющим оружием или Искусством, незамедлительно надеть доспехи, вооружиться и построиться во дворе в виде каре. В центре разместить женщин, детей и стариков. С собой ничего не брать, только деньги и драгоценности. Мы покидаем столицу. Жду всех во дворе, после чего покинул комнату. Мы все встали и поспешили собираться.

У меня, в силу моего возраста, не было ни оружия, ни доспехов, но брат мой Рик предложил мне следовать за ним, что я и сделал. Он привёл меня в свои апартаменты, открыл шкаф, в котором висели самые разнообразные доспехи от самых простых до парадных, и предложил мне выбрать что-нибудь. Латы были для меня великоваты, поэтому я надел кожаную куртку с нашитыми на неё металлическими пластинами. Под куртку я надел лёгкую кольчугу. Ещё я прихватил окованные боевые сапоги и перчатки. Шлемы все были велики, поэтому я решил обойтись вовсе без него. Как только я оделся, Рик протянул мне недлинный меч в ножнах и сказал, что это подарок от него. Меч был великолепен, но любоваться им, не было времени – нас ждали во дворе. Мы быстро проследовали туда, где строился наш род. По дороге я горячо поблагодарил Рика за его подарок, но он только улыбнулся и посоветовал пореже извлекать его из ножен. Понял я его только позднее, когда пришлось применить его, – Яргуст опять замолчал и принялся пить из кружки. Руки его

заметно дрожали.

– Во дворе, где строились наши, я услышал монотонный гул толпы, что бесновалась за стеной, отделявшей наш дворец от улицы. От этого гула мне стало как-то не по себе, но я постарался взять себя в руки. Только мы закончили постройка, как вышел дед в сопровождении старшин рода. Все были одеты в парадные доспехи, на головах шлемы с роскошными плюмажами. Знаменосцы подняли знамёна рода, среди которых было и порванное знамя Империи. Я обратил внимание, что все наши люди оделись в лучшие одежды, а женщины помимо лучших платьев надели на себя все драгоценности. Затрубили трубы и ворота распахнулись. Толпа, завидев нас, дико взвыла и подобно лютomu зверю бросилась на нас, но мы оказались ей не по зубам. Наши передовые мечники хорошо знали своё дело, и, оставив целую грудку мёртвых и тяжелораненых тел, толпа с воем откатилась назад, – продолжал свой рассказ молодой дракон, и я хорошо понимал, как трудно ему было всё это вспоминать.

– Вновь затрубили трубы, и мы пошли. Толпа опять попыталась нас остановить, но с тем же успехом. Впервые мне пришлось шагать по мёртвым и ещё живым телам, да и вообще до этого вечера я практически не видел мертвецов. Ощущения, скажу я вам омерзительные. В тот момент я понял, что люто ненавижу войну. Однако, тогда всем нам было не до переживаний – толпа вновь навалилась на нас, и тут даже мне пришлось взяться за меч. Скажу я вам, что это дело мне

очень не понравилось. Наверное, никогда не забуду, с каким противным звуком входит меч в ещё живое тело человека, какой отвратительный булькающий звук издаёт перерезанное горло, какие мерзкие чувства вызывают перепачканные кровью руки. А как передать взгляд умирающего от твоего меча человека, эту смесь боли и недоумения, этот ужас, навсегда впечатывающийся, в твою память.

Медленно наша колонна продвигалась в направлении восточных ворот. Толпа безумствовала и всё яростнее бросалась на наши мечи. Наше движение замедлялось, и среди наших людей появились первые убитые и раненые. На севере города что-то гроыхнуло, и к небу поднялся ослепительно-белый столб огня. Кто-то там применил Искусство, причём Искусство в самой убийственной форме. На севере столицы, как я знал, жили в основном люди рода Серых камней. Среди них, как и в нашем роду было много драконов, и, судя по всему, там тоже решили не выдавать своих. На севере опять гроыхнуло, и толпа, окончательно обезумев, ринулась на нас.

Мы практически остановились, и, словно почувствовав это, толпа усилила свой напор. По рядам прошла команда – давящий пресс, и я почувствовал, как в наших рядах стала пробуждаться сила, все кто владел в той или иной мере Искусством вливали свою силу в общее боевое заклятие. Я тоже внёс свою лепту в общее дело. Толпа продолжала давить, когда заклятие, наконец, было приведено в действие. Сначала-

ла слышался глухой рокот, затем по толпе прошло движение, наподобие волны. И волна эта превращала людей в кровавое месиво. Люди бросились в рассыпную, но, не думаю, что кому-то удалось спастись. Удар мы произвели на небольшой площади, и теперь она вся была завалена раздавленными останками бывших людей. Многих вырвало от такой картины, но путь был свободен. Пользуясь моментом, мы быстрым шагом двинулись к воротам.

Какое-то время нам никто не препятствовал, и я уже надеялся, что стычек больше не будет, но я ошибался. Из боковых улочек снова набежали люди, и нам опять пришлось взяться за оружие и боевое Искусство, но теперь каждый, кто умел, применял свои боевые заклятия. Так, отбиваясь от толпы мечами и заклятиями, мы шаг за шагом продвигались к воротам. Наконец, после ряда стычек, мы вырвались из города. Толпа не стала нас преследовать, и мы быстрым шагом пошли по восточной дороге.

Нам никто не препятствовал. Беженцы пропускали наш отряд, а многие старались пристроиться к нашей колонне, так что через пол лиги наше число удвоилось. Пройдя ещё примерно лигу, мы увидели впереди колоннудвигающихся нам на встречу воинов, и по их доспехам и стремительному походному шагу не трудно было определить в них отряд Храмовой стражи. Мы поспешно уступили им дорогу, и они стремительно протекли мимо нас, направляясь в столицу. Меня посетила мысль – не хотел бы я встретиться с ними в

бою, и сдаётся мне, что такая же мысль посетила и многих из нас. Они прошли, а мы продолжили наше движение по восточному тракту.

7.

Слушая рассказ племянника, я вспомнил тот день, когда, уходя из столицы, мы наблюдали с вершины холма исход моих родичей. Я до сих пор помню тот страшный день, когда безумие овладело буквально всеми столичными обывателями. Теперь же я смотрел на эти события, как бы изнутри, и переживал всё так же остро, как и Яргуст.

Его рассказ о брате Риксе, который был так же, как и он сам, драконом, меня сильно заинтересовал. Во-первых, как-никак, он тоже был моим племянником, а всё, что касалось моих вновь обрётённых родственников, меня очень интересовало. Всё же пересмотр жизненных установок не проходит бесследно, и как некая компенсация за долгое отсутствие родственных чувств, у меня обострился интерес ко всему, что связано с моими родичами.

Во-вторых, я понимал, что происшедшее в столице, является лишь началом грозных событий, что непременно грянут в бедующем, и я очень бы хотел определить расстановку сил, которые так или иначе будут вовлечены в игру. То, что старший брат Яргуста служил в гвардии и при этом являлся драконом, напомнил мне о том, что многие гвардейские офицеры то же были драконами. Это обнадеживало – в случае возникновения гражданской войны в Империи, гвардия

могла и отвернуться от Повелителя. Поэтому мне бы очень хотелось познакомиться с Риком, что бы узнать его мнение на этот счёт.

Рассказ Яргуста о своих ощущениях от войны, пришлось мне по сердцу – меня порадовало, что убивать ему не понравилось, мало того – вызвало омерзение. Я и сам отношусь к войне подобным образом, и воспринимаю её как досадную необходимость, но даже в этом случае предпочитаю не убивать без крайней на то необходимости. Именно поэтому я не люблю носить с собой оружие, опоясываюсь мечом только когда избежать боя нет возможности или на официальную церемонию, где оружие является необходимым условием соблюдения этикета.

Да, мои блуждания по путям Мастеров, часто требовали от меня применение меча либо Искусства, но даже тогда я старался не убивать, а каким-либо более гуманным способом остановить направленную на меня агрессию. Это относилось не только к людям, но и к другим нечеловеческим расам, коих можно было встретить на путях между мирами.

Слушая молодого дракона, я видел, что из него выйдет очень сильный Мастер, причём это будет уникальный случай, когда в одном лице соединятся дракон и Мастер Высокого Искусства. В этот миг в голову мою пришло решение – сделать из Яргуста Мастера, научить его всему, что знаю и умею сам. После этого, он поможет мне воспитать и обучить нашего маленького дракончика – Кувая, ибо от этого зави-

сит будущее всех нас.

8.

– Когда отряд Храмовой стражи скрылся за поворотом, мы двинулись дальше, значительно увеличившись в численности за счёт беженцев, – продолжил свой рассказ Яргуст. – Я думал, что мы направляемся в Восточные земли, где власть Империи была чисто формальной, однако, пройдя по Восточному тракту ещё пару лиг, мы повернули на запад, и я понял, что наш путь лежит в усадьбу у Голубого озера. Я обрадовался тому, что увижу это чудесное место хотя бы ещё раз, а кроме того, не можем же мы уйти и бросить на произвол судьбы наших женщин с малыми детьми. –

Он прервал свой рассказ, видимо у него пересохло в горле. Марк, который, раскрыв рот, слушал его рассказ, поспешил наполнить его кружку. Тот с благодарностью взял её и залпом выпил.

– Прибыв в усадьбу, наши старшие собрались в комнате для собраний, что бы определить наши дальнейшие действия. Практически все драконы рода, за исключением меня, были посланы в различные усадьбы, где проживали люди нашего рода, с приказом старшин всем прибыть в усадьбу у Голубого озера, – продолжил свой рассказ Яргуст. – На мой вопрос, почему меня никуда не послали, отец ответил, что бы я отдыхал и, что для меня будет особая задача, но позже. Делать нечего и я пошёл отдыхать, как и большинство наших людей. Для беженцев и наших людей, прибытие кото-

рых ожидалось позже, на берегу озера разбивали шатры. Я отошёл от лагеря на маленький мыс, что выдавался в озеро метров на сто. Там у меня было любимое с детства место, где я обычно уединялся. —

Он замолчал и надолго задумался. Я не мешал ему, понимая, что всё пережитое им ещё слишком свежо, и говорить об этом стоит значительных усилий.

— Я сидел на земле и глядел на озёрную гладь. Мыслей не было, словно озеро, почувствовав моё состояние, решило помочь мне, забрав чувство тревоги и подарив мне покой безмыслия. Я был благодарен ему за это, пребывая в блаженном состоянии покоя, — сказал он задумчиво. — Из этого состояния меня вывел отец, который незаметно подошёл ко мне и положил руку на плечо моё. От неожиданности я вздрогнул и вопросительно посмотрел на него. Он велел мне следовать за ним, и я понял, что моё время пришло, однако, на душе моей было спокойно, даже появился какой-то азарт. Мы вошли в небольшую комнату усадьбы, где мне раньше бывать не приходилось. Там был только дед, который сидел за небольшим столиком и что-то писал. Увидев нас, он прервал своё занятие и посмотрел на меня. В его взгляде я увидел любовь, тревогу и какую-то непонятную мне надежду. Он предложил нам сесть, что мы и сделали. Некоторое время дед молча смотрел на меня, затем заговорил, и слова его сразу же дали понять, что детство моё навсегда закончено. Он сказал, что я сейчас же должен лететь в столицу для встречи

с агентом деда, и, что это смогу сделать только я, так как никто не знает, что я дракон. Он велел очень осторожно проникнуть в столицу и дал адрес того места, где меня будет ждать агент. После этого он дал мне своё кольцо с большим зелёным камнем, сказав, что это пароль – его я должен показать агенту. Затем он обнял меня, сказал, что от моей миссии зависит дальнейшая судьба рода. Пожелав мне счастливого пути и скорейшего возвращения, он ещё раз обнял меня и велел лететь не мешкая. Отец проводил меня до небольшого холма, откуда нас не было видно, обнял меня и, повернувшись, пошёл в усадьбу. Я тут же начал обращение, и спустя пять минут на холме оказался небольшой дракон цвета воронёной стали. Ещё миг и дракон взмыв в небо исчез в его синеве.

9.

Я летел так высоко, как только мог, и поэтому долетел до столицы никем не замеченным. Когда вдаль показались стены города, я приземлился в безлюдном месте и сразу же обернулся. Потом, переодевшись в захваченную с собой одежду, направился к городским воротам. Надо было торопиться, так как время было вечернее, а на ночь их закрывали. Выглядел я в новой одежде, как мелкий приказчик или подмастерье, который, выполнив поручение своего патрона, торопится до темноты вернуться домой.

Подойдя к воротам, я был неприятно удивлён многочисленными стражниками, которые оные ворота охраняли. Од-

нако меня пропустили без особого досмотра, лишь взяли мелкую монету за проход. Несколько шагов и я в городе, который совсем недавно покинул при столь драматичных обстоятельствах. Город как будто вымер, и пока шёл до центра, а мне туда было и нужно, я встретил всего несколько человек, да и те, завидев меня, норовили перейти на другую сторону улицы.

Помимо безлюдья улиц, меня поразил очень неприятный сладковатый запах, висевший в воздухе. Что это был за запах, я очень скоро узнал, когда вышел на небольшую площадь. Здесь запах превратился в зловонье, и меня чуть не вырвало. Зловонье исходило от целой горы трупов людей, сложенных на площади. Я ускорил шаги и почти бегом проскочил мимо зловещей кучи. По пути в центр мне пришлось миновать не одну такую кучу.

Выход на центральную площадь, где находились дворец Повелителей, двор Верховного жреца, Сенат и Главный храм Империи, оказался перекрыт Храмовой стражей. Мне вообще-то на площадь было не нужно, но через неё было ближе до места, в которое я стремился. Пришлось обходить, и, пройдя по нескольким боковым улочкам, я оказался на площади Правосудия. Эта, относительно небольшая площадь, получила своё название из-за того, что была местом публичных казней. В центре её находился эшафот, на котором возвышалась чёрная от запёкшейся крови плаха и стояла большая виселица на шесть персон. Я с ужасом отметил, что все

места на ней были заняты – шесть трупов с мешками на головах. Улица, на которую мне надо было выйти, находилась по ту сторону площади, поэтому я, скрепя сердце, пошёл мимо виселицы, стараясь не глядеть на повешенных.

Улица, вернее глухой тупик, называлась, как и положено в таких местах, Тупик повешенных. На моё счастье она оказалась очень короткой – длиной всего в три дома и заканчивалась двухэтажным невзрачным серым домом. Туда-то мне и надо.

Дом этот являлся гостиницей, которая называлась, естественно, «У висельника». Я думал, что это, скорее всего, просто дешёвая ночлежка, но открыв дверь и войдя во внутрь, был приятно изумлён роскошью внутреннего убранства. Я оказался в обширном холле, обставленном с роскошью, но при этом чувствовался вкус. Прямо передо мной находилась широкая лестница, ведущая на второй этаж, покрытая красной ковровой дорожкой. Слева от входа была полуоткрытая дверь, откуда доносился звон посуды, приглушённые разговоры и запахи пищи, от которых рот мой наполнился слюной – мне так до сих пор и не удалось поесть. Видимо там располагался кабачок. Справа находилась стойка, за которой одиноко скучал портье с печальными глазами. Увидев меня, он улыбнулся и вежливо поинтересовался, чего я желаю. Я подошёл к стойке и тихо сказал, что меня ждут, и показал перстень деда. Увидев перстень, портье стал очень серьёзен, вышел из-за стойки и пригласил меня

следовать за ним. Мы поднялись на второй этаж, повернули направо, прошли по коридору и остановились возле двери без номера в торце коридора. Портье осторожно постучал и спустя мгновение дверь открылась. Он пропустил меня вперёд, вошёл следом, затворив за собой дверь, и мы оказались в небольшой, просто обставленной комнате без окон.

– Я привёл того, кого вы ожидаете, ваша честь, – сказал портье и низко поклонился.

– Благодарю тебя. Принеси ужин и позаботься, что бы нам не мешали, – сказал, сидящий за небольшим столом высокий сухощавый старик, и вдруг улыбнулся мне одними глазами.

Его улыбка сразу успокоила меня, и я, следуя его приглашающему жесту, прошёл к столу, представился и сел напротив него. Старик, нет скорее старец, властно протянул ко мне руку ладонью вверх, и я, поняв всё без слов, вложил в его ладонь перстень деда. Тот взял его, поднёс к глазам и минут пять внимательно разглядывал. После этого как-то неопределённо хмыкнул и вернул мне перстень, велев спрятать его хорошенько.

– Как здоровье Сварга, – спросил он меня.

– Спасибо, он здоров и полон сил, – ответил я.

Тут пришёл слуга, который принёс ужин и быстро накрыл стол. Когда он удалился, старец, имя которого я так и не узнал, предложил мне без церемоний поесть, а сам он в это время расскажет мне последние новости столицы. Я не стал просить себя дважды и принялся за еду.

Старец начал свой рассказ с момента, когда в город вошёл отряд Храмовой стражи. Слушая старца, я понял, как нам повезло, что мы вырвались из города до прихода этих воинов. Когда они вошли в город, то не стали вести никаких переговоров, им было всё равно, кто перед ними – мятежники, городская стража или беженцы. Если им не уступали дорогу, то они просто прорубались сквозь них, подобно многорукому и многоногому единому хищному существу, оставляющему после себя только трупы. Толпа ужаснулась и бросилась спасаться бегством. Беспрепятственно прошли они до двора Верховного жреца и оцепили его. После этого часть их окружила всю центральную площадь в купе с дворцом Повелителей. Все мятежники, попавшие в окружение, были незамедлительно уничтожены, а храмовники, оцепив площадь, никого не пропускали. Они не делали исключений ни для стремящихся попасть во дворец, ни для желающих оттуда выйти. Сложилась парадоксальная ситуация – власть светская была изолирована от власти духовной. Все прекрасно понимали, что на этот момент, реальная власть находится в руках Верховного жреца, а Повелители Драконов находятся под домашним арестом.

Я знал, что с момента, когда Империя приняла господствующую ныне религию, была создана Храмовая стража, куда принимали только лучших из лучших воинов, которых готовил особым способом. Частью этой подготовки являлась абсолютное повиновение Верховному жрецу и своему ко-

мандиру, а более никому.

Несложно понять, что вызвав стражу, Верховный жрец сделал свой ход, убив при этом двух зайцев, – в корне подавил мятеж, и тем самым спас, множество, как людей, так и драконов, и, кроме этого, изолировал обезумевшую светскую власть – виновницу погромов. Теперь оставалось только ждать – чем ответят Повелители.

Я так заслушался своего собеседника, что совершенно забыл о еде.

– Та ешь, ешь, мой мальчик, – улыбнулся старик, увидав, что меня полностью захватил его рассказ. – Очень скоро тебе понадобятся все твои силы. –

Он замолчал, а я навалился на еду, наконец-то почувствовал её вкус. Старец же к еде даже не притронулся, а лишь иногда пил вино из своего кубка мелкими глотками. Когда я насытился и взял кубок с вином, старец продолжил свой разговор.

– Так что сейчас в столице установилось временное равновесие, и сколько оно продлится – не знает никто. Жрец, конечно, не собирается узурпировать власть, но ему нужно выиграть время, – продолжал старец. – Кроме того, он ещё надеется, что власть одумается и отменит свои безумные указы, и тогда появляется шанс избежать гражданской войны. –

Нас прервал осторожный стук в дверь. Старец сделал мне знак, и я, быстро подойдя к двери, отодвинул засов. На пороге стоял портье. Лицо его выражало тревогу. Быстро по-

клонившись старику, он сообщил, что в гостиницу пришла городская стража, которая ищет мятежников. Сейчас они обыскивают нижние помещения, но скоро поднимутся и сюда.

Старец сделал ему жест удалиться, и когда за ним закрылась дверь, и я задвинул засов, быстро заговорил.

– Жаль, что совсем нет времени, – с явным сожалением проговорил он. – Ещё многое не сказано. Ну, да ладно, основное сделано. –

Он сунул руку за пазуху и, достав оттуда небольшой, примерно с палец, темно-синий кристалл, протянул его мне.

– Спрячь понадёжнее, – быстро сказал он. – Передашь его деду вместе с моими наилучшими пожеланиями. А теперь нам пора уходить. –

Он быстро встал, и, отодвинув в сторону стол, сорвал со стены висевший там ковёр. За ним оказалась небольшая дверь, которую он и открыл, нажав какую-то скрытую пружину. Я, спрятав кристалл в ладанку на шее, последовал за таинственным старцем. Тот, закрыв на мощный засов дверь, стал спускаться в полной темноте по винтовой лестнице куда-то вниз. Спустившись метров на десять, мой проводник на секунду остановился, и вдруг в руке его вспыхнул небольшой огонёк, который, хотя и тускло, но осветил наш путь. При этом меня обдала волна силы – так всегда бывает, если кто-то рядом применяет Искусство.

Мы спускались в знаменитые городские катакомбы. Од-

нако, глубоко мы не пошли, а нырнули в какую-то боковую нишу и вскоре оказались в подвале какого-то дома. Пройдя подвалами какое-то время, мы, наконец, стали подниматься и вскоре вышли прямо около центральной площади. Оглядевшись, я вытаращил от удивления глаза.

Удивляться было чему – прямо против нас строились в колонну воины Храмовой стражи. Значит равновесие нарушено, понял я. Мой проводник, сделав мне знак оставаться на месте, открыто направился к начальнику воинов. Примерно минуту они о чём-то говорили, после чего старец махнул мне рукой, приглашая присоединиться к нему, что я и сделал, признаюсь, не без некоторой робости.

– Мы пойдём с ними, – сказал спокойно старик. – Ничего не бойся. Они выведут нас из города. –

Мы встали в середину колонны, и она тронулась. Воины мерно затопали по булыжнику улицы на вид, не спеша, однако, мне при этом пришлось почти бежать. Не знаю, как выдерживал этот темп старец, но я еле успевал за ними. Однако, это ещё не был тот знаменитый боевой шаг Храмовой стражи, они видимо щадили меня со старцем. О, как я заблуждался.

Меня уже оставляли последние силы, когда мы, вихрем промчавшись по городу и проскочив через городские ворота, которые превратная стража мигом раскрыли перед нами, быстро стали удаляться от города. Когда ворота скрылись из вида, колонна остановилась. Мы со старцем, который, кста-

ти сказать, даже не запыхался, вышли из строя, и отошли в сторону.

— Ну вот, пора прощаться, — с грустью сказал старик. — Так много нужно сказать, а времени совсем нет. Ты уже понял, что равновесие нарушено, хотя мы и выиграли время, а это, в нашем случае, самое главное. —

Он на время замолчал. Молчал и я, не зная, что сказать.

— Ладно, теперь уже ничего не поделаешь, — продолжил он. — Рад был с тобой познакомиться, Яргуст. Передавай привет отцу и деду. Сразу же, как мы уйдём, обращайся и лети — ты там очень нужен. Береги себя, мой мальчик. —

Он крепко обнял меня, затем резко оттолкнул и, повернувшись, быстро пошёл к ожидавшим его воинам. Как только он подошёл, те сразу пошли, и вот тогда я и увидел знаменитый боевой шаг стражи. Оказывается, они щадили не старика, а меня. Не прошло и минуты, как колонна скрылась за горизонтом, а я сразу же начал обращение.

10.

Слушая Яргуста, я внутренне ощущал, что-то до боли знакомое в описании встречи с агентом моего отца, вернее не самой встречи, а старца. Кого-то он мне напоминал, но пока я не мог понять кого. Я даже позволил себе перебить его рассказ, задав вопрос — как выглядел агент. Получив ответ, я почувствовал, что ещё чуть-чуть и мне всё станет ясно.

Его рассказ о столице навеял на меня грусть, а упоминание о расправе, которую учинили храмовники, породило во

мне ужас. Я понимал, что если бы мои родичи, не дай Бог, столкнулись бы с ними в городе, то я, скорее всего, сейчас был бы круглым сиротой.

Когда же он рассказал о том, как ловко Храмовая стража оцепила дворец, отсекая власть от подданных, я уже не сомневался, что это дело рук моего старого учителя – Ляргуса. Я всегда поражался его дальновидности и умению использовать оную для решения своих, зачастую только ему известных задач. Как красиво он сделал свой ход, заставляя противника преждевременно проявить себя, и тем самым подарил нам такое необходимое время. Я почувствовал тёплое чувство к нему, так, как будто он сидел рядом со мной.

Когда же Яргуст упомянул кристалл, я внутренне напрягся, понимая, что он предназначен не столько для отца моего, сколько для меня, и все манипуляции, приведшие молодого дракона ко мне, были предусмотрены старым жрецом. И я ещё раз поразился его прозорливости.

Уже теперь можно сделать предварительный прогноз нашего ближайшего будущего. Расстановка сил более-менее ясна. С одной стороны Повелитель, с его советниками и гвардией, которая, правда, оказалась, расколота, всё тем же пресловутым законом о драконах. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что в роду Повелителей тоже много драконов. Всё это ослабляет партию власти, но всеобщая ненависть к драконам со стороны простолюдинов компенсирует эту слабость.

С другой стороны Верховный жрец Империи, Храмовая

стража, род Белого облака, а так же остатки рода Серых камней и драконы, которые уцелели в резне, являются неплохим противовесом партии власти. Так, что на данный момент мы имеем, пусть неустойчивое, но равновесие. Надеюсь, что какое-то время такое положение продержится, если только не вмешается какая-то третья сила, которую мы пока не знаем. Я всем нутром чувствовал, что именно эта сила стоит за всем, что произошло в Империи в последнее время. Именно её-то и необходимо определить, что бы противостоять. Я, конечно, не могу сказать наверняка, но сдаётся, что эта сила связана с Серой немочью, а если это так, то все мы находимся в смертельной опасности. Тут уже не стоит вопрос, кто буде у власти в Империи, тут вопрос стоит так – будет ли сама Империя.

Примерно так я оценивал расстановку сил на тот момент, о котором говорил мой племянник. Совершенно неясно, какую позицию займут Мастера, особенно вотчинники – среди них почти никогда не бывало единства. Короче всем нам предстоит вскоре решать задачу с целой кучей неизвестных, и, дай Бог, решить нам её правильно и своевременно.

Кроме того, рассказанное Яргустом, помогло мне наконец-то понять, почему возникли все те трудности, что пришлось мне преодолевать, как по дороге в столицу, так и обратно. Кроме того, появление вблизи моей вотчины серой немочи, а так же того браконьера-затейника, что вздумал охотиться на драконов прямо у порога моего дома, можно

объяснить только если признать влияние этой третьей силы. Не стоит так же забывать, что засада у входа в вотчину, ну никак не могла быть следствием приказа Повелителя – он просто бы не успел, тем более, что он вместе со всем Сенатом, какое-то время был заточён в собственном дворце Храмовой стражей.

Всё это давало мне дополнительный повод для тревог, причём отмахнуться от которых было бы просто глупо. Я уже не был ни в чём уверен, даже в том, что границы вотчины неприкосновенны и неприступны, а это полностью меняло условия решения задачи.

11.

– Осталось рассказать совсем немного, – продолжал Яргуст. – Долетел я до Голубого озера без всяких приключений, и сразу же рассказал всё деду и передал ему кристалл, полученный от старца. Дед меня очень внимательно выслушал, задал несколько уточняющих вопросов, тепло поблагодарил и отпустил отдыхать, предупредив, что бы я никуда не отлучался, так как могу потребоваться.

Я ушёл в свою комнату и сразу же провалился в сон без сновидений. На рассвете меня разбудил отец и велел отправиться на кухню и хорошенько подкрепиться, после чего явиться к деду, одевшись по походному. Я незамедлительно исполнил приказ.

В комнате кроме деда и отца находились все старшины рода. Когда я вошёл, все головы повернулись ко мне с нескры-

ваемым интересом. Сесть мне не предложили – слишком важное дело ждало меня, так что было не до посиделок. Дед встал и торжественным голосом сказал, что род благодарит меня за отличное исполнение задания и возлагает на меня ещё более важное задание, от выполнения которого, зависит, не побоюсь этого слова, дальнейшая судьба нашего рода. Смысл задания заключался в том, что я должен был лететь, и лететь очень быстро, в район твоей вотчины, дядя. Там я, прибегнув к Искусству, должен отыскать твой отряд, рассказать обо всём, что знаю, передать тебе этот кристалл и нижайше просить принять наш род в вотчину. –

При этих словах Яргуст опустился на одно колено, достал из одежды тот самый кристалл, что передал ему сначала старец, а затем мой отец, и с поклоном протянул его мне.

Я с благодарностью принял кристалл и велел ему встать. Дело принимало совсем неожиданный для меня поворот – никогда ещё ни один Мастер не принимал в своей вотчине родственников, а тем более целый род. Как вы знаете, обучаясь Искусству, мы специально рвали все связи с родом. Всё это было очевидно, однако, мы сейчас живём в такое время, когда очевидное становится невероятным. Ведь, если мои опасения насчёт неуязвимости вотчины верны, то такая сила, как целый род, причём род, отнюдь не из последних, конечно никогда не помешает. Но даже если бы опасности не было, я всё равно принял бы их, только потому, что я вновь ощутил себя частью рода.

– Благодарю тебя, храбрый Яргуст, – проговорил я, и голос мой при этом дрожал. – Я с радостью приму родичей в моей вотчине и почту за честь их пребывание у меня. Но, однако, нам для начала самим надо попасть туда. –

Кристалл я до поры убрал – не было времени прочитать информацию, да это, в общем-то, терпело. Я почувствовал, что мои охранные заклęcia напряглись. Нет, нет – это ещё не было попыткой пересечь рубеж, но явно возле него началась какая-то возня. Но нужно было спешить.

– Расскажи, как ты нашёл меня, и кто напал на тебя, – попросил я дракона.

– Тут особо рассказывать нечего, – сказал он. – Я, хоть недолго, но изучал Искусство, а первое, чему меня учили, было умение ходить между мирами. Кроме того, дед дал мне с собой карту с указателями ориентиров. Так, что вход в твою вотчину я отыскал без особого труда. Мне повезло – только я вошёл в этот мир, как услышал эхо твоего входа. Что бы ни разминуться, я отправился к месту входа в вотчину, ближайшее от того места, где ты открыл проход. Летел я очень низко – почти касаясь крыльями земли. Я хотел, как можно дольше оставаться незамеченным. Однако на подлёте к проходу меня ждала засада. Не знаю как, но в последний момент я почувствовал опасность, и только чудо спасло меня. Удар молнии прошёл совсем близко, слегка опалив мне кожу. Я развернулся и, что было сил, полетел, навстречу твоему отряду. Ну, а дальше ты всё знаешь. –

Он закончил и тяжело вздохнул – я его прекрасно понимал. Так всегда бывает, когда очень важное дело, которое тяжёлой ношей лежало на плечах, закончено, и можно вздохнуть спокойно.

Однако, покой нам только снится. Отдыхать будем потом – сигнализация уже надрывалась. Неудивительно, ведь после спасения дракона прошло достаточно много времени, и они там уже должны были оправиться от моего удара. Сейчас, наверняка, к нам полным ходом движется команда поимщиков. Это мне и нужно. Так, что расслаживаться нечего – пора уходить и как можно быстрее.

Я собрал свою команду, и, велев оставить лагерь, ни чего не трогая, а, взяв только ребёнка, ларец и оружие, быстрым шагом следовать за мной. Кувая понёс Фил, Марк, как всегда взял ларец, и мы пошли, вернее, побежали, к лежащему в нескольких лигах от нас входу в вотчину. Поднявшись на ближайший холм, я оглянулся. Стоящий рядом со мной Марк, тоже посмотрел назад, и лицо его вытянулось от удивления.

Удивляться было чему – у костра в оставленном нами лагере, сидел весь наш маленький отряд и мирно разговаривали. Всё хорошо – пусть поимщики побегают. Я махнул рукой, и мы во всю припустили к нашей цели.

1 2.

Мы с Марком лежали на невысокой гряде, спрятавшись за камнями. Прямо перед нами лежало подножие той самой

горы, похожей на пирамиду, где и находился вход в мою вотчину. наших спутников мы оставили неподалёку отсюда, в небольшом гроте, спрятанным в узком как щель ущелье холма, на боковой гряде которого, мы с Марком и притаились. В этом гроте находился запасной вход в вотчину – плохой бы я был хозяин, если бы не позаботился о запасном выходе, то бишь входе. Когда мы добрались сюда, все буквально валились с ног от усталости, поэтому я оставил людей отдыхать возле запасного входа, а сам решил подняться на гряду и понаблюдать. Марк увязался за мной, и я, махнув на сомнения рукой, взял его с собой. Он буквально расцвёл и как тень, совершенно бесшумно следовал за мной.

Я, конечно, мог бы попасть домой через запасной вход, однако, мне вовсе не хотелось, чтобы наши недоброжелатели знали о его существовании. Мне почему-то кажется, что он мне ещё не раз пригодится.

Перед нами лежала небольшая поляна, так хорошо мне знакомая, обрамлённая с трёх сторон густым кустарником. На поляне вольготно расположился отряд воинов, одетых в форму имперских гвардейцев. Чуть в стороне, возле небольшого костерка, сидело человек семь, которых я сразу же определил, как Мастеров Искусства. На наше счастье все они были безродными, то есть ни один из них не имел вотчины. Но моё внимание привлекли вовсе не они, а две, сидящие чуть в стороне человеческие фигуры в длинных серых плащах с низко надвинутыми на лицо капюшонами. Меня аж

передёрнуло – опять серые. Они здесь, похоже, командуют.

Где-то далеко, с той стороны, откуда мы пришли, послышался грохот и в небо полыхнул язык яркого пламени. Ну, кажется, началось. Марк от неожиданности чуть не подпрыгнул и вопросительно посмотрел на меня.

– Кажется, нас пытаются схватить, – с улыбкой сказал я. – Похоже, они накрыли нашу стоянку. Сейчас пойдёт потеха. –

Действительно, на месте нашей стоянки началась настоящая гроза местного значения. Там непрерывно что-то грохотало и сверкало. Засада у входа вскочила на ноги и стала озира́ться по сторонам. Серые сделали какой-то знак, и воины опустились на свои места. Я ещё понаблюда́л минут пять и решил пару часов поспать – силы мне ещё понадобятся. Попросив Марка разбудить меня, когда гроза приблизится к нам, я завернулся в плащ и тут же заснул.

Разбудил меня Марк, когда солнце уже клонилось к закату. Громыхало совсем рядом, да так, что даже земля под нами дрожала. Я спросил, куда делась засада, и он сказал, что часть воинов засела в кустах, а другая пошла на встречу грозе. Я потихоньку приходил в себя после сна, и неотрывно смотрел на поляну.

Довольно долго ничего не происходило. Вдруг раздался вообще какой-то запредельный грохот, и земля под нами заходила ходуном. В тот же миг на поляну выскочило человек двадцать воинов, мундиры на них дымились. Они бросали оружие, и дико завывая, бросились в рассыпную.

Я усмехнулся, а Марк вопросительно посмотрел на меня. Но было не до вопросов, и я сделал ему жест молчать и смотреть, что будет дальше. Ждать долго не пришлось. В сплошном грохоте и вспышках молний на поляну выбежало пятеро мужчин, окруживших плотным кольцом женщину с грудным ребёнком на руках.

Тот час на поляну высыпали солдаты и Мастера из засады и стали окружать, отчаянно отбивающихся людей. Те не сдавались, осыпая нападающих ударами молний и мечей. Они остановились, и вокруг их стала расти гряда из искалеченных человеческих тел. Нападающие отхлынули, причём, я с радостью отметил, что почти все Мастера и оба серых погибли.

Я был доволен своей работой, но начал беспокоиться – не слишком ли много силы я вложил в фантомы. Что если они победят, тогда весь мой план рухнет. Надо что-то предпринимать. Мои опасения были напрасны, последний, из оставшихся Мастеров, видимо используя Искусство, вызвал подмогу, и судьба сопротивляющихся была решена. Из кустов вокруг поляны высыпали несколько сотен воинов, но, к моей радости ни Мастеров, ни серых больше не было. Фантомы ещё сопротивлялись, но всё было кончено. Один за другим они падали, буквально заваленные трупами нападавших. Вот упал и больше не встал Дрейк, вот, весь облепленный врагами, погиб Фил. Плечо к плечу сражались Марк и Яргуст, обильно собирая жатву смерти с нападающих. Уже пал мой

фантом, следом закололи мечами Марту и Кувая, а эти двое продолжали сражаться. Но как ни стойки были они, но силы нападающих были много сильнее, и, в конце концов, погибли все, однако Яргуст из последних сил сумел достать последнего Мастера врагов. Наконец побоище закончилось.

Всю поляну покрывал ковёр из изуродованных мертвых тел, раненых практически не было. Оставшиеся в живых гвардейцы, быстро выкопали большую яму, стащили туда тела погибших товарищей и захоронили их в братской могиле. После этого выкопали яму поменьше и закопали в ней Мастеров, но уже без всяких почестей. Серых они бросили там, где тех застала смерть – никто не пожелал к ним прийтись.

Наших же фантомов ждала несколько другая участь. На наших глазах их обезглавили, головы положили в кожаные мешки. Кувая уложили в мешок целиком. Тела же оставили лежать, где лежали, и, построившись, замаршировали куда-то на север.

Я был доволен. Более того – я был очень доволен. Ещё бы, мой план сработал, и сработал даже лучше, чем я ожидал. Посмотрев на Марка, я поразился его бледности. Его буквально трясло. Не всякий может спокойно наблюдать за своей смертью и гибелью товарищей. Я похлопал его по плечу и как мог, объяснил, что если бы я не сделал того, что он видел, то нам самим пришлось бы лежать здесь, лишившись голов.

Когда он, наконец, взял себя в руки, я послал его за

остальными, что бы они как можно быстрее пришли сюда. Я торопился. Хотя план и удался, тянуть резину было ни к чему, и как только все собрались, мы спустились с гряды, и, пройдя мимо свежих могил, стараясь не глядеть на тела наших фантомов, подошли к месту перехода.

Проход открылся сразу, и я велел всем проходить. Яргуст замешкался и стал говорить, что ему надо вернуться домой, что бы привести сюда родичей. Я успокоил его, объяснив, что с серой мразью не шутят и, что ему не добраться до своих – его сразу перехватят. Один-два дня погоды не сделают, а после я сам отправлюсь с тобой. Он успокоился и вошёл в проход.

Оставшись один, я быстро подошёл к труп серого, приоткрыл капюшон и коротко глянул в мёртвое лицо. После этого, ещё раз оглядев окрестности, я шагнул в проход – домой.

В КАКОЙ, СКАЖИ МНЕ, КРУГОВЕРТИ,
СРЕДИ НЕХОЖЕННЫХ ПУТЕЙ,
ПРОЧТЁШЬ ТЫ НАДПИСЬ НА КОНВЕРТЕ,
И СРАЗУ СТАНЕТ ВЕСЕЛЕЙ.
ПИСЬМО НАПИСАНО СЛОВАМИ,
БЕЗ ХИТРОСТИ И БЕЗ ЗАТЕЙ.
ЗА ТЕХ, КТО ПИСЬМА ПРИСЫЛАЕТ,
СТАКАН ТЫ ДО КРАЁВ НАЛЕЙ.
ПИСЬМО ПРОЧТЯ, СМАХНЁШЬ ТЫ СЛЁЗЫ,
КОЛЬ СТАЛИ ВЛАЖНЫМИ ГЛАЗА,

ОНО ПРИШЛО К ТЕБЕ СКВОЗЬ ГРОЗЫ,
СКВОЗЬ КИЛОМЕТРЫ И ГОДА,
ОНО ПРИШЛО К ТЕБЕ ИЗ ДЕТСТВА,
ЧТО БЫЛО ЧИСТЫМ, КАК СЛЕЗА,
ТАМ БЫЛ ТЫ СЧАСТЛИВ САМ С СОБОЮ,
И БЫЛО ГОРЕ НЕ БЕДА.
ТОГДА НЕТВЁРДОЮ РУКОЮ
ПЕРО В ЧЕРНИЛЬНИЦУ МАКАЛ,
ПЫХТЯ, КРАСНЕЕ ОТ УСЕРДЬЯ,
ТЫ ЭТО МНЕ ПИСЬМО ПИСАЛ.
КАК БУДТО ВИДЕЛ ТЫ СКВОЗЬ ВРЕМЯ
ЧРЕДУ МОИХ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ,
КАК БУДТО ПРИСЫЛАЛ ДО ДЕТСТВА
ОБРАТНЫЙ ПРОЕЗДНОЙ БИЛЕТ.
Я УБЕРУ ПИСЬМО ПОД СЕРДЦЕ,
ТАМ, ГДЕ СТРАДАЕТ И БОЛИТ
МОЕЙ ДУШИ ОСКОЛОК – СЕРДЦЕ,
ГДЕ ПАМЯТЬ ВЕЧНОСТЬ СОХРАНИТ.
КОГДА ПОСЛЕДНЕЕ МГНОВЕНЬЕ
КО ЛБУ ПРИСТАВИТ ПИСТОЛЕТ,
Я УВЕЗУ СЕБЯ С СОБОЮ,
ДО ДЕТСТВА ПРЕДЪЯВИВ БИЛЕТ.

Глава 3. ДЕТСТВО ДРАКОНА.

Мы с Яргустом поднялись на невысокий холм, и перед нами во всей своей неповторимой красе открылось Голубое

озеро. Путь наш, занявший трое суток, приближался к своему логическому завершению. Остановившись на вершине холма, мы замерли от восхищения. Зрелище действительно завораживало. Был ранний вечер и огромное тускло-оранжевое солнце висело над самым западным горизонтом, окрашивая озеро и окружающие его горы во все оттенки красного, оранжевого и жёлтого. Стояло безветрие, и казалось, что озеро специально готовилось к встрече с нами, одев для этого случая лучший свой наряд.

Не знаю, что чувствовал молодой дракон, но у меня в душе творилось такое, что я испытал некоторое замешательство, и, пытаясь разобраться в этой чувственной буре, объявил привал. Яргуст не возражал, вообще последнее время он стал каким-то задумчивым. Куда-то пропала его такая трогательная детская порывистость, он стал более сдержан и, как-то сразу повзрослел. Видимо зрелище обезглавленных фантомов, среди которых он увидел и свой, так на него подействовала.

Да, уж – тогда все мои спутники были потрясены, особенно Марк, своими глазами видевший всё побоище. После этого, все как бы отделились от меня, словно я стал их пугать. А может это мне просто, кажется...

Ладно, вот закончу дела здесь, вернёмся домой, тогда и буду решать этот вопрос.

Я присел на покрытый мягким мхом старый пенёк и стал разбираться со своими чувствами. В душе моей буквально

бушевала буря. Целый сонм чувств извергался из души, подобно гейзеру, что периодически выбрасывает высоко вверх струю кипящей воды. Такой же напор испытывала и душа моя, выбрасывая наружу целый поток детских чувств, о которых я уже давным-давно позабыл или считал, что они умерли. Однако, я ошибался.

Во мне боролись два противоположных чувства – чувство любви и чувство страха. Любовь к родителям, так безжалостно вырванная моими учителями, оказывается, все эти годы спала во мне, и теперь, проснувшись, буквально разрывала меня на части. С этой освободившейся любовью, боролся страх, страх того, что я вовсе не нужен родственникам, что меня отвергнут. Признаться честно, я очень хотел встречи и при этом отчаянно трусил.

Так просидел я довольно долго – солнечный диск уже коснулся горизонта. Яргуст не беспокоил меня, видимо понимая моё состояние. Наконец, я справился с собой, и мы, взяв свои пожитки, стали спускаться с холма по узенькой тропе, что вела к усадьбе у озера.

1.

– Кувай, Кувай! – слышу я голос тёти Марты, которая ищет меня, что бы накормить ужином и загнать в постель. – Иди ужинать, рыжий чертёнок. Лучше выходи, а то хуже будет. –

Ну её, надоела со своими заботами и детскими угрозами. Я, что маленький? Ни за что не выйду. И за что мне всё это?

Вот у ребят, что из поселения у озера, не жизнь, а малина. У них на тридцать пацанов, всего двое воспитателей. Вот это да! Аж завидно.

У меня же, не считая, тёти Марты, которую я знаю с рождения, ещё пять воспитателей. Это на меня-то одного! Во-первых, это дедушка Азар – здешний хозяин, которого все почему-то побаиваются. Во-вторых – дядя Марк, который учит меня читать, писать и считать. Затем дядя Яргуст, который учит меня летать и вообще быть драконом. Эти ещё ничего они занимаются мной от случая к случаю. Но больше всего докучают мне двое, то ли слуг, то ли телохранителей, то ли воспитателей – это дядя Дрейк и дядя Фил.

Нет, не подумайте, что это какие-то злые люди, которым нравится мучить меня. Совсем нет. Они все по-своему любят меня, и я их тоже люблю, но иногда их любовь становится настолько крепкой, что я начинаю задыхаться в их объятиях и пытаюсь сбежать.

– Кувай, выходи проказник или я пожалуюсь господину Азару, и он накажет тебя, – снова слышится крик тёти Марты. – Быстро выходи. –

– Как же, выйду я. Не дождётесь, – думаю я про себя.

А кушать всё же хочется. Ну, нет, я так просто не сдамся. Посижу ещё минут пять и тогда уж выйду.

Место, где я прячусь от своих мучителей, находится в дальнем, заросшим крапивой и колючим кустарником углу двора терема, где все мы живём. Это терем творца и хозяина

вотчины, которая называется Сегурией, и всё поселение, что образовалось вокруг терема хозяина, носило то же название. Хозяином Сегурии был дедушка Азар.

Тропинку сюда я сам проложил, и, хотя весь исцарапался, и тело зудело от ожогов крапивы, но я был доволен – теперь у меня было место, где я мог уединиться.

Да, совсем позабыл представиться. Меня зовут Кувай и мне уже пять лет. Рыжий чертёнок – это тоже я. Так меня обычно зовет тётя Марта за цвет моих волос и подвижный темперамент, причём чаще всего в двух случаях – когда сердилась на меня, и когда я её радовал.

Родителей своих я никогда не видел, но знаю, что прихожусь младшим сыном Повелителей драконов, мне об этом рассказал дедушка Азар. Я так же знаю, что я дракон, и мне кажется, что знал я это всегда. Когда я первый раз обратился в дракона, мне не было ещё и года. Сам я это, конечно, не помнил. Мне об этом рассказал дедушка Азар, когда я стал постарше.

Он рассказал мне, как своим обращением, я чуть не до смерти перепугал тётю Марту. Потом он приставил ко мне дядю Яргуста. Он тоже дракон, и он начал меня учить, сначала обращению, потом летать. Он все время говорил, что бы я молчал о том, что я дракон. А я и не говорил никому, вот только вам.

Ну, вот, кажется, пора выходить, а то уже в животе урчит – пойду сдаваться.

Наконец-то дома. Что-то я не припомню такого трудного похода, как в этот раз. Ну, да ладно — главное, что мы добрались, и добрались без потерь, если не считать той нечеловеческой усталости, которую приобрёл я.

Сделав пару шагов по родной земле, я практически без чувств упал на молодую сочную траву, перевернулся на спину и блаженно потянулся. С меня свалилась многотонная тяжесть, что давила меня с той самой поры, когда я получил вызов старого Ляргуса. Спешить было больше некуда, да и незачем, и я просто наслаждался заслуженным отдыхом.

Рядом со мной опустились на траву мои товарищи. Кто, так же как я, лежал на траве, глядя в перламутровое здесь небо, кто сидел, настороженно озираясь по сторонам. И впервые, за всё путешествие подал свой голос маленький Кувай, словно здороваясь с этим новым для него миром. Надеюсь, что этот мир, мир, созданный моей мечтой, будет более благосклонен к этому несчастному ребёнку.

Мы оказались на невысоком пологом холме, с которого открывался прекрасный вид на окрестности. Все с интересом осматривались. Первое расслабление прошло, и все несколько оживились. Пейзаж, раскинувшийся перед нашим взором, вызывал восхищение. Далеко, на самом горизонте, были видны горы, и их заснеженные вершины ярко сверкали в лучах восходящего солнца — мы прибыли сюда ранним утром. Небо было ярко-голубым и по нему плыли, словно

белые барашки, небольшие кучевые облака.

Над нами же небо было перламутровым – так всегда бывает после перехода. Постепенно оно погаснет и будет обычным голубым небом.

– Сдаётся мне, что Ант совсем мышей не ловит, – подумал я безо всякого раздражения, просто отмечая факт. – Ему трудно не заметить этот небесный фейерверк, который устроил наш переход. Ничего, небось, скоро примчится.

Я смотрел и не мог насмотреться на такой родной, знакомый до мелочей пейзаж, и сердце моё переполняла радость возвращения. Прямо от подножья холма начиналась просёлочная дорога, которая, извиваясь меж невысоких холмов, пролегла вплоть до видневшегося, примерно в лиге отсюда, поселения, которое вольно раскинулось на берегу небольшого уютного морского залива. Чуть левее его сверкала гладь большого озера, чем-то напоминавшего Голубое озеро. Поселение называлось Сегурией – это была моя личная резиденция.

Вокруг Сегурии расстилались поля и луга. Ближе к горам тянулись рощи, которых сменяли дубравы, а в самих предгорьях росли шикарные хвойные леса. Короче здесь были ландшафты на любой вкус. Я, когда бывал дома, очень любил бродить по этим лесам и перелескам, сидеть на берегах речек и ручьёв, что несли свои хрустальные воды под сенью первозданных лесов. Иногда я уходил в горы и неделями бродил по их живописным ущельям.

Пока я наслаждался пейзажем, на дороге показалась группа людей, которая быстрым шагом направлялась к холму, где отдыхала наша компания. Наконец-то Ант соизволил проснуться. Да, я смотрю, на месте наместника он совсем обленился. Видимо придётся как-нибудь взять его с собой в одну из моих вылазок, небось, он уже забыл за какой конец нужно брать за меч.

Я не ошибся – это действительно была представительная делегация, организованная для встречи таких важных персон, как мы. Возглавлял её, как обычно, Ант – мой постоянный наместник Сегурии. Его сопровождали, тоже, как обычно, купцы и ремесленные старшины. Все были разодеты, как на праздник – видимо надели свои лучшие наряды. Ант вообще разоделся как павлин – столько на нём было бархата самых ярких цветов, перьев и украшений. Он, по-видимому, приготовил речь для приветствия и уже собирался произнести её, но я прервал его самым бесцеремонным образом.

– Ты всё толстеешь, старина? Я смотрю, должность пошла тебе на пользу, – сказал я, после чего подошёл к нему и, не церемонясь, обнял.

Всё как всегда – игра продолжается. Этот обычай появился у нас уже давно, и с тех пор исполняется неукоснительно. Суть его заключается в том, что при каждом моём возвращении из очередной экспедиции, он пытается организовать мне торжественную встречу, а я каждый раз срываю его намеренья. Вначале он обижался, а потом привык и с энтузи-

азмом включился в эту игру.

– Надеюсь, всё хорошо, – спросил я, и, получив утвердительный ответ, направился в Сегурию, пригласив всех следовать за мной – это тоже часть нашей игры. Идти было недалеко, погода и настроение отличные, дорога ровная, и не прошло и полчасика, как мы пришли, наконец, домой.

Я поручил своих спутников заботам Анта, а сам направился в свои покои и завалился спать, предупредив слуг, что бы ни при каких обстоятельствах меня не будили.

2.

Лес вокруг меня был дремучим от своей древности или древним от своей дремучести, не разобрать. Толстые, в два обхвата, корявые стволы стояли так тесно друг к другу, что местами пройти между ними можно было только боком. Лес был полон тайн и загадок, разгадыванию которых, я и занимался в это лето. Ещё в лесу водились дикие демоны, именно их-то я и выслеживал. А вы знаете, как трудно выследить в лесу дикого демона? Не знаете, а я знаю. Откуда я это знаю? Мне дядя Марк дал почитать одну книгу, и вот там очень подробно описано, как выследить демона.

Вот дедушка мне рассказывал, как он встречался с демонами. Он мне говорит, что когда я подрасту, возьмёт меня с собой, и я тоже увижу демонов. Да, ему хорошо, а тут мне уже семь лет, а я ни разу не встречал демона.

С этими мыслями я продолжаю свои поиски в лесу, но пока, что мне удалось вспугнуть двух оленей, выводок кабанов

и ни одного демона. Но я не теряю надежды. Впереди показался просвет, значит там, скорее всего, поляна. Я опускаюсь на четвереньки и медленно ползу к краю поляны – любой лесной охотник именно так ведёт себя, я читал. Я подползаю к краю и осторожно раздвигаю кусты. Внимательно осматриваю, лежащую передо мной небольшую лужайку, и вздрагиваю от неожиданности. На поляне находятся двое. Один из них человек, он сидит спиной ко мне и лица его не видно. Вторым же был демон. Да, да – самый настоящий демон, причём вовсе не дикий, а очень даже цивилизованный, по крайней мере, одет он был в довольно хорошую одежду, хотя и странную.

Я лежал в кустах и не сводил глаз с происходящего на лужайке, хотя мой взгляд был прикован в основном к демону. Он был невысок – чуть повыше меня, имел крепкое тело, короткие толстые ноги, на которых не было обуви, а сами они были с копытами, как у лошади. Руки его, очень длинные, имели пять пальцев с длинными когтями. Руки демона находились в постоянном движении, он что-то говорил и при этом жестикулировал. Лицо его было похоже на человеческое, только более крупное. Больше всего меня поразили два больших рога на его голове.

Я видел, что сидящие на поляне, оживлённо о чём-то разговаривают, причём, в самом дружественном тоне. О чём они говорили, я не понимал – язык был мне незнаком.

Вдруг, сидящий ко мне спиной, человек, повернулся и по-

смотрел в мою сторону. Я узнал дедушку Азара и затаился, перестав на время даже дышать.

– Эй, Кувай, рыжий чертёнок, иди ка сюда, – услышал я строгий голос деда, каким он обычно отчитывал меня за проступки.

Убегать и прятаться было бесполезно, поэтому я встал и, подчиняясь голосу деда, побрёл через поляну. Шёл я, едва переставляя ноги – спешить мне было некуда. Пока я подходил, дед, и демон не сводили с меня глаз, и глаза эти светились интересом и лёгкой насмешкой.

Наконец, я подошёл и остановился, не доходя трёх шагов, до странной парочки. Голову я опустил вниз, и так стоял, рассматривая собственные босые ноги. Дед и демон пару минут рассматривали меня молча. Я то же молчал.

– Позволь представить тебе, любезный Глюд, моего внука Кувая, – вдруг проговорил дед. – Второго такого шустрого мальчика, как он найти не так-то легко. Так, что рекомендую. –

Я поднял глаза и, преодолевая страх, взглянул на демона. Тот тоже взглянул на меня и соорудил страшную гримасу, но я совсем не испугался, а даже повеселел и улыбнулся в ответ. Дед удивлённо поднял брови и внимательно посмотрел на меня. Позже я узнал, что страшная гримаса демона означает улыбку, и чем страшнее гримаса, тем шире улыбка. Бояться надо тогда, когда демон улыбается.

– Что ты тут делал? Почему прятался? Ты подглядывал? – засыпал меня вопросами дед таким тоном, что хочешь, не

хочешь, а отвечать придётся.

Врать я не любил – предпочитал молчать, если не хотел говорить, но когда дед спрашивал таким тоном, отмолчаться не получится.

– Ещё чего, прятался, – напустив в голос побольше обиды, пробурчал я. – Я на диких демонов охотился. –

Услышав мой ответ, Дед и демон переглянулись и вдруг захохотали, вернее, захохотал только дед, а демон дико зарычал. Мне поначалу стало как-то страшновато, но вспомнив про улыбку демона, я понял, что демоны так смеются. Они смеялись минут пять, причём дед при этом утирал слёзы, а демон, так тот вообще, упал на спину, дрыгал ногами и перекатывался с боку на бок. Я никак не мог взять в толк, что такое смешное я сказал.

– И много поймал, – спросил дед, вытирая глаза от слёз.

– Нет, ни одного, – ответил я. – Встретил всего одного, но он оказался совсем не диким.

Мой ответ вызвал у них новый приступ веселья, но в этот раз и я присоединился к ним – уж больно заразительно они смеялись.

Отсмеявшись, они пригласили меня посидеть с ними, и я с удовольствием присел на траву возле них. Дедушка сказал, что если я голоден, то могу присоединиться к их трапезе – возле них на расстеленном полотенце лежал хлеб, холодное мясо и сыр. На траве находился большой кувшин, и стояли две чаши.

Я проголодался – с утра бродил по лесу, и стал уплетать предложенную пищу за обе щёки. Взрослые пили вино из кувшина и о чём-то беседовали, всё на том же незнакомом языке. Когда я наелся, демон встал и церемонно обратился ко мне как к взрослому.

– Многоуважаемый Кувай, являющийся Последним драконом и полноправным наследником Империи Повелителей драконов, – очень торжественно заговорил демон. – Позвольте мне, скудоумному демону, предложить тебе мою дружбу и верность.

Он низко поклонился и сел. Я так растерялся, услышав его ко мне обращение, что сидел молча, словно язык проглотил. Положение было такое, что в пору расплакаться.

Положение спас дедушка Азар, который обнял меня, и от моего лица ответил демону так же торжественно, что я, мол, принимаю его дружбу и верность, и, в свою очередь предлагаю ему то же самое.

– Послушай меня, мальчик, – очень проникновенно заговорил демон, на этот раз его голос звучал безо всякого пафоса. – Пройдёт три года, и ты вырастишь. Детство твоё закончится, поэтому используй его как можно полнее. От того, чему ты научишься за это время, зависит то, как ты, впоследствии, выполнишь предназначенное тебе судьбой, а судьба тебе предстоит очень непростая. Скоро ты начнёшь изучать Искусство. Учи его хорошенько, тем более с учителем тебе очень повезло. А когда тебе исполнится десять лет, мы встре-

тимся вновь, но уже не здесь. Дед твой знает где, и если ты будешь готов, он приведёт тебя ко мне, и мы ещё поговорим.

Он встал и очень аккуратно обнял меня. Затем крепко обнял деда и исчез. На том месте, где он только что стоял, осталось слабое радужное свечение.

После этого дед молча собрал свои вещи, и мы пошли с ним домой, благо идти было недалеко. Слова демона буквально жгли меня изнутри, и стремились вырваться оттуда в форме множества вопросов, однако, дед всю дорогу молчал. На другой день дедушка начал обучать меня Высокому Искусству, и это так меня увлекло, что дикие демоны могли жить спокойно – им теперь ничто не угрожало.

Я сидел в своём кабинете. За окном стояла кромешная ночь, когда все спят глубоким сном и нечего не мешает спокойно размышлять. А подумать было о чём. В последнее время я находился в постоянном цейтноте, так что думать приходилось буквально на бегу. Сейчас же, попав наконец-то домой, я решил не спеша ознакомиться с завещанием старого жреца, и уже потом принимать какие-либо важные решения.

Передо мной на столе стоял ларец Ляргуса, открыть который до сих пор мне так и не пришлось. Теперь, когда выдалось свободное время, можно без всякого опасения, что заключённая в ларце информация попадёт в чужие руки, наконец-то его открыть.

Ларец был опечатан печатью Верховного жреца Империи,

но это только внешне. Самым надёжным запором, запирающим ларец, было охранное заклинание, наложенное Ляргусом, и мне пришлось изрядно потрудиться, прежде чем крышка сама-собой открылась.

Я заглянул в ларец, и увидел, что содержимое закрыто сверху красным бархатом, а сверху лежит какой-то свиток. Взяв свиток, и осторожно развернув его, я узнал так хорошо знакомый мне почерк учителя.

Прочитав послание учителя, я надолго задумался. Я уже понял, что находится в ларце, и мне наконец-то стал понятен в общих чертах замысел старого жреца. Меня переполняли самые тёплые чувства к этому, без преувеличения скажу, великому старцу, который не только смог предвидеть многие происшедшие в последнее время события, но и сумел заложить такую ситуацию будущего, которая позволит всем нам, при её реализации, не погибнуть под обломками гибнущего мира.

Это насколько же надо быть прозорливым, что бы ни только предвидеть грядущие события, но и создать ситуацию, направляющую эти события в нужное русло, используя при этом множество людей, зачастую без их ведома. Это действительно так, ведь все те события, что произошли в столице, с нашим отрядом во время нашего похода и с молодым драконом Яргустом, являются этому подтверждением.

Самое главное, что Ляргус, зачастую не щадя людей, в первую очередь рисковал и не щадил самого себя. Вспом-

ните, хотя бы как он пытался спасти Кувая ещё до его рождения и потом, когда передавал его мне, а после всячески старался тянуть время, навлекая на себя гнев Властелинов. Он шёл на прямой обман, и даже подлог ради спасения Кувая, как будущего правителя, способного спасти множество подданных. Спасти в буквальном смысле этого слова, и не только от смерти физической, но и духовной гибели. Именно преследуя эту цель, он подменил имперские регалии, без которых коронация будущего Повелителя драконов была бы невозможна. Именно эти бесценные реликвии и находились в ларце жреца.

Я достал их из ларца, положил на стол и долго рассматривал. Никогда ещё я не видел эти священные предметы так близко, и уж, конечно, никогда не держал их в руках, поэтому, вынимая их из ларца, я испытывал священный трепет.

На столе передо мной находились Священная корона Повелителя драконов – массивный кованый шлем, червонного золота, выполненный в виде головы дракона и украшенный уникальными самоцветами. Вторым предметом, меньшим по размеру, но не менее ценным являлась золотая подвеска, выполненная в том же стиле, что и корона. Она представляла собой дракона, вставшего на задние лапы. В передних же дракон держал огромный бриллиант, величиной с куриное яйцо. Подвеска вешалась на очень массивной, опять же, кованной, цепи червонного золота.

Основная ценность этих предметов заключалась вовсе не

в том, объёме золота и драгоценных камней, что заключалась в них, хотя их было много. И даже ни в древности их – происхождение реликвий терялось в глубине тысячелетий, существовала легенда, что они принадлежали первому Повелителю драконов – основателю Империи, а в том, что никто не мог стать Повелителем, не имея этих реликвий.

Тысячелетиями хранились они в особом, защищённом Искусством и преданной стражей, помещении, доступ к ним был только у Повелителя и наследника, которого избирал сам Повелитель. Насколько я знал, наследник до сих пор назначен не был. Вообще, эти реликвии выносились только на коронацию нового Повелителя.

Я не стал ломать голову вопросом, как ему удалось подменить реликвии, эту тайну знает только сам Ляргус, и если захочет, то сам расскажет, но своим поступком он обеспечил будущее Кувая, ибо кто владеет реликвиями, тот правит Империей. Вот почему он так часто повторял, что Кувая нужно сберечь – чего бы это ни стоило.

Второе, что заставило меня задуматься, это то, что старец очень настоятельно рекомендовал мне пересмотреть своё отношение к устоявшимся порядку вещей, особенно к неприступности и неуязвимости вотчины, а так же к разрыву отношений с родичами. Что ни говори, а именно эти вопросы беспокоили меня больше всего, за всё время моего путешествия.

Наконец, как Ляргуса, так и меня очень тревожило появ-

ление близ наших границ серой немочи — явления, о котором мы почти ничего не знали, а это очень плохо.

Второе, после регалий, что вызвало моё удивление, содержалось в конце послания жреца. Когда я его прочёл, то некоторое время находился в какой-то прострации. Действительно, теперь многое становилось на свои места. Жрец писал, что Марк, приходится ему сыном, и он просит меня обучить его Искусству. Что никто кроме меня не может этого сделать так же хорошо, как я. Сам я, писал Ляргус, в связи со своей крайней занятостью и опасностью моего положения, не могу заняться с ним, к тому же я уже стар. Отдавать его в учение абь кому не хочу — можно испортить мальчика. Именно поэтому я оградил его даже от обязательного для каждого образованного человека начального курса Искусства, так что он сейчас в этом вопросе кристально чист. Сам он весь извёлся, желая учиться Искусству, поэтому более благодарного ученика тебе не найти.

Прошу тебя, Азар. Сделай из моего сына настоящего мастера, а он будет для тебя надёжным помощником, только пока не говори ему, что я его отец. Надеюсь, что мы ещё встретимся, и я сам ему скажу.

Нет, всё-таки я не перестану удивляться старому лису — Ляргусу, как он ловко пристроил на учёбу своего сына, так, что и захочешь — не откажешь. Тем более, что у меня и в мыслях не было ему отказать. За эти дни я очень к нему привязался и сам горел желанием сделать из него настоящего

Мастера Высокого Искусства.

Закончив со свитком, я достал кристалл, что вручил мне Яргуст, расслабился и стал созерцать глубину камня. Прошло немного времени, и в ушах моих зазвучал голос Верховного жреца, который обращался ко мне. Та часть текста, которая предназначалась моему отцу, была для меня недоступна, хотя, при желании я смог бы прочесть и её. Но мне это было ненужно – я и так знал эту информацию.

Ляргус сообщал, что ему удалось остаться в живых и, более того, он свободен и теперь находится в казармах храмовой стражи. В стране временное перемирие, поэтому он пока может на время отлучиться. Жду тебя каждый последний день месяца в месте, где дуют ветра времени. Ну, ты знаешь где. Увидимся. На этом обращение жреца закончилось.

После этого я достал из ящичка бюро другой кристалл, близнец кристалла Яргуста и записал на нём все свои впечатления и приключения, что пришлось нам испытать по дороге в вотчину. Думаю, когда Кувай вырастит – ему будет интересно узнать о событиях раннего детства.

Я посидел некоторое время, стараясь успокоиться, затем встал, уложил регалии обратно в ларец, сверху положил свиток и кристалл и закрыл ларец, наложив на него заклятие.

Взяв ларец, я подошёл к стене возле камина, нажал скрытую пружину и в стене открылся проход. Спустившись по винтовой лестнице в подвал, я открыл ещё одну потайную дверь и попал в небольшую подземную камеру, вырубленную

прямо в скале. Это было моё хранилище артефактов. Здесь я и оставил ларец с регалиями до того времени, когда Кувай достигнет совершеннолетия.

Пока я всем этим занимался, наступило утро, и слуги приступили к своим повседневным делам. Я позвонил и, явившийся на мой вызов слуга, поздоровавшись, спросил, что мне угодно. Я велел подать завтрак на двоих и пригласить ко мне Марка. Не прошло и десяти минут, как завтрак стоял на столе и я приветствовал у себя Марка.

Он выглядел посвежевшим, видимо хорошо отдохнул, и весь какой-то напряжённо-серьёзный, видимо от предчувствия важности предстоящего разговора. Я пригласил его за стол, и предложил сначала поесть, а уж потом поговорить. Он не возражал, и мы быстро покончили с завтраком.

– Ты хотел бы изучать Высокое Искусство? – спросил я Марка, когда слуга унёс грязную посуду, оставив только вино и фрукты. – Хорошенько подумай прежде, чем ответишь – назад хода не будет. –

Мой вопрос, видимо, застал Марка врасплох, и он ненадолго задумался. На лице его отразилась борьба чувств, в которой сошлись страстное желание учиться, со страхом неожиданности предложения. Желание быстро победило страх, и Марк ответил с такой горячностью, которую я от него ни как не ожидал.

– Конечно, хочу. Мало того я хочу это так, как ни когда не хотел ни чего другого в жизни. Я мечтал об этом всегда,

но Верховный жрец, который опекал меня с самого детства, почему-то этого не хотел. Был период, когда я даже хотел сбежать от него, но от него разве сбежишь, – с чувством заговорил Марк. – А учиться у тебя, господин Азар, для меня великая честь. Об этом я не мог и помыслить.

– Ну, ну, не надо лести. Это тебе не к лицу. И не называй меня господином. Ты зря радуешься – учение у меня очень трудная штука, – предупредил я его.

Я налил себе и ему вина, которое мы не спеша выпили.

– Сегодня я с Яргустом ухожу, что бы привести сюда мой род, – сказал я. Ты остаёшься здесь, но бездельничать тебе не придётся. Во-первых, ты должен будешь проследить, чтобы Дрейк и Фил были поселены со всеми удобствами и смогли бы заняться тем, что им по душе. Они это заслужили. По всем вопросам обращай к Анту, я его предупрежу. Во-вторых, тебе придётся самостоятельно познакомиться с основами Искусства, поэтому моя библиотека в полном твоём распоряжении. Когда я вернусь, нам с тобой предстоит путешествие, которое должен совершить каждый, кто хочет стать полноценным Мастером Искусства. Ты должен быть готовым к этому. Я рассчитываю вернуться дней через десять, но могу и задержаться. А теперь нам пора прощаться. –

Я обнял Марка, и он удалился из моего кабинета. Затем я вызвал к себе Анта, и за бокалом вина велел ему подготовить место у озера, где я хотел поселить своих родственников. Пускай лесорубы заготавливают в предгорьях лес для

строительства домов новосёлам, а пока надо поставить на том месте шатры. Скоро население вотчины сильно увеличится – нам нужны воины, так, как приближаются тревожные времена.

Тебе Ант надо подобрать расторопных людей и организовать наблюдение у мест перехода. Всячески способствуй Марку в его делах, постарайся, что бы мои люди ни в чём не нуждались. Я вернусь дней через десять, постарайся к этому времени подготовить строительный лес. Попрощавшись с Антом, я вызвал к себе Яргуста, который тут же явился.

– Сегодня мы уходим, – сказал я ему, после обмена приветствиями. – Возьми с собой оружие и всё, без чего в дороге не обойтись. Вечером я даю торжественный ужин для подданных. Жду тебя там. Сразу после ужина мы уйдём. Рекомендую сейчас хорошенько отдохнуть.

Яргуст, как воспитанный молодой человек, поклонился, и, не говоря ни слова удалился, правда, я заметил, что глаза его сияли радостью.

3.

Медленно проплывает под нами земля. Мы не спеша летим над сосновым лесом очень низко, едва не касаясь вершин деревьев – так мы более незаметны. Идёт урок скрытного полёта.

Мы – это дядя Яргуст, молодой дракон цвета воронёной стали, и я, Кувай, восьмилетний дракон, цвета червонного

золота. Дядя Яргуст – мой учитель по, так сказать, драконоведению, то есть он учит меня всему, что должен знать и уметь любой дракон.

Сегодня мы отрабатываем навыки незаметного с земли полёта дракона – это самая сложная часть обучения. До этого, мы освоили скоростной полёт на большой высоте, когда из-за большой высоты и скорости, наблюдатель с земли просто не успевает тебя заметить. Этот способ хорош для дальних перелётов, но совершенно не годится для разведки – летя с бешеной скоростью, ты и сам мало что замечаешь.

Трудности нынешнего урока заключаются в том, что лететь надо очень медленно, еле шевеля крыльями, а это, скажу я вам, очень трудно, особенно если ты молод и кровь бурлит в твоих жилах. Кроме того, лететь надо максимально низко, повторяя каждый изгиб рельефа. Это то же очень трудно. Но самым трудным оказался полёт над верхушками деревьев. Тут мне пришлось изрядно попотеть, хотя драконы не потеют.

Солнце клонилось к вечеру, оба мы сильно устали и решили отдохнуть на небольшой лужайке, которую мы увидели во время полёта. Она располагалась на опушке старого соснового леса и, и через неё пробегал узенький ручеёк, что струился между серыми валунами, дело было в предгорьях и валунов вокруг имелось в избытке.

Мы опустились на траву и сразу же обернулись, приняв свой человеческий облик. Пока дядя Яргуст доставал из до-

рожной сумки еду, я решил разжечь костёр, что бы вскипятить чай. Недавно я освоил огненное заклинание, и, решив порисоваться перед дядей Яргустом, применил его для того, что бы разжечь костёр.

Однако, дядя Яргуст остался недовольным мной. Когда я спросил его, что не так, он ответил, что я, мол, без нужды применил Искусство, и, тем самым выдал своё присутствие здесь. Мол, у меня на носу экзамен по умению скрываться от наблюденья, а я шумлю на всю вселенную. Похоже, мне не сдать экзамен, а тем самым весь позор моего провала ляжет на его, Яргуста голову – мол, плохо учил.

Когда он объяснил, как опасно без крайней нужды использовать Искусство, что своими безрассудными поступками, я могу подвести не только себя, но и Яргуста, а этого мне очень не хочется. Я очень полюбил его, а теперь получается, что я его огорчаю. Осознав это, я испытал такой стыд, что готов был провалиться сквозь землю. Когда дядя пригласил меня поесть, то от стыда кусок не лез в горло. Видя моё состояние, дядя Яргуст сказал, что пока ничего страшного не произошло, но на будущее имей в виду. Я успокоился и стал уплетать мясо за обе щёки, запивая его горячим чаем. Наевшись, мы прилегли возле костра, на расстеленных дядей одеялах, и я не заметил, как уснул и проспал до утра. Когда я проснулся, солнце только-только показалось из-за горизонта. Было свежо, но не холодно. Всё так же горел костёр, а у костра сидели, о чём-то разговаривая, дедушка Азар и дядя Яргуст.

Сначала я подумал, что они мне снятся, но, сколько я не тёр глаза, видение не исчезало. Увидев, что я проснулся, дед с улыбкой поздоровался и пригласил меня присоединиться к ним. Я быстро умылся и присел у костра. Дядя подал мне кружку чая, я поблагодарил и стал пить.

– Послушай меня внимательно, внучок, – сказал дед, положив мне руку на плечо. – Дела обстоят так, что экзамен тебе придётся держать уже завтра. Если сдашь, тогда мы отправимся с тобой в одно небольшое путешествие – пора тебе уже посмотреть внешний мир, но это будет зависеть от того, как ты будешь готов.

– Мы отправимся в Империю? – спросил я деда.

– Нет, что ты, тебе туда пока никак нельзя, – ответил он. – Мы пойдём вчетвером – Марк, Яргуст, ты и я. Пойдём далеко, и от каждого из нас будет зависть судьба остальных. Это ты должен хорошо усвоить. –

У меня от предчувствия большого приключения внутри все замерло. Как давно я ждал этого момента. Выросший в безопасной обстановке вотчины, я всегда мечтал о дальних путешествиях и опасных приключениях. А тут такой шанс. Я часто слушал рассказы Марка и Яргуста, о тех приключениях, что пришлось им пережить, путешествуя вместе с дедушкой Азаром. Сам дед о своих путешествиях ничего не рассказывал.

Была, правда, одна досадная помеха – нужно было сдать экзамен и сдать досрочно. Я не стал на этом зацикливаться,

и понадеялся, что мне повезёт. С другой стороны, летал я уже достаточно хорошо, а некоторые слабые места надеялся доработать сегодня – пусть даже для этого придётся загонять дядю Яргуста до полусмерти.

Я быстро допил чай, и стал торопить взрослых скорее заняться полётами, даже несколько раз обернулся в дракона и назад. Глядя на это, дед рассмеялся и махнул рукой, сказав дяде Яргусту поступать так, как он считает нужным. Тот недолго сопротивлялся, и, в конце концов, сдался.

Ах, как мы летали. За день я освоил скрытный полёт в горах, бреющий полёт над морскими водами и ещё много чего. Закончили мы только, когда стемнело, и я уже не мог шевелить крыльями. Дядя Яргуст сказал, что я его совсем загонял, и теперь он неделю не сможет летать.

Когда все уснули, я потихоньку встал, и крадучись выбрался во двор. Стояла тёплая летняя ночь. Было достаточно светло, как раз всходила полная луна. Я оглянулся на наш терем, и заметил в окне комнаты деда свет. Значит, дед ещё не спит. Надо быть осторожнее. Я бесшумно выбрался за ворота, и, отойдя подальше, обратился в дракона и полетел.

Я не спал перед экзаменом вовсе не потому, что сильно волновался по этому поводу, хотя и это тоже имело место. Дело в том, что место проведения испытаний мне было известно ещё за неделю до этого. Сам дедушка показал его мне. Это был довольно обширный участок сильно пересечённой местности расположенной севернее озера. На нём име-

лось три определённых места, одно из которых я должен был незаметно посетить, оставить там, что-нибудь, что подтвердит моё проникновение, а затем покинуть участок, незаметно выбравшись за периметр. В этом и заключалась суть экзамена. Беда была только в том, что экзамен будет принимать сам дедушка, а от него поблажек не жди.

Я и не ждал. Не спал я потому, что хотел подготовить деду сюрприз. Взлетев, я направился к северной части периметра. Драконы прекрасно видят по ночам, и мне не составило труда долететь до намеченной мной точки. Добравшись туда, я занялся манипуляциями с Искусством, но делал это очень осторожно, что бы ни кто не мог заметить мою работу. Я надеялся, что это мне удалось. Закончив своё дело, я вернулся домой и завалился спать.

Разбудили меня чуть свет. Я поскорее привёл себя в порядок и попил чая. Есть я не стал – так легче летать. Одевшись в свою лучшую одежду, я явился в кабинет деда. Там находились, помимо деда, Марк, Яргуст, Ант и старейшины рода Белого облака. Все в лучших одеждах, при парадном оружии. Я поздоровался, и дед сказал, что экзамен у меня будет принимать лично он, а Марк будет ему помогать. Потом он добавил, что все драконы Белого облака выразили желание понаблюдать за соревнованием в воздухе, так что не ударь в грязь лицом.

Мы прошли к озеру, и дед сказал, что на испытание мне отпущено время до темноты. За это время я должен неза-

метно отметить, хотя бы в одной из точек и после этого вырваться обратно за периметр. Я кивнул деду и не спеша пошёл вдоль озера, направляясь к месту испытаний. Этим я многих разочаровал – все ожидали, что я тот час обернусь и полечу. Я, конечно, полечу, но только позже, а сейчас все пусть думают, что я растерялся.

Я специально не торопился – пусть у деда и Марка сложится впечатление, что я ничего не могу. Скрывшись за деревьями, я быстро зашагал к месту первого сюрприза – не зря же я вчера ночью был здесь. Примерно через полчаса я дошёл до места, где было настроено первое моё заклинание. Лёгкий толчок силы, практически незаметный, и в небо взмыл золотой дракон, стрелой набирая высоту. Как только это произошло, Драконы рода Белого облака взмыли в воздух, что бы с высоты наблюдать за испытаниями. Я внимательно прислушивался к себе, но никакого внимания со стороны деда не почувствовал.

Мой фантом достиг такой высоты, какую я вряд ли смог достигнуть, и, настроившись на него, я отчётливо увидел его глазами всё, что было внизу, но не простым зрением, а посредством Искусства. Я увидел плотную сеть сигнальных и защитных заклинаний, которые как рыболовная сеть накрывали собой всю территорию, куда мне надо незаметно проникнуть. Да, дед постарался на славу – нигде нет ни одной лазейки. Значит, в образе дракона не пробраться. Как я и ожидал. Я внимательно присмотрелся, и заметил, что защита

в основном препятствует проникновению с воздуха, а если идти по земле, то имеется щель, высотой не более полуметра, через которую можно проползти.

Я не стал обращаться, а как был в человеческой форме, стал приближаться к охраняемому периметру. Я чувствовал, что мой манёвр пока не обнаружен, а значит, у меня есть время, пока мой фантом держится. Подойдя к периметру вплотную, я опустил на живот, и пополз, стараясь не зацепить сигнальное заклятие. Спустя пять минут, я оказался за линией защиты, и опять не почувствовал, что меня обнаружили. И так, первая часть моего плана благополучно завершилась – я незаметно проник за периметр. Пора переходить ко второй части.

Я крался через лес, стараясь пробираться по самым заросшим местам. Позади осталась первая точка, где я оставил свой флажок, означающий, что я там побывал. Всё прошло как нельзя лучше, патрули, охранявшие точку, не заметили меня – все наблюдали за небом, откуда ожидалось вторжение. Там золотой дракон потихоньку снижался, выбирая место для проникновения. Та же история повторилась и на второй точке. Я уже ликовал, так как первую часть экзамена я уже сдал, и до сих пор не был обнаружен ни наблюдателями на земле, ни дедом с его Искусством.

На третьей точке везенье кончилось. Мой фантом наконец-то закончил свои манёвры и опустил на землю где-то за северной стороной периметра. Пришло время привести

в действие мой второй сюрприз. Я произнёс кодовое слово, и на севере золотой дракон решил прорваться через защиту периметра. Сразу же ярко вспыхнула и напряглась защитная сеть, и я почувствовал, как внимание деда и Марка сконцентрировалось в точке прорыва.

Я изо всех сил бросился к последней точке, но в этот раз я проявил неосторожность, и меня заметила стража. Они закричали и бросились ко мне, надеясь поймать. Пришлось на ходу оборачиваться в дракона и взлетать. Ладно, двух точек вполне хватит, а сейчас надо убираться от сюда как можно скорее.

Я летел над самыми вершинами леса на максимально возможной при таком полёте скорости. Периметр был совсем близко, когда я почувствовал, что наконец-то дед нашёл меня и решил взяться за меня в серьёз. Я почувствовал, как меня начала опутывать какая-то вязкая паутина, которая связывала мои движения, не позволяя мне махать крыльями, и, стремясь утащить куда-то в сторону, где меня, скорее всего, ожидали поимщики.

Всё, решил я, сейчас немного посопровствуюсь, а потом предъявлю деду главный сюрприз, надеюсь, он ему понравится. Дождавшись, когда напряжение достигнет максимума, я изверг изо рта поток ослепительно белого пламени. Наверно я был первым огнедышащим драконом. Всё же хорошо совмещать в себе два начала – дракона и мастера Искусства.

Эффект был потрясающий. Удерживающие меня нити

мгновенно исчезли, мало того, исчезла вся защита полигона. Я был свободен. Мешкать было нельзя, дед скоро оправится, и возьмётся за меня уже без всяких поблажек, хотя поблажек я от него ни когда не получал. Я рванулся из все сил, и как стрела вырвался с полигона. Ура, экзамен сдан, и я уже не спеша полетел домой.

Первым, как и положено, меня встретил дед. Он с некоторым удивлением посмотрел на меня, затем улыбнулся, крепко меня обнял и поздравил со сдачей экзамена.

– Ты молодец, – сказал он в заключение.

Затем подошёл дядя Марк и от души поздравил меня. Следом за дядей Марком подошёл дядя Яргуст. Он молча обнял меня, потом взлохматил мне волосы.

– Научишь? – спросил он меня.

– Конечно, – ответил я.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись – снимали напряжение.

– Кстати, наши драконы, все как один, захотели, что бы ты научил их своему трюку, Азар же поддерживает их просьбу, – очень серьёзно сказал Яргуст.

Я растерялся. Как я, совсем ещё мальчик, буду учить заслуженных драконов? Яргуст, словно прочитал мои мысли.

– А ты обучи сначала меня, а я потом помогу тебе, – сказал он мне, и глаза его при этом хитро блеснули.

Мы посмотрели друг на друга и опять расхохотались, и смеялись, не сдерживая себя, до слёз.

Я специально назначил наш уход на вечер, чтобы попасть в ближайший к нам мир рано утром. Время идёт в разных мирах с разной скоростью, и это необходимо учитывать.

Пир во дворе моего терема был в самом разгаре, и многие были уже навеселе. Мы с Яргустом пили мало, но зато наедались до отвала, кто знает, когда удастся поесть в следующий раз. Марк всё порывался идти с нами, но я сказал ему решительное нет, и он как-то сник, видимо обиделся. Не брал я его по нескольким причинам. Во-первых, следовало торопиться, а Марк ещё не владел Искусством, и был бы просто помехой. Во-вторых, у меня на его счёт были свои намеренья, поэтому пусть пока покопается в моей библиотеке. Наконец, наш поход не обещал оказаться лёгкой прогулкой, а рисковать Марком, в свете последнего, что я узнал о нём, вовсе не хотелось.

Короче, когда гости вступили в стадию всеобщего веселья, когда никто никого не слушает, я сделал знак Яргусту, что, мол, пора уходить. Мы выбрались из-за стола, взяли заранее собранные вещевые мешки, захватили оружие и направились к выходу. Я частенько покидал вотчину подобным образом, поэтому на нас ни кто не обратил внимания. Однако, я ошибся. Не успели мы отойти от усадьбы и пол лиги, как нас нагнал Марк. Я с удивлением посмотрел на него, и уже собрался было отчитать, когда он сказал, что не, может отпустить нас, не попрощавшись, и просит разрешения

проводить нас до портала. Я хотел возразить, что уже темно, и как он будет возвращаться домой. На это он ответил, что хорошо видит в темноте, а кроме того сказал, что ночи стоят тёплые, и если, что заночует на месте перехода. Потом за него вступился Яргуст и я, махнув рукой, согласился. Сказать по правде я и сам хотел подольше не расставаться с Марком.

Примерно за час мы дошли в полном молчании до знакомого холма – говорить больше было не о чем. Я сразу же занялся открытием прохода, а Марк и Яргуст о чём-то тихо беседовали. Проход открылся без особого труда – вот, что значит хороший отдых. Знакомое перламутровое сияние манило шагнуть в него. Яргуст коротко обнял Марка, закинул за спину походный мешок, поправил длинный узкий меч, весящий на левом боку, и шагнул в проход. Я тоже, не стал мешкать, обнял, крепко прижав к себе, Марка, взял свои вещи и шагнул в проход, который тут же за мной закрылся.

Мы очутились на том же месте, где ещё совсем недавно, по нашему времени, в смертельной схватке погибли наши фантомы-двойники. Здесь было, как я и рассчитывал, раннее утро, хотя уже наступила осень. Да, вот такие чудеса выкидывает в некоторых местах время.

От наших двойников, разумеется, ничего не осталось, а от мастеров и серых всё же остались, сильно обглоданные мумифицированные трупы. Я посмотрел на Яргуста, но тот хранил или создавал видимость, каменного спокойствия, хо-

тя я чувствовал его внутреннее напряжение. Мы не стали здесь задерживаться, а поднялись на невысокую гряду, с которой мы когда-то наблюдали за схваткой.

На гряде я объявил привал – мне надо было, сосредоточиться. Прикрыв глаза, я сосредоточился, и начал аккуратно ощупывать окрестности. Всё было спокойно, по крайней мере, в окружности диаметром лиг двадцать. Можно было не спеша заняться переходом, что бы попасть в Империю.

Для начала, я создал наших двойников и направил их по дороге мастеров, которая являлась самой короткой и самой до сих пор безопасной дорогой от вотчины до Империи. Но это было когда-то, а вот, сейчас, в свете последних событий, пользоваться ей я бы не стал.

Когда наши фантомы-двойники скрылись в открытом мной проходе, и мерцание его медленно угасало, я обратился в удивлении глазеющему во все глаза на это чудо Яргусту.

– Сейчас тебе придётся обернуться, мой мальчик, – сказал я. – Время не терпит, и нам придётся очень постараться, что бы быстро добраться до Голубого озера. Так, что нам придётся лететь. –

– О, я с удовольствием понесу тебя на спине, дядя, – сказал с почтительной улыбкой Яргуст и поклонился, прижав ладонь правой руки к сердцу.

В ответ на его слова я рассмеялся, нет, я буквально расхохотался и так хохотал минут пять. На лице молодого дракона появилась тень обиды, но я сделал ему знак не обижаться.

Отсмеявшись и вытерев выступившие от смеха слёзы, я тут же постарался всё объяснить.

– Ты думаешь, что я взял тебя в качестве ездового дракона? – еле сдерживаясь от приступа смеха, проговорил я. – Ты, никак, думаешь, что я совсем стар, и меня нужно носить на руках, то бишь на спине? –

Бороться со смехом не было больше сил, и я дал ему полную волю. Яргуст вначале напрягся, а затем присоединился ко мне. Наконец, удалось справиться со смехом.

– Понимаешь, когда я сказал, что лететь придётся очень быстро, я имел в виду, что нужно будет выложиться полностью, так, что ни о каких полётах на драконах и речи быть не может, – сказал я. – Я даже не уверен, справишься ли ты. Так, что я уж по старинке полечу сам, пусть не так эффектно, как вы, драконы, но зато эффективно, как говориться, хоть низенько, но зато далеко. –

Я, конечно, специально говорил, что сомневаюсь в нём. Мне нужно было его подзадорить, и это, похоже, мне удалось. Судя по тому, как сверкнули глаза дракона, своей цели я достиг.

– Когда я обернусь, ты уж, пожалуйста, не пытайся бросаться на меня со своим мечом, – с усмешкой проговорил я. – Понравлюсь – не понравлюсь, а лететь нам вместе. Так, что за дело. –

Закончив говорить, я начал процедуру изменения формы, довольно болезненную, скажу я вам, и спустя пять минут,

на холме вместо меня стоял летучий демон. Это было нечто похожее на гибрид старого чёрта с пегасом, только у пегаса были крылья как у летучей мыши, и крылья очень даже внушительных размеров.

Яргуст, увидав меня в таком виде, громко засмеялся и тут же начал своё обращение. Не прошло и пары минут, как передо мной оказался небольшой дракон цвета воронёной стали, который продолжал громко смеяться. Его смех заразил меня, и я громко зарычал, что у демонов означало смех.

Отсмеявшись, я открыл проход, при чём, проход этот вёл прямо к порогу Империи. Но это был не совсем обычный проход – он состоял из целого ряда промежуточных проходов, которые вели через множество миров к месту назначения. Это было достаточно трудно сделать, но зато этот прямой путь позволял выиграть время, а это сейчас было самым важным. Помимо трудностей открытия такого прохода, существовало ещё одно, достаточно трудное, условие – по нему нужно было двигаться без остановки и на максимально возможной скорости. Именно это я и объяснил Яргусту перед тем, как мы влетели в проход.

И мы полетели, да так, что только миры мелькали. Я летел всё быстрее и быстрее, причём не столько за счёт крыльев, сколько за счёт Искусства. Яргуст вначале держался молодцом, но, к сожалению, очень скоро стал выдыхаться. Я предложил ему ухватиться за мой хвост, что он вскоре и сделал. И так, с драконом на прицепе, я продолжал и продолжал раз-

гоняться, и, наконец, достиг конца этого, казавшегося бесконечным, тоннеля.

Мы приземлились на живописной лужайке, густого листового леса, по которой протекал небольшой хрустально-чистый ручеёк, и без сил повалились в густую сочную траву. Однако, я не терял бдительности, и, первым делом, стал прощупывать окрестности на предмет какой-либо опасности.

Вскоре я убедился, что предосторожность моя была не лишней. В лигах пяти отсюда, я уловил присутствие очень неприятной силы – это был след серой немочи. Значит, эта зараза находится уже на пороге Империи. Так, придётся здесь ненадолго задержаться, что бы выяснить, что делает здесь эта нечисть. Короче, особо разлёживаться здесь нечего, необходимо сделать разведку.

Незамедлительно я принял свой обычный образ, а глядя на меня, обратился и Яргуст. Было видно, как он устал – перелёт забрал у него, похоже, все силы. Я велел ему развести костёр и приготовить обед, а сам отправился в разведку. Дракон сначала попытался протестовать, но я так взглянул на него, что желание перечить у него сразу же пропало.

Оставив дракона заниматься хозяйством, я углубился в лес, держа направление на след серых. Лес был роскошным. Основную массу деревьев в нём занимали дубы, липы и клёны, и, хотя лес был густым, идти по нему было достаточно легко. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густые кроны, ри-

совали на ковре из опавшей листвы, коей была покрыта земля, пёстрые узоры, и казалось, что солнце что-то хочет написать, но пока не знает что. Птицы голосили, празднуя очередной день, радуясь жизни, солнцу, лесу.

На фоне этого праздника жизни, чем-то абсолютно чужеродным и неуместным здесь, казался след серых, который, по мере моего продвижения, делался всё более отчётливым.

Лес стал редеть. Появились невысокие холмы, и с вершины одного из них я и заметил серых всадников. Я много раз слышал о них, но видеть до сих пор не приходилось. От них явно воняло мертвечиной, и в душе появилась ледяная заноза, которая вызвала во всём теле какое-то тупое оцепенение. Так я и смотрел на них, будучи не в силах сдвинуться с места.

Это состояние длилось минуты две, затем во мне поднялась какая-то дикая ярость, совершенно мне не свойственная. Я захотел тут же уничтожить эту нечисть, и уже стал готовить удар, когда произошло нечто, что не позволило мне сделать этот опрометчивый шаг.

Произошло вот что – до меня дошёл сигнал от отправленных мной по пути Мастеров наших фантомов-двойников. Они, как я и ожидал, попали в засаду, и теперь яростно отбивались от окруживших их со всех сторон Имперских гвардейцев. Они мне ещё были нужны, поэтому я послал им дополнительный импульс силы, и они, получив его, сделали рывок, который позволил им вырваться из кольца. Теперь

они, обратившись, со всей возможной скоростью стали отрываться от преследователей. Я не сомневался, что они уйдут, и будут ждать моего сигнала в условленном месте.

Серые всадники, видимо что-то почуяли. Они резко прищипорили коней, и, спустя минуту скрылись за поворотом дороги. Я же, погасив уже готовый удар, повернулся и поспешил назад, на поляну, где я оставил Яргуста.

Я отсутствовал часа четыре, и когда вернулся, застал Яргуста на грани отчаянья – он весь извёлся, ожидая меня. Увидев меня, он весь засветился от радости, и бросился мне на встречу. Мы обнялись – это произошло как-то само собой, и я увидел, что он всего лишь рано подросший мальчишка, которому было ужасно страшно одному в незнакомом мире.

Пока мы ели, я вкратце рассказал ему об увиденном, и сказал, что особо расслаживаться нечего – как только поедим, сразу в дорогу. Что мы и сделали, спустя полчаса. Проход открылся сразу, и мы дружно шагнули в радужное сияние, которое медленно гасло за нашими спинами. И так, вот мы и снова в Империи драконов. Я осмотрелся – опасности не было. Мы попали довольно далеко от Голубого озера, до которого было не меньше трёх суток ходу.

Местность, где мы оказались, была достаточно дикой, и представляла собой невысокие горы, заросшие густым хвойным лесом, только вершины были свободны от зарослей – там расстилались альпийские степи, поросшие разнотравьем. Вечерело. Опасности я не обнаружил, поэтому решил

заночевать здесь, а завтра, с утра двинуться в путь. Яргуст спросил меня, почему я намерен идти пешком. На это я ответил, что не хочу своими полётами привлекать ненужного нам внимания, поэтому нам придётся хорошенько помять ноги.

4.

Никогда не думал, что уснуть так трудно, особенно когда надо выспаться. А выспаться мне надо. Как сказал дедушка Азар, завтра нам предстоит дальнейшее путешествие, которое потребует от нас полной отдачи сил. Вот я и лежу в постели, ворочаясь с бока на бок, а сна ну ни в одном глазу.

Комната, которая служит мне спальней, маленькая и очень уютная. Я сплю здесь почти с самого рождения. Спальня деревянная и мне знаком здесь каждый сучок, и когда мне плохо или вот так же не спится, я начинаю считать их, и, вы знаете, помогает. Однако, на этот раз и сучки не помогли.

Осталось последнее средство – это воспоминания, чем я и занялся.

Целую неделю, после того, как прошёл экзамен, Дед не обращал на меня никакого внимания, ну совсем никакого, будто меня здесь не было. Я, с независимым видом мотался по усадьбе, стараясь почаще попадаться на глаза деду, но он меня в упор не видел. О своём обещании взять меня с собой он словно забыл, и я бы, конечно, напомнил бы ему, но я слишком хорошо знал деда, а значит, знал, что он никогда ничего не забывает и всегда то, что обещал – выполняет. По-

этому я набрался терпения и ждал, когда он соизволит обратиться на меня внимание.

В конце концов, мне надоело бесцельно болтаться по усадьбе, и я ушёл в посёлок к моим друзьям, благо в учёбе были каникулы. Вообще, в посёлке, где обитали люди и драконы рода Белого облака, у меня было множество знакомых и приятелей моего возраста, но больше всего я сдружился с двумя. Это были родные братья, старший из которых был мой ровесник, а младший на два года моложе. Старшего звали Вольдемаром, но все звали его Вовкой и он был человеком. Младший носил звучное имя Василиск, хотя мы звали его просто Васькой, был прекрасным товарищем и драконом, причём драконом осознавшим себя.

Вообще следует сказать, что в роду Белого облака рождалось очень много драконов, особенно последнее время после исхода из Империи, так что среди моих сверстников почти половина были драконы, причём осознание их стало очень ранним, почти с самого рождения.

Так вот, пока дед не обращает на меня внимания, я решил даром времени не терять, а вместе с друзьями обследовать целый комплекс пещер, который находился где-то в горах Северного хребта. Об этих пещерах я прочитал в одной из книг, коих было великое множество в дедушкиной библиотеке. Раньше заняться поисками мешали занятия, теперь же я решил осуществить эту мечту.

Прекрасным летним утром, отойдя подальше от посёлка,

мы с Васькой обратились, я, как старший усадил на спину Вовку, и мы полетели в сторону Северного хребта. Это было довольно далеко, так что добрались мы туда только к вечеру.

Место, где мы оказались, было совершенно диким, так что создавалось впечатление, что со дня творения здесь не вступала нога человека. Это была уютная горная долина, густо поросшая густым ельником. По её дну бежала маленькая, но очень бурная горная речка с ужасно холодной водой. Исток реки находился, по всей видимости, где-то в пещерах, которых здесь было видимо-невидимо.

У устья самой большой из пещер, это мы определили на глаз, мы разбили наш лагерь. Поставили походный шатёр, оборудовали кострище, натаскали дров – вот и весь лагерь. Поужинав, мы ещё долго сидели у костра, строили планы на завтра, просто болтали, шутили и от души хохотали над собственными шутками, в общем вели себя так, как обычно ведут себя мальчишки, когда они представлены сами себе.

Проспали мы долго, и, наверное, спали бы ещё, если бы к нам в лагерь, буквально с неба, не свалился дядя Яргуст. Нет, он, конечно, не свалился, а, достаточно плавно, опустился на поляну возле лагеря. Как только он обернулся, сразу же громко стал будить нас.

Мы проснулись и сразу же вылезли на улицу, где попали в объятия дяди. Самое интересное, что для Вовки и Васьки, он, действительно, был дядей, а я только считал его таковым, но всё равно любил не меньше, чем родные племянники. Что

характерно – никакой ущербности по поводу родственных отношений с людьми, которых любил, я не испытывал.

– Дядя, ты пойдёшь с нами в пещеру? Ты, для этого прилетел? Что случилось? – посыпались вопросы с нашей стороны.

В ответ дядя Яргуст засмеялся и замахал руками, дескать, не все сразу.

– Погодите, погодите, не все сразу, – со смехом сказал дядя. – А, что, накормить гостя завтраком у вас не принято? Вот позавтракаем тогда и поговорим.

Мы, конечно устыдились, бросились разводить огонь и готовить завтрак. Дядя Яргуст присел на лежащее, на поляне бревно и с интересом наблюдал за нашими манипуляциями.

– Да, меня кто-нибудь просветит о том, как сюда попал Вовка, как вы его зовёте? Ну, Кувай и Васька понятно – драконы, а Вовка, насколько мне известно, никогда летать не умел. Неужели кто-то из вас привёз его на себе? – задумчиво проговорил дядя, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я благоразумно помалкивал, ребята тоже не рвались отвечать, делая вид, что ужасно заняты. Дядя, видя, что ответа от нас не добиться, усмехнулся и начал говорить, ни к кому конкретно не обращаясь, как бы сам с собой.

– Я знал одного дракона, который однажды захотел стать ездовым драконом, – с усмешкой говорил он. – Правда, это ему не удалось, и кончилось всё тем, что ему пришлось тогда заканчивать путь, держась за хвост крылатого демона.

Он опять рассмеялся, хотя я ни как не мог взять в толк, над чем он смеётся, хотя упоминание о самонадеянном драконе, явно было камнем брошенном в мой огород.

— Могу вам открыться, что тем драконом был я сам, — оголошил нас своим признанием дядя. — Ну, а тем демоном был сам господин Азар. Ладно, я был и остаюсь обычным драконом, и ездового дракона из меня не вышло, хотя я не теряю надежды. —

Он опять расхохотался, но в этот раз он смеялся не один — мы дружно присоединились к нему. Наконец завтрак был готов, и мы дружно принялись за еду.

— К сожалению, моя миссия вам вряд ли понравится, — сказал дядя, покончив с завтраком. — Я прилетел затем, что бы призвать Кувая — его время пришло. Господин Азар вызывает его к себе, так, что вашу экскурсию придётся прервать, но я надеюсь, что вам ещё удастся исполнить свои намерения. —

Известие о том, что дедушка Азар зовёт меня, вызвало у меня прилив великой радости — наконец-то сбываются мои мечты о великих приключениях и дальних путешествиях, по сравнению с которыми наша экскурсия в пещеры показалась мне детской забавой.

Но помимо радости, испытывал я и небольшое раздражение от того, что не удалось осуществить свой замысел с пещерами, да и за ребят было обидно — они-то совсем приуныли.

А ещё, у меня возникло и уже не отпускало чувство, что именно сейчас, в этот самый момент, происходит моё расставание с детством, что это переломный момент в жизни моей, когда можно вот так беззаботно сидеть у костра с друзьями и близкими людьми. Ещё будет множество путешествий и приключений, ещё впереди целая жизнь, но это утро у костра в уютном горном ущелье останется со мной навсегда. Пусть здесь не было приключений и опасностей, действительно, какие опасности могут быть в уютной дедовой вотчине, но скорей забудутся самые опасные приключения, чем эта экскурсия. Именно её я запомнил навсегда.

– Однако, мы всё же сможем осмотреть с вами хотя бы одну пещеру, если, конечно, мы не будем сидеть сиднем. Полетим отсюда мы только ночью – пора вам осваивать ночные полёты, продолжил дядя.

Мы быстро собрались, и вытянувшись в цепочку, направились к входу в ближайшую пещеру.

Пещера оказалась настолько красивой, что надолго захватила наше внимание, и мы, как зачарованные бродили по её обширным залам, которые, словно на конкурсе красоты, раскрывали свои прелести перед нашими восхищёнными взорами.

Мы так увлеклись, что совсем позабыли о времени и только возникшее внезапно очень сильное чувство голода, напомнило нам, что пора возвращаться. В лагерь мы вернулись, когда солнце уже пряталось за склон ближайшей го-

ры. Сразу же занялись приготовлением ужина. Потом, поев, мы долго сидели, молча глядя на догорающий костёр. Спешить было некуда, вещи собраны, взлететь мы могли в считанные мгновения, и поэтому каждый из нас, включая и дядю, неосознанно желал продлить этот блаженный покой, который, Бог весть, мог никогда больше не повториться.

Не знаю, как другие, но я испытал в это время острое чувство потери. Потери чего-то такого, что невозможно описать словами, но потери чего-то крайне для меня важного, чего-то такого, чего мне не будет хватать всю мою оставшуюся жизнь.

Я вдруг остро понял, что хотя ждёт меня впереди ещё множество таких вот вечеров у костра, но никогда не повториться этот вечер, наполненный лёгкой грустью с горьковатым запахом дыма от догорающего костра. В это момент я окончательно понял, что так пахнет расставание с детством, и постарался запомнить этот запах навсегда.

– Нам пора, – сказал, наконец, дядя.

Я вздохнул, незаметно смахнул с глаз внезапно набежавшую слезу. Пора было лететь, и, хотя я очень любил полёты, сейчас мне лететь почему-то совсем не хотелось.

– Сегодня я буду ездовым драконом, – заявил дядя. – Мало того, я ещё буду и выучным, так как заберу помимо Вовки и весь груз. –

Я попытался протестовать, но он заявил, что лететь придётся очень быстро, поэтому вы полетите налегке. Я не стал

возражать, да это было и бесполезно.

Не прошло и трёх минут, как мы обернулись, Вовка с комфортом расположился на спине у дяди и мы взлетели. До этого, ночью я летал только перед экзаменом, но тогда я целиком и полностью был занят подготовкой к экзамену, и мне было не до впечатлений.

На этот раз, я ощутил все прелести ночного полёта. Первым взлетел дядя, с Вовкой на спине. Мы с Васькой взмыли в воздух следом, и полетели рядом, пристроившись в хвост дяди.

Было уже достаточно темно, и земля быстро исчезла из вида, растаяв во тьме. Зато небо как бы приблизилось, создавая впечатление, что ты летишь где-то в открытом космосе, едва не задевая своими крыльями звёзды.

Это было блаженство, слегка, ну самую малость, приправленное лёгкой, на самой границе восприятия, грустью. Грусть по прошедшему дню, по ясному пониманию, что и эта волшебная ночь когда-нибудь кончится и исчезнет там же где и прошедший день, где исчезает всё на свете, и лишь память выдёргивает из этого бездонного колодца фрагменты событий и чувств, что волновали нас когда-то.

Дядя летел очень быстро и мы, сначала с трудом поспевали за ним. Но постепенно втянувшись в ритм полёта, обрели какую-то лёгкость, такую, какая приходит в момент принятия какого-то жизненно важного решения, после принятия, которого нет пути назад, и остаётся стремиться всё вперёд

и вперёд. Возникает необыкновенная лёгкость, когда всё кажется настолько естественным, что крылья без всяких усилий несут полностью расслабленное тело всё дальше и выше, и даже появляется, правда на миг, ощущение, что ты можешь задеть своими крыльями звёзды. Потом это ощущение пропадает, а ему на смену приходит непередаваемый восторг, который рвёт в клочья твои тело и сознание, и ты, уже неким звёздным скоплением несёшься, сам не ведая куда.

Вот что такое ночной полёт, который совершает молодой дракон, прощаясь с детством, когда запах догорающего костра смешивается с запахом сгорающих звёзд. В этот миг, а любой полёт лишь миг, ты всем своим существом ощущаешь, как маленький мальчик, что жил в тебе до сих пор, скромно уступает место стройному юноше, и от этого на душе одновременно и грустно и весело. Вот так я воспринял прощание с детством. Иди с миром, малыш. Мы дружно жили с тобой, и я никогда тебя не забуду. Здравствуй незнакомый юноша, у нас ещё будет время познакомиться с тобой, но я заранее рад тебе.

5.

Мы с Яргустом не спеша спускались с холма, когда нас остановил вооружённый патруль. Смеркалось, хотя освещение было достаточно, что бы мы смогли рассмотреть герб рода Белого облака. Значит, мы не опоздали, с облегчением подумал я. Яргуст вышел вперёд, и его тут же узнали. Послышались радостные возгласы. Нас окружило человек десять.

Все они были в доспехах и при оружии – у кого мечи, у кого секиры, а у кого короткие копья с длинными узкими наколочниками. Все молодые, лет от силы шестнадцати, высокие и красивые, сейчас они были отмечены суровой сосредоточенностью, какую обычно придают доспехи и чувство близкой опасности, превращающие мальчишек в мужчин и воинов. Главным из десятка был молодой человек лет двадцати, которого все его молодые подчинённые слушались беспрекословно. Он не стал спрашивать Яргуста, кто с ним, ну, а я и не собирался раскрывать своё инкогнито.

Командир патруля выделил нам провожатым одного из своих воинов, что бы, как он объяснил, у нас не возникло задержек при встрече с другими патрулями.

Пока мы дошли до ворот усадьбы у Голубого озера, окончательно стемнело. По дороге наш провожающий вкратце рассказал нам, что Повелитель драконов послал сюда войска, с приказом привести в повиновение род Белого облака, и их прибытие ожидается со дня на день. Отсюда усиленные патрули. Мы имеем приказание, при встрече с вами без промедления доставить вас в усадьбу.

Ворота, по случаю позднего времени были закрыты. Наш проводник громко постучал и назвал только одно имя – Яргуст. Ворота тут же раскрылись, пропуская нас во двор. Мы попрощались с провожатым, который поспешил обратно к своим товарищам, и вошли в усадьбу.

Превратная стража сообщила нам, что нас ждут и пред-

ложили провожатого, однако Яргуст отказался, сказав, что и сам хорошо знает дорогу. Он быстро зашагал по направлению к главному зданию усадьбы, я же отстал – ноги почему-то стали как ватные. Это было легко понять – он возвращался домой, а я возвращался в детство. Увидев, что я отстаю, Яргуст удивлённо взглянул на меня, но потом всё понял и замедлил шаги.

Возвращаться в детство, если ты ещё молод, не составляет труда, а каково когда ты уже не молод. На меня опять навалился целый горный обвал чувств, грозя похоронить меня под своей тяжестью. Опять страх собственной неуместности и ненужности, боролся с набирающими силу чувствами родства и нужности, холодное равнодушие и сдержанность, так свойственные Мастерам, оказались лишь жалкой попыткой оправдать своё одиночество и не дать вырваться наружу потоку чувств, обретённому мной в детстве и тщательно сохраняемое в глубине души моей. И вот плотина, которая сдерживала напор чувств, что стремились вырваться из души моей, готова была вот-вот рухнуть, и только воля моя ещё удерживала её от полного обрушения, хотя через образовавшиеся трещины уже просачивались давно забытые чувства. Но пока, я сдерживал напор, хотя делать это было всё труднее.

Двор усадьбы, такой знакомый до каждого камня, был заставлен походными шатрами и палатками. Всюду горели костры, на которых, скорее всего, готовили ужин. Мужчины все с оружием, хотя доспехи были далеко не у всех, часть

женщин, те, что помоложе, тоже вооружились. Короче двор выглядел как воинский лагерь, коим он, в сущности, и являлся. Как я потом узнал, здесь расположились беженцы из столицы, в основном бездетные. Женщины с детьми и старики были устроены в домах. Это было правильно, ведь эти люди, вполне осознано решили связать свою судьбу с родом Белого облака, и, хотя не являются членами рода по крови, по духу они свои. Впереди всех этих людей ожидала смертельная схватка, исход которой не знал никто.

Мы с Яргустом прошли к главному зданию усадьбы, пробираясь между шатрами и кострами. На нас глядели с интересом, но никто ничего не спросил. Поднявшись на крыльцо, которое за долгие годы не претерпело каких-либо изменений, мы вошли в холл, где было очень многолюдно и от того шумно. Ещё бы, весь холл заполняла детвора, примерно такого возраста, когда сидеть тихо просто невозможно. Женщины, находящиеся при малышах, совсем замучились, стараясь утихомирить своих подопечных.

С большим трудом мы пробрались через холл и поднялись по лестнице на второй этаж. Здесь было потише, хотя шум с низу был отчётливо слышан. Наконец, мы подошли к одной из дверей, Яргуст постучал и открыл её. В комнате было светло от множества горящих свечей, что создавало резкий контраст с полутёмным коридором.

Яргуст, войдя в комнату, громко объявил.

– Азар, Мастер Высокого Искусства, Владелец вотчины

Сегурии, милостиво согласился помочь роду Белого облака, – торжественно произнёс он.

Я смутился – никогда не слышал свой титул в такой торжественной обстановке, да и не думал, что он звучит так пафосно. К смущению добавился новый всплеск чувств – плоть дала ещё одну трещину.

– Входи же, благородный Азар, – слышалось из комнаты.

Я, собрав в кулак всё своё мужество, на ватных ногах вошёл в комнату, в ту самую из которой уводили меня в новую жизнь много-много лет назад. Круг замкнулся – я снова здесь, изрядно постаревший, но к моему великому изумлению, внутренне всё тот же мальчишка, любящий мечтать о несбыточном. Многие из несбыточного я уже реализовал, многое находится в стадии воплощения, а я всё так же продолжаю мечтать и снова о несбыточном.

В комнате за большим круглым столом находились все старейшины рода, во главе с моим отцом, который и был главой рода Белого облака. При моём появлении все встали и поклонились мне, в знак своего ко мне уважения. Яргуст скромно стоял в сторонке, и на его лице было выражение удовольствия, какое испытывает человек, закончивший трудное и очень важное дело.

– Род Белого облака благодарит тебя, благородный Азар, за то, что ты снизошёл к нашей просьбе, и не отказал в своей помощи и поддержке своим родичам, – очень торжественно

произнёс отец, внимательно, и, как то испуганно глядя на меня.

Я никогда не любил торжественных речей и всяческих официальных церемоний, и, хотя мой титул в Имперском табеле о рангах занимал промежуточное место между владетельным герцогом и удельным князем, требовал соблюдение этикета, я каждый раз пренебрегал этим. Поэтому я не стал дальше разыгрывать пустые церемонии – не было ни времени, ни желания.

– Давай без церемоний, отец, – просто сказал я. – Я сделал только то, что сделал. Основные трудности у нас будут завтра, и вот об этом нам сейчас стоит хорошенько подумать. А, что касается вашей просьбы, так на это я скажу так, что я буду только рад принять свой род в вотчине, хоть на время, хоть навсегда. –

После этих слов отец подошёл ко мне и крепко обнял меня. Это объятие окончательно разрушила плотину, что была воздвигнута в моей душе, и чувства бурным потоком хлынули из моей души, смывая остатки страхов и недоверия. Я снова стал своим.

Однако, предаваться чувствам не было времени – грозная опасность нависла над родом. У меня давно был готов в общих чертах план эвакуации рода, необходимо было только уточнить нынешнее состояние дел для внесения необходимых корректив.

Один из старейшин, то ли мой родной дядя, то ли двою-

родный дядя, я совершенно не знал своих родственников, обрисовал мне состояние дел на данный момент, и добавил, что с минуты на минуту ждёт известий от драконов, посланных в разведку.

Общая картина выглядела так. Неделью назад, по приказу Властелина в усадьбу на Голубом озере было направлено многочисленное воинство, во главе с гвардией. Всего по данным разведки, численность войск составляла не менее тридцати тысяч человек, не считая обоза. Кроме того, и это мне больше всего не понравилось, с войском шло два десятка Мастеров, правда, среди них не было ни одного вотчинника, что вселяло надежду.

На второй день, по выходу из столицы произошёл бунт. Взбунтовалась гвардия, и большая её часть, оторвавшись от главных сил, быстрым маршем направилась к усадьбе, основное же войско, пока разобрались что к чему, потеряло целые сутки и сейчас находится в сутках пути отсюда. Части взбунтовавшейся гвардии, с которыми налажена связь, должны примкнуть к нам где-то на рассвете, а это около пяти тысяч отличных воинов. У нас же, на данный момент, вместе с ополчением наберётся от силы тысяч двенадцать. Итого, вместе с гвардией, мы можем выставить не больше семнадцати тысяч мечей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.